

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL.4, №2
TOM 4, №2

2022

16+

Востоковедение

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 22.06.2022. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 22.08/22 Printed from the finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: Sofiya Silakova-Makarova, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia;

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg

State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКА)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКА)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 22.06.2022. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 22.08/22 Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ.

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843) 292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари: Силакова-Макарова София Андреевна, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия;

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-

го факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутин Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджун, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kamilla A. Dana</i>	
New stilistic elements in Lo Pu's novel "The Eminent Woman".	6
<i>Diana M. Abdullina, Alfiya R. Alikberova</i>	
Problems of translation of Russian films into Chinese language (on the example of the movie "Yolki")	14
<i>Be Chunhong, Chang Xianmin</i>	
Comparison of the language planning of the five Central Asian countries after independence	21
<i>Han Yong</i>	
Cultural understanding of the homonymy of numerals in modern Chinese	30
<i>Mirzieva L.R., Shaikhutdinova E.N., An D.M.</i>	
The article title Passive Learning of Chinese through Appeal to the interests of the Learner	40

HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Yuliya G. Blagoder</i>	
Review of articles about China in the newspaper «Russkoe znamya» (1911)	54
<i>Aghavni A. Harutyunyan</i>	
Chinese one belt, one road in Arab countries in North and Eastern Africa	62
<i>Dmitry Ye. Martynov, Yuliya A. Martynova</i>	
Rewiew on: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p. ISBN: 978-3-030-00397-5]	98

PHILOSOPHY AND CULTURE

<i>Anastasiya A. Smirnova, Rustem R. Mukhametzyanov</i>	
Religious syncretism of the san jiao concept in the artistic expression of Feng Manglong	107
<i>Anton Ye. Lestev</i>	
Martial arts as a conductor of Eastern spiritual teachings and practices in modern Russia	118
Information for authors	127
Article formatting sample	132

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дана К. А.</i>	
Новые стилистические элементы в повести Ло Пу «Выдающаяся женщина»	6
<i>Абдуллина Д.М., Аликберова А.Р</i>	
Проблемы перевода российских кинофильмов на китайский язык (на примере фильма «Ёлки»)	14
<i>Бе Чуньхун, Чан Сяньминь</i>	
Сравнение языкового планирования в пяти странах Центральной Азии после обретения независимости	21
<i>Хань Ю.</i>	
Культурное осмысление омонимии числительных в современном китайском языке	30
<i>Мирзиева Л.Р., Шайхутдинова Е.Н., Ан Д.М.</i>	
О пассивном освоении китайского языка через обращение к интересам учащегося	40

ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Благодер Ю.Г.</i>	
Обзор статей о Китае в газете «Русское знамя» (1911 г.)	54
<i>Арутюнян А.А.</i>	
Китайский один пояс, один путь в арабских странах Северной и Восточной Африки	62
<i>Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.</i>	
Рецензия: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p. ISBN: 978-3-030-00397-5]	98

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Смирнова А. А. , Мухаметзянов Р.Р.</i>	
Религиозный синкретизм концепции сань цзяо в художественной интерпретации Фэн Мэнлуна	107
<i>Лестев А.Е.</i>	
Боевые искусства как проводник восточных духовных учений и практик в современной России	118
Информация для авторов	127
Образец оформления статьи	132

New stylistic elements in Lo Pu's novel "The eminent woman"

Новые стилистические элементы в повести Ло Пу

«Выдающаяся женщина»

Дана Камилла Анваровна

Ташкентский государственный университет

востоковедения

prs_186@list.ru

Kamilla A. Dana

Tashkent State University of Oriental Studies

prs_186@list.ru

УДК 821.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-6-13](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-6-13)

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены новые стилистические элементы в повести Ло Пу «Выдающаяся женщина». Автор выражает свои политические взгляды, выражает стремление к демократии и свободе, разоблачает отсталость феодального самодержавия, использует повесть для просвещения народной мудрости. В повести «Выдающаяся женщина» упоминаются многие передовые политические формы и образы жизни в западном обществе, которые привнесли глоток свежего воздуха в закрытый Китай поздней династии Цин.

Ключевые слова: «Выдающаяся женщина», Ло Пу, реформаторские идеи, поздняя эпоха Цин, «новый рассказ»

Для цитирования: Дана К. А. Новые стилистические элементы в повести Ло Пу «Выдающаяся женщина». *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4(2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-6-13>

ABSTRACT

The article considers new stilistic elements in Lo Pu's novel "The Eminent Woman". The author expresses his political views, expresses the desire for democracy and freedom, exposes the backwardness of the feudal autocracy, uses the story to enlighten folk wisdom. The novel "The Eminent Woman" refers to many of the advanced political forms and lifestyles in Western society that brought a breath of fresh air to the closed China of the late Qing Dynasty.

Keywords. "The Eminent Woman", Lo Pu, reform ideas, late Qing era, "new story"

For citation. Dana K.A. New stilistic elements in Lo Pu's novel "The Eminent Woman". *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-6-13>

Повесть «Выдающаяся женщина» была опубликована с первого по пятый выпуск китайского журнала, созданным Лян Цичао, посвященных первым сяошо, а именно «новому рассказу» (1902–1903 годы).

На создание большого количества произведений, в том числе и «Выдающейся женщины» оказала глубокое влияние книга Лян Цичао «Будущее Нового Китая», которая повлияла на развитие целого поколения “сяошо” в позднюю эпоху Цин. Например, известный литературный критик Господин А Инг так прокомментировал книгу: «Эта книга пример выражения политических мнений в стиле диалога и обсуждения национальных планов» [А, 1980]. Чтобы соответствовать политическому характеру в новом романе используются новые стили, такие как стиль обозрения, диалога и аргументации. Появился метод повествования.

В «Выдающейся женщине» тоже много таких приемов повествования, когда рассказывается история революции Софии. Например, в первой части повести через диалог между Хуа Минчин и Пэй Эми описывается первоначальный смысл книги: продвигать идеи нигилизма, равенства и свободы, тем самым прокладывая путь к появлению героини Софии. Автор использовал простой язык. Простое повествование устами Софии для продвижения революционных идей. София начала с самых элементарных потребностей трудящихся — вопроса средств к существованию: «Я сейчас задам вам вопрос, сколько дней вы можете есть дома хлеб?» «Есть ли у вас еще деньги, чтобы купить хлеб?» [Ло, 2017, С. 108]. Тогда София, воспользовавшись ситуацией сказала: «Подумай, пожа-

луйста, хорошенько, а если человек в день не ест хлеба, может ли он еще жить? Значит, этот хлеб и деньги на покупку хлеба и есть жизненная сила человека». [Там же] Затем София сравнила доходы рабочих и фабрикантов и объяснила, что забастовка рабочих не может решить основной проблемы и может дать лишь временный компромисс. Затем автор использует Софию, чтобы проиллюстрировать несправедливость феодальной наследственности: «Уважаемые подумайте, у ваших хозяев столько богатств, откуда они были взяты? Меня не интересуют иностранные государства, буду брать во внимание только наших русских богачей, кто смог своими силами и способностями заработать всего этого? Только потому, что их предки были князьями, вельможами, которые опираясь на свою мощь и силу, захватили русские земли все до единого. В итоге какой-то там царь, любит чтобы перед ним лебезили, не придает значения справедливости, поэтому земли передаются из поколения в поколения, так называемый закон вечного наследования. Поэтому и существуют эти не справедливые правила, которые привели к такой картине мира. Нынешние ваши хозяева являются потомками, так называемой на веки веков аристократией. Они всю жизнь живут в крупных зданиях, пируют, сидят в каретах, носят фраки, ведут светский образ жизни. Напротив, посмотрите на нас, на простой народ, все земли захвачены ими, не думая не осталось, еще надо за них работать, пахать как вола, в год 360 дней, не прожив ни одного дня в благополучии. Но для нас это еще не самое страшное, мы работаем, предоставляя им все больше и больше наслаждений, тем самым сами не стабильно получаем деньги на один день

проживания, не видя радостей в жизни. И скажите, есть ли в мире еще не справедливее вещи, чем это?» [Там же].

После София стала проповедовать принцип равенства для всех в эпоху Просвещения: *«Мы простолюдины глазами, ушами, ртом и носом ничем не отличаемся от аристократии, мы все одинаково появились на этот свет и полностью похожи. Верно, если мы все равны, тогда мы должны одинаково наслаждаться вскормленной землей, именно это является законом природы! Ныне эта аристократия, используя варварские методы, подавила этот закон природы, мы, увидев столь не справедливую ситуацию, почему так легко должны терпеть?»* Наконец, София перешла к делу и начала проповедовать разрушительный дух нигилизма, призывая всех подняться на сопротивление угнетению: *«Мы простой народ должны быть едины, иначе мы ничего не сможем сделать! Как сказал глава собрания, полчище муравей смогут поднять даже слона, стая перелетающей саранчи сможет покрыть небо, в этих словах действительно скрыт большой смысл. Уважаемые, посчитайте количество людей, аристократии так мало, а нас так много, если мы все соберемся в одну большую группу, то сможем что угодно свершить, и тогда нам никакая аристократия не помеха! Тогда Земля, кормящая нас людей, разделится поровну, и тогда во царит справедливость на Земле»* [Ло, 2017, С. 21-24]. Видно, что в это время между реформой и революцией автор все еще склоняется к реформе, и автор считает, что метод нигилизма не является последним средством, и его все же избегают. Эта прогрессивная речь также перекрещи-

вается с диспутами, такими как незавершенный спор о забастовочном движении, спор о слабых среди рабочих и т. д. Через эту речь и диспут Софии, автор раскрывает главную мысль повести.

Еще один великолепный аргумент исходил от Андрея, который, выступил в школе против божественного права императора: *«Вы говорите, что право императора дано свыше, с каких соображений вы утверждаете об этом? Что касается слова “Бог”, оказалось в варварском мире большим обманом, ныне наука прогрессировала в этом значении, это все полный вздор, на чем это может основываться? Неучи политики, утверждающие, что право власти дано свыше, и те религиозные деятели, говорящие о Боге и об ангелах утверждают об одном и том же. Теперь их слепые доводы и заблуждения были атакованы людьми, и не оправдали себя, вы до сих пор опираетесь на эти старые суждения, на «Бога» со слов врагов народа, запугивающих людей, обманывающих людей, вы также не разбираетесь в современных вопросах. Я примерно расскажу вам происхождение Царя, вы послушайте. Раньше, когда человечество не было настолько развито, не отталкивались от моральных принципов и справедливости, а были практически на уровне животных. Только опирались на сильное здоровье от рождения, дику силу, словно награжденные Небом особым правом, поэтому были необычно дерзки, и обижали более слабых. Жаль людей того периода, которые жили каждый сам по себе, словно песчинки, они не знали об объединение в большие массы к противостоянию ему, заставляя их полагаться на власть и влияние, выиграли много*

пользы, незаметно сделав его руководящим массой народа. Несмотря ни на что, люди выполняли его приказы, пусть даже в душе и было много дискомфорта, потому что было не достаточно сил противостоять ему и вынуждены были мириться с ним, это и было первой причиной появления среди человечества, что право Царя дано свыше» [Ло, 2017, С. 108]. В этом отрывке анализируется происхождение неравенства, и критик Тан Хукэ прокомментировал: «В «Гражданском договоре» Руссо говорится, что сильный должен обернуть свое угнетение в силу, и тогда он сможет контролировать других; слабый должен превратить свое подавление в обязательства. На самом деле, репрессия есть само подавление, право — это право на себя, само подавление — это самоподавление» [Dana, 2017]. В повести продолжается описание непреодолимой силы демократической цивилизации словами Андрея: «Все сущее, рожденное на Земле, изначально не ощущало не ненависти, не любви, если бы малое количество людей подавляла бы большое количество, это перевернуло бы небо и землю. Рад, что простые люди проснулись из забвения, очнулись ли мы. Узнав о своей силе, можно захватить их власть, объявив кровавую войну врагам народа. Попробуйте рассмотреть разгром римской империи, которая была основана Карлом Великим¹. На Западе и на Востоке страны подряд расцветали и распадалась, в стране император воевал с императором, аристократия против аристократии, они только и знали, как сохранить свое положение, и само собой им некогда было обращать внимания на простолудин. С тех пор идеология про-

стых людей начала постепенно развиваться. Взять Европу с 10 века по сегодня, каждые пятьдесят лет происходили крупные события. В результате сила простого народа не переставая росла, в религии развивалась справедливость, с помощью торговли разделяли богатство. А также несколько крестовых походов, которые незаметно помогли снизить мощь и богатства врагов народа, и вернуть их простым людям. К тому же цивилизационный прогресс в мореплавании, пушечной отрасли, порохе, литературе, технологиях, типографии дало еще большой силы простому народу. Это все является своего рода лестницей, для врага народа ведущей сверху вниз, для простого народа снизу вверх, все больше приближая две стороны. К восемнадцатому веку, то понятие справедливости, свободы и гуманности достигло больших высот, люди приобрели дух революции. Тогда направленность мысли, как скопление воды прорвавшие дамбу, как ровно идущая лошадь, трудно контролируемы, даже если не говорить о Великой французской революции, в каждой стране должна быть такая революция подобной французской. Не думал, что результат французской революции так напугает людей, враги народа боявшиеся накаление обстановки, решают создать партию, называя ее святой коалицией» [Ло, 2017, С. 37].

Автор использует эти диалоги, речи и аргументы, чтобы приспособиться к тематическим идеям, которые он хочет выразить. В данном примере это также влияет на процесс создания более позднего сяошо. В этих стилях

¹ Charlemagne (742-814) — основатель империи Каролингов.

автор выражает свои политические взгляды, выражает стремление к демократии и свободе, разоблачает отсталость феодального самодержавия, использует повесть для просвещения народной мудрости.

В повести «Выдающаяся женщина» упоминаются многие передовые политические формы и образы жизни в западном обществе, которые привнесли глоток свежего воздуха в закрытый Китай поздней династии Цин.

1. В произведении упоминается о создании различных обществ в России. Помимо «Революционной организации», основанной Софией, путешествия Андрея познакомили с «обществом Гехуа», «немецко-русским новым клубом», «клубом самообучения», эти названия не обязательно точные, они могут быть вымышленными от автора, но автор поясняет, что все они революционные и прогрессивные, и в то же время имеют свои принципы и уставы. При этом автор поясняет, что хотя эти объединения и разные, но у них нет противоречий друг с другом, и нет плохой атмосферы борьбы друг с другом, и все они преследуют одну цель: свергнуть варварскую власть. Автор заимствует процветающие ассоциации в России, чтобы призвать китайский народ объединяться в сообщества, и в то же время сообщества должны также объединяться с целью демократии и свободы. Тан Ху Кэ также подверг данный момент критике: «Причина, по которой Российская демократическая партия смогла сделать это, заключается в общественной морали и единстве, и китайцы с высокими идеалами должны задуматься о себе» [Ло, 1960, С. 40].

2. Повесть затрагивала международные отношения и раскрывала мировоззрение современного человека. В первом эпизоде, в диалоге Эми и Хуа Минчин, говорилось о том, что российское правительство заставило студентов вернуться в Россию, а Швейцария, считавшейся дорожающей правами человека, пришлось уступить: *«В нынешнем мире, только сильные имеют права, как в древности. Хотя швейцарское государство знает об этой несправедливости, но не хочет вмешиваться. К сожалению, только мы находимся в унижении, поэтому вопреки совести нас оставили без внимания.»* «Мы не можем только винить Швейцарское государство, боюсь много различных стран поступили бы также. Любой вопрос в начале рассматривается с точки зрения выгоды» [Ло, 2017, С. 12]. Автор также заимствовал этот случай: иностранные державы, обвиняемые в агрессии против Китая, они сотрудничали друг с другом, шли на компромисс, соперничали, рассматривали Китай как кусок жира, делили сферы влияния в Китае, грабили ресурсы страны и сотрудничали с Цинским правительством для подавления революционного движения.

3. В книге также упоминается просвещенное школьное образование, одноклассники мужского и женского пола. Например, София и Андрей были одноклассниками в молодости: «Эти двое очень совместимы по темпераменту, и им нравится, что их дома недалеко друг от друга. Они ходят в школу каждый день, поэтому они могут бывать вместе чаще». В то же время это косвенно показывает, что российская школьная система является довольно прогрессивной от начальной школы до университета.

По сравнению с Китаем, имперская система экзаменов применялась с первого года династии Суй (605 г.) до 31-го года правления Гуансюя (1905 г.) династии Цин, когда проводился последний предметный экзамен, на это ушло 1300 лет. Когда в 1903 г. была написана «Выдающаяся женщина», отечественная имперская экзаменационная система не была полностью отменена, автор ввел иностранную школьную систему, чтобы компенсировать отсталость имперской экзаменационной системы.

4. Форма политического самовыражения - митинги. Под собранием понимается временное собрание многих людей для проведения собрания с общей целью, выражения своих политических взглядов и выдвижения какой-либо поддержки или требования к правительству. В начале повести описываются выступления революционеров, таких как София и Андрей, на сходе промышленных и горнодобывающих рабочих, а также несколько митингов, проведенных рабочими в Суздале для спасения Софии. Феодальное общество Китая строго контролировало свободное народное собрание, особенно в конце династии Цин, чтобы контролировать деятельность революционной партии, цинский суд жестоко расправлялся с такой деятельностью. Люди с высокими идеалами могли собираться только в зарубежных странах. Вступить в сговор, чтобы спасти страну. Институты также являлись выражением свободы и гражданских прав.

5. Полицейская система. Хотя описание русской полиции в книге ничем не отличается от сторожевых домов поздней династии Цин,

все они являются представителями феодальной отсталости. Но появление термина «полиция» также является новым явлением. В Китае система Баоцзя 保甲 всегда была полицейской системой Китая. В 1897 году Хуан Цзунсянь, инспектор провинции Хунань, предложил Чэнь Баочжэню, губернатору Нового курса, создать Бюро безопасности Хунани (湖南保卫局), так как больше нынешняя система Баоцзя не может поддерживать социальную стабильность. Это предложение было горячо одобрено реформистами и одобрено просвещенными чиновниками и дворянством. В 1898 году было официально создано Хунаньское бюро безопасности. Вскоре после этого реформа 1898 года потерпела неудачу, и Чэнь Баочжэнь, губернатор провинции Хунань, и другие были уволены со своих постов. Бюро безопасности Хунани, которое только что появилось на свет в течение трех месяцев, также потерпело неудачу и было вынуждено упразднить и изменить свое название на Бюро Баоцзя. Можно сказать, что сотрудники Бюро безопасности провинции Хунань являются предшественниками китайской полиции. До 8 октября 1905 года правительство Цин создало Патрульное управление для надзора за делами полиции по всей стране. Пока что в Китае существует современная полицейская система в полном смысле этого слова.

6. Правовая система. Описывая арест Софии русской полицией: *«Даже если истинным виновником является настоящий преступник, по принципам уголовного права для пресечения его преступлений может быть использована только публичная санкция, и он не будет совершать такие злоупотребления. Но, в конце концов, это*

зло все же вызвано коррумпированностью администрации. Если мы хотим осуществить систему тюремной реформы, мы должны полагаться на действующую власть, чтобы сделать это» [Ло, 1960, С. 31]. В данном инциденте, автор выражает свою обеспокоенность тем, что он действует не в соответствии с законом. Крепостническое самодержавие подверглось критике и призвало к использованию законов для ограничения самодержавия. Тан Ху Кэ также комментировал в своих заметках: «Характеристикой этой книги является то, что принципы академической политики и права повсюду перемешаны, и люди, прочитав ее один раз, приобрели много здравого смысла. То есть здесь излагаются принципы уголовного права. Хотя это и относится к самому поверхностному смыслу, но тоже то, чего китайцы никогда не видели» [Dana, 2017].

Пытаясь найти подходящий ответ на запрос нового времени, специалисты в области литературы вновь обращаются к комплексу идей и эстетических достижений не только в жанровой композиции произведений, но и в мотиве в обширном смысле слова, к оппозиционному типу элемента литературного мировосприятия, дезориентированному и одновременно ориентированному потоку действующей линии в литературе.

Своеобразной стилистической характеристикой пассивного борющегося образа героев и одновременно характеристикой состояния психологического субъекта является фрагмент героико-романтический и не собственно-прямой авторской речи, выдержанный ритмической

прозой и звучащий стилистически тоном выше. В сущности, это крайне концентрированный контур круга жизни человека в целом и собственной, в частности.

Авторская перспектива совмещает мир земной — внеземной, попеременно предлагая разные ракурсы, то совмещает их. В сознании писателя всегда было место «двум правдам двух миров, друг другу противоположных и враждебных», пониманию, что в «человеческом сознании не бывает незыблемой истины». Драматизацию автор переживает очень глубоко, и это приживается в открыто повторяющийся мотив, что можно охарактеризовать как традиционный элемент литературного повествования Ло Пу. Один из наиболее частотных и этически значимых, он функционирует преимущественно на внутреннем уровне, подобно мотивам лирических произведений. В творчестве Ло Пу существует формальное отсутствие «биографического соглашения», кроме того, открытый характер дискурса, размытость границ между полями документально-художественного, (включающего, авторский анализ речи, в самом процессе, правилах и результате происходящих действий) и собственно художественного; и, наконец, разностороннее сращение различных типов хроники, интимного, путевого, условно эпистолярного (Так как существует авторское обращение, также обращение героя к гипотетическому читателю или же автора к себе).

Список источников

1. Ло Пу. Выдающаяся женщина. Пер. с кит. К. А. Дана. Ташкент, 2017.
2. А Ин (阿英). История романов поздней династии Цин (晚清小说史). Пекин: Народная литература, 1980.
3. Ло Пу. (罗普) Восточноевропейские женщины-герои. Литературное собрание позднего Цин. Т.1. (东欧女豪杰.晚清文学丛钞·小说一卷). Пекин: Чжунхуа, 1960.
4. Dana K. О локализации феминистских образов в романе поздней династии Цин «Выдающаяся женщина» (论谈虎客批点“东欧女豪杰”). Чанчунь: Научный журнал Чанчуньского педагогического университета, 2016.

References

1. Speshnev N.A., Vvedenie v kitaiskiy yazik [Introduction to Chinese] // Karo, Saint-Petersburg 2008. 256 p. (in Russian).
2. Lo Pu. Eastern European heroine. Transl. by K. A. Dana. Tashkent, 2017. (in Russ.)
3. A In. History of late Qing Dynasty novels. Beijing: Folk literature, 1980. (in Chin.)
4. Luo Pu. Eastern European heroine. Late Qing Literature Collection. Beijing: Zhonghua Book Company, 1960. (in Chin.)
5. Dana K. On Tiger Criticizing "Eastern European Female Heroes". Changchun: Scientific Journal of Changchun Normal University, 2016. (in Chin.)

Информация об авторе

Дана Камилла Анваровна

Ph.D, Ташкентский государственный университет востоковедения

E-mail: prs_186@list.ru

Information about the Author

Kamilla A. Dana

Ph.D, Tashkent State University of Oriental Studies

E-mail: prs_186@list.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2022

Одобрена после рецензирования: 20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted 15.01.2022

Approved after reviewing 20.04.2022

Accepted for publication 30.04.2022

Problems of translation of Russian films into Chinese language

(on the example of the movie "Yolki")

Проблемы перевода российских кинофильмов на китайский язык

(на примере фильма «Ёлки»)

Абдуллина Диана Маратовна,

Аликберова Альфия Рафисовна

*Казанский (Приволжский) Федеральный
университет*

E-mail: parkdaramon@gmail.com

Diana M. Abdullina,

Alfiya R. Alikberova

Kazan Federal University

E-mail: parkdaramon@gmail.com

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-14-20](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-14-20)

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются существующие классификации видов киноперевода, выделяются три уровня эквивалентности, каждый из которых способен обеспечить межъязыковую коммуникацию, но в разной степени передает эмоциональный фон высказываний. В статье также подчеркиваются основные трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе кинофильмов. Для анализа переводческих решений для адаптации фильма с русского языка на китайский выбран фильм «Ёлки», на его примере рассматриваются особенности киноперевода с русского языка на китайский.

Ключевые слова: кинематограф, киноперевод, адекватность, эквивалентность

Для цитирования: Абдуллина Д.М., Аликберова А.Р. Проблемы перевода российских кинофильмов на китайский язык (на примере фильма «Ёлки»). *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-14-20>

ABSTRACT

This article discusses the classification of the film translation, identifies three levels of equivalence, each of which is able to provide interlingual communication, but to varying degrees conveys the emotional background of statements. The article also highlights the main difficulties faced by the translator in translating films. For the analysis of translation solutions for the adaptation of the film from Russian into Chinese was chosen as the movie "Yolki". On its example, the features of film translation from Russian into Chinese are considered.

Keywords: cinematography, film translation, adequacy, equivalence

For citation: Diana M. Abdullina, Alfiya R. Alikberova. Problems of translation of Russian films into Chinese language (on the example of the movie "Yolki"). *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (2). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-14-20>

Кинематограф представляет собой аудио-визуальное искусство, обладающее своим собственным сложным языком. Кино как явление и вид деятельности появился относительно недавно. С самого начала своего возникновения кинематограф привлекает внимание исследователей различных направлений науки, в том числе лингвистики, ставя перед ними такие задачи, как выявление особенностей киноязыка, кино-текста, кинообраза и киноповествования.

Ежегодно огромное количество кинофильмов поступает в прокат различных стран. Качественный перевод и адаптация этих кинокартин для местных зрителей является актуальным вопросом. Это также связано с тем, что теория перевода кинофильмов, по сравнению с переводом публицистики, рекламы и, тем более, художественных произведений, еще недостаточно изучена. Острота этой проблемы является причиной недостатка специалистов в данной области. В свою очередь, это приводит к трудностям межкультурной коммуникации.

В первые годы возникновения кинематографа не было языкового барьера, потому что само кино было немое. Со временем возникала все большая потребность в диалоге, зритель хотел слышать речь героев. Эти требования и технический прогресс привели к возникновению звукового кинематографа. В 1927 г. вышел фильм под названием «Певец джаза», герой которого произнес несколько фраз. Можно с уверенностью сказать, что данная кинолента завершила целую эпоху немого кино.

Звуковое кино приобрело огромную известность в каждом уголке мира. Кинемато-

граф стал частью прибыльного бизнеса. Все это послужило причиной быстрого его распространения по всему земному шару, а проблема качественного перевода стала одним из важнейших вопросов в истории кинематографа.

Если говорить о видах перевода кинематографа, то можно выделить несколько классификаций. К примеру, В.Е. Горшкова выделяет всего три основных вида перевода фильмов [Горшкова, 2006, С. 17]:

1. *Дублирование.* Переводя фильм с помощью дубляжа, актеры как бы разговаривают и двигают губами на языке зрителя. При переводе для дубляжа, как правило, переводчик выполняет подстрочный перевод для уточнение некоторых единиц речи, но без их литературной обработки. После чего он создает синхронный текст, в котором необходимо сохранить размер, стиль, лексику и прочие нюансы.

2. *Перевод с субтитрами.* Главным отличием перевода с субтитрами от дублированного перевода является то, что субтитры представляют собой письменный перевод устной речи, а дублирование — наоборот.

3. *Закадровый перевод.* При таком переводе происходит приглушение звуковой дорожки на оригинальном языке и выполняется озвучивание на языке перевода. При этом переводчик не связан с изображением на экране.

В свою очередь, Мишель Берди в статье «Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина» более подробно рассматривает пять видов киноперевода [Берди, 2005, С. 52-62]:

1. *Работа синхронного переводчика.* При таком переводе синхронист переводит фильм без подготовленного письменного перевода. Возможно такое, что переводчик сам впервые видит фильм, однако он должен как можно точнее передать его содержание.

2. *Озвучивание фильма одним актером, либо самим переводчиком.* При таком виде перевода сохраняется оригинальный звукоряд, позволяющий зрителю оценить эмоциональность фильма и различить реплики разных героев.

3. *Озвучивание двумя актерами — мужчиной и женщиной.* Оригинальный звукоряд при таком кинопереводе также сохраняется.

4. *Полный дубляж фильма.* Весь фильм переводится и озвучивается целым штатом профессионалов. В таком переводе происходит сжатие исходного материала из-за необходимости совпадения артикуляции актеров с переводом их реплик.

5. *Использование субтитров с полным сохранением исходного звукоряда.* Данный вид перевода переключает внимание зрителя с видеоряда на чтение субтитров.

В отличие от других видов перевода, кинематографический перевод имеет свои особенности: он ограничен временными рамками звучания; рассчитан на мгновенное восприятие, соответственно он должен быть максимально информативен и понятен зрителю; сопровождается видеоматериалом, который обуславливает выбор возможных вариантов перевода.

Для осуществления любого вида перевода, в том числе и киноперевода, применяются различные переводческие трансформации. Л.С. Бархударов определяет их как «те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975, С. 191].

Комиссаров В.Н. выделяет три типа (уровня) эквивалентности, утверждая, что на любом уровне эквивалентности перевод способен обеспечить межъязыковую коммуникацию:

Первый уровень эквивалентности заключается в сохранении части содержания оригинала, составляющей цель коммуникации. Такой уровень перевода осуществляется, как правило, в ситуациях, где невозможно точное воспроизведение оригинала или же воспроизведение приводит зрителя к неверным выводам и вызывает эмоции отличные от эмоций зрителя оригинала. Очень часто на таком уровне плохо передается главная цель коммуникации.

Эквивалентность перевода второго типа представляет собой идентификацию в оригинале и переводе одной и той же ситуации, при этом меняется лишь способ ее описания. В результате происходит отождествление ситуаций, описываемых с разных сторон. Появляются наборы высказываний, которые воспринимаются носителями языка как синонимичные.

На третьем уровне эквивалентности сохраняется значительная часть синтаксических структур и порядок слов оригинального текста. Такой перевод способствует более полному воспроизведению содержания оригинала.

При переводе кинофильмов переводчик сталкивается с трудностями, значительно усложняющими этот процесс. Одним из таких сложных моментов является сопоставление фраз и длительности их звучания как на языке оригинала, так и на языке перевода. Выходит так, что переводчик должен подобрать фразы таким образом, чтобы они подходили и по смыслу, и по длительности звучания.

Переводчику также следует учитывать связь изображения и текстового материала, одновременно уделяя внимание как вербальным, так и невербальным средствам выражения. Сложным при переводе бывает подбор эквивалента, когда фраза сопровождается каким-либо жестом, имеющим разное значение в некоторых странах. Довольно часто видеоматериал содержит большое количество социальных и культурных аллюзий и метафор, которые зритель переведенного фильма не всегда способен понять. Переводчик способен частично восстановить эту информацию при введении кратких пояснений в самом диалоге. Другими словами, переводить следует не слова, а сценическую действительность.

Трудности у переводчика также возникают при переводе прямой речи. Для адаптации художественных и документальных фильмов, переводчик в совершенстве должен владеть как родным, так и языком переводимого филь-

ма. Необходимо учитывать множество факторов, таких как: культурный уровень говорящего, его возраст, контекстуальное значение фраз, образность слога и всю сопутствующую культурную среду.

Сложность при переводе представляют забавные моменты, шутки и игра слов. Представление о юморе и само чувство юмора отличаются в разных странах. Переводчику нужно постараться перевести комичную ситуацию так, чтобы зритель переведенного фильма также смог над ней посмеяться.

Для того чтобы проанализировать переводческие решения для адаптации фильма с русского языка на китайский, был выбран отечественный новогодний бестселлер — «Ёлки». Данная кинолента имеет огромную популярность среди китайцев. На одном только сайте Youku данный фильм посмотрели более 67 миллионов раз.

Особое внимание в данном фильме стоит уделить переводу разговорной лексики, которая используется в неформальном диалоге. Для наглядности проанализируем некоторые конкретные примеры:

— Накосячил? 做错事了吗?

— Что? 什么?

— Бывает. 大家都是男人, 懂的。 — Что бывает? Ничё я не накосячил. 懂什么, 我没做错什么事。 В данном случае русский жаргонизм «накосячил» переведен как «Совершил ошибку?». При переводе был использован первый тип эквивалентности (сохранено коммуникативное

значение, но точное воспроизведение оригинала невозможно). Данный перевод не способен передать эмоциональный фон высказывания. При переводе на китайский язык переводчику также не удастся выделить разговорный вариант слова «ничего». Это связано с тем, что китайскому языку характерен аналитический строй, а русскому языку — синтетический. Эти два языка отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, которые предопределяют типологически значимые различия в лексике, представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков.

Рассмотрим еще один пример:

— Да она реально крутая, её все знают. Она стопудово поможет. 她真受欢迎, 很有名。他一定帮上忙。В данном случае переводчик никак не интерпретировал словосочетание «реально крутая», несмотря на то, что в китайском языке имеется аналог слову «крутая» — 酷. Также не предоставлен соответствующий аналог сленговому слову «стопудово» в значении «однозначно, гарантированно». Таким образом, если в русском варианте с помощью данных сленговых выражений можно догадаться о социальной принадлежности говорящего, то в китайском варианте нет признаков, указывающих на это.

— Точно! Че ты раньше-то молчал, тормоз! 对啊! 你怎么不早说, 刚才懵了! Здесь стоит обратить внимание на перевод слова «тормоз» в значении «медленный». Переводчик использует слово 懵, которое на русский язык можно перевести как «глупый, бестолковый»,

что не совсем точно передает смысл фразы. Для передачи смысловой же нагрузки переводчик использует 刚才. При переводе разговорного слова «че» переводчик использует ее книжный вариант.

Следует отметить, что переводчику необходимо учитывать личностные характеристики каждого из героев: возраст, социальную и этническую принадлежность и т.д. Для того, чтобы понять, как переводчик справляется с этой задачей, рассмотрим речевые особенности некоторых героев.

Наиболее ярким примером может послужить речь героя Леши, являющего представителем городской прослойки низкого социального статуса. Он малообразован и практически не имеет моральных ценностей, обладает криминальными чертами поведения. Его речь соответствует его социальной принадлежности:

— Вам не запахло? 你不觉得我很可怜吗? Китайскому зрителю не предоставлен соответствующий аналог слова «запахло», пришедшее в современный русский язык из воровского жаргона. Переводчик интерпретирует данную фразу на китайский язык как «Ты не считаешь, что я жалкий?», что, конечно же, является не совсем верным.

Разберем еще одно высказывание этого же героя:

— Я же не при делах, вы же знаете. У вас даже доказухи на меня нет никакой. 你要知道我都还没动手呢。您不都还没有证据吗? Стилистические характеристики слова «доказуха» и его китайского эквивалента, который нам

предоставил переводчик, не совпадают. Русский вариант более стилистически снижен.

Для более точного анализа такой особенности, как сохранение личности говорящего при кинопереводе, рассмотрим речевые характеристики еще одного героя, выходца из Таджикистана по имени Юсуф:

— У меня друг Москва есть, дворником работает. Пусть подойдет президента, просит для маленький девочка большой привет. 给我一个小在莫斯科总统府工作的朋友。希望他能向总统传达到一个小孩子的问题。В оригинальном варианте мы видим, что говорящий испытывает сложности с русским языком. Его речь грамматически неправильно построена. Это связано с тем, что русский язык не является его родным языком. Но такая речь не мешает русскому зрителю понять смысл его высказываний, напротив, она является особенностью героя. В переведенном же варианте мы видим, что эта особенность теряется.

ВЫВОДЫ

Кино как объект лингвистического исследования всегда вызывает определенные сложности, так как является сложной системой представления знаний, содержащей, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, важные для его понимания, а также указание на участников коммуникации и на процессы создания и воспроизведения сообщения. Перевод фильма всегда сопряжен с определенными трудностями не только лингвистического, но и технического характера, что напрямую влияет на степень эквивалентности и адекватности

перевода оригиналу.

В отличие от других видов перевода, кинематографический перевод имеет свои особенности:

- он ограничен временными рамками звучания;
- рассчитан на мгновенное восприятие, соответственно он должен быть максимально информативен и понятен зрителю;
- сопровождается видеоматериалом, который обуславливает выбор возможных вариантов перевода.

Проанализировав перевод фильма «Ёлки» с русского языка на китайский, можно сделать вывод, что данному фильму характерно наличие стилистически-окрашенной лексики, например, жаргонизмов и сленга. В силу своей национальной специфичности, семантического богатства, принадлежности к определенному стилю и эмоциональной насыщенности перевод такой лексики с русского языка на китайский вызывает трудности. При переводе разговорной (сниженной) лексики с русского языка на китайский переводчик часто прибегает к стилистическим модификациям, таким как замена лексем с разговорной функционально-стилистической окраской нейтральными или даже книжно-письменными словами.

Сложность также вызывает сохранение личности, образа человека при переводе его высказываний с русского языка на китайский. Перевод фильма «Ёлки» соответствует первому типу эквивалентности. Цель коммуникации

выполнена, однако перевод имеет некоторые расхождения с оригиналом, что в некоторых местах вызывает у китайского зрителя эмоции, отличные от зрителя, посмотревшего фильм в оригинале.

На основе переводческого анализа кинодиалога можно сделать вывод, что переводчику недостаточно сохранить стиль и идею автора, его режиссерский замысел, но также, необходимо воспринимать текст с позиций принимающего языка и культуры. Таким образом, кинодиалог (текст субтитров), предназначенный для мгновенного восприятия, не дает возможности вводить комментарии или пояснения, что приводит к очевидной необходимости адаптировать оригинальный кинотекст, и замещать элементы, типичные для культуры оригинала на сравнимые элементы принимающей культуры.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Берди М. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. Мосты. 2005: 4 (8), С. 52–62.
3. Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск, 2006. 278 с.

References

1. Barhudarov L.S. Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (in Russ.)
2. Berdi M. Film translation: little of God, much of Goblin. Mosty. 2005: 4 (8), P. 52–62. (in Russ.)
3. Gorshkova V.E. Film translation. Irkutsk, 2006. 278 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Абдуллина Диана Маратовна

Кафедра алтаистики и китаеведения
Института международных отношений
Казанский федеральный университет
parkdaramon@gmail.com

Альфия Рафисовна Аликберова

Кафедра алтаистики и китаеведения
Института международных отношений
Казанский федеральный университет
alfiakasimova@gmail.com

Information about the Author

Diana M. Abdullina

Department of Altaic and Chinese Studies
Institute of International Relations
Kazan Federal University
parkdaramon@gmail.com

Alfiya R. Alikberova

Department of Altaic and Chinese Studies
Institute of International Relations
Kazan Federal University
alfiakasimova@gmail.com
alfiakasimova@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: 20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

中亚五国独立后的语言规划比较

Comparison of the language planning of the five Central Asian countries after independence

Сравнение языкового планирования в пяти странах Центральной Азии после обретения независимости

别春红，常显敏

石河子大学

350612571@qq.com

Бе Чуньхун, Чан Сяньминь

Шихэцзыский университет,

Китайская Народная Республика

350612571@qq.com

Be Chunhong, Chang Xianmin

Shihezi University, People's Republic of China

350612571@qq.com

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-21-29](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-21-29)

摘要

中亚国家的语言规划已成为重要的研究课题。受自身政治、经济、社会文化等因素制约，各国语言规划具有相似性和不同之处。本文从地位规划、本体规划和习得规划三方面分析中亚五国语言规划实践，并总结规划带来的影响。中亚五国保障了各主体民族语言的国语地位，限制俄语，不同程度上顾及少数民族语言和外语的发展。语言规划体现了国家之间的利益关系，研究语言等同于研究其政治关系和文化价值，有助于全面把握中亚各国语言图景。

关键词：中亚，语言规划，地位规划，本体规划，习得规划

引证：中亚，语言规划，地位规划，本体规划，习得规划。中亚五国独立后的语言规划比较。现代东方学。2022. No. 2. P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-21-29>

АННОТАЦИЯ

Языковое планирование в странах Центральной Азии стало важной темой исследований. В зависимости от собственных политических, экономических, социальных и культурных факторов, языковое планирование в разных странах имеет сходства и различия. В данной статье проанализированы практики языкового планирования пяти стран Центральной Азии по трем аспектам: планирование статуса, планирование корпуса и планирование приобретения, а также обобщено влияние планирования. Пять стран Центральной Азии обеспечили статус государственного языка, ограничили русский язык и в разной степени учитывали развитие языков меньшинств и иностранных языков. Языковое планирование отражает интересы разных стран, а изучение языка эквивалентно изучению его политических отношений и культурной ценности, что помогает всесторонне понять языковой ландшафт стран Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, языковое планирование, планирование статуса, планирование корпуса, планирование приобретения

Для цитирования: Бе Чуньхун, Чан Сяньминь. Сравнение языкового планирования в пяти странах Центральной Азии после обретения независимости. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-21-29>

ABSTRACT

Language planning in the countries of Central Asia has become an important research topic. Depending on their own political, economic, social and cultural factors, language planning in different countries has similarities and differences. This article analyzes the language planning practices of the five Central Asian countries in three aspects: status planning, corpus planning, and acquisition planning, and summarizes the impact of planning. The five countries of Central Asia ensured the status of the state language, limited the Russian language, and to varying degrees took into account the development of minority and foreign languages. Language planning reflects the interests of different countries, and learning a language is equivalent to studying its political relations and cultural value, which helps to comprehensively understand the linguistic landscape of the countries of Central Asia.

Keywords: Central Asia, language planning, status planning, corpus planning, acquisition planning

For citation: Be Chunhong, Chang Xianmin. Comparison of the language planning of the five Central Asian countries after independence. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(2). (In Chinese) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-21-29>

Настоящая статья является результатом поэтапного исследования проекта «Сравнительное исследование языкового планирования стран Центральной Азии после распада Советского Союза» (проект № ZG009602) («Сравнительное исследование языкового планирования стран Центральной Азии после распада Советского Союза») в рамках гранта Центральноазиатского исследовательского центра образования и гуманитарного обмена Шихэцзыского университета.

国内学界近几年主要聚焦中亚五国的语言规划专题研究，较少比较五个国家的语言规划现状。主要成果有：

李琰在《乌兹别克斯坦语言地位规划研究》（2014）中总结语言立法对乌兹别克语地位的保障、限制俄语地位，阐释规划实施中俄语面临的挑战；朱晓艳在《哈萨克斯坦建国后语言规划研究》（2014）中重点从本体规划和地位规划两方面详细分析不同领域的语言规划；萨尔娜在《吉尔吉斯斯坦语言政策及语言规划演变研究》（2016）中阐释该国独立后的语言规划，分析实施现状并总结其影响因素；刘红洋在《乌兹别克斯坦语言规划研究》（2018）中梳理乌兹别克语标准化、字母拉丁化、术语现代化以及语言纯洁化工作，指出该国语言规划实践中的正面因素和负面影响，预测其向多语言制和文化多元化转型；丁娜拉在《哈萨克斯坦的新语言政策研究》（2019）中分析独立后的语言政策状况与语言规划，重点探讨拉丁化进程问题；王玺在《乌兹别克斯坦语言竞争及语言规划研究》（2020）中对语言竞争和语言规划理论及其影响因素都做

出详细的描述与分析；王洁、郭建荣在《塔吉克斯坦语言规划研究》（2021）中从地位规划、本体规划和习得规划三方面梳理塔吉克斯坦语言规划实践。

综上所述，国内学者研究中亚语言规划问题呈现出以下特点：针对各国展开的研究材料详实，方法行之有效，成果大多以硕士学位论文形式呈现，鲜见土库曼斯坦语言规划相关研究。上述成果为语言规划比较课题提供了理论支撑和方法指导，具有较强的借鉴意义。

一、语言的地位规划

周庆生先生指出：“地位规划旨在为某种语言配置一些新功能，通过实施规划，使该语言成为教学媒体用语或者官方语言等，影响到一种语言在社会中起的作用”[9]。自苏联解体之后，中亚五国在国家建设过程中，为保持局面的总体稳定，相继颁布法律文件以确保本国主体民族语言的国语地位，一定程度上弱化俄语地位，同时多少顾及各少数民族语言。

	主体民族语言	俄语	所有语言
哈萨克斯坦	1993年《宪法》：哈萨克语； 1997年《语言法》：巩固哈萨克语地位，广泛使用在国家管理、立法、诉讼程序和公文事务中。	1995年《宪法》：官方语言； 1997年《语言法》：官方语言，是科技领域主要信息来源。	所有国家机关和地方行政机构中平等使用哈萨克语和俄语，完全掌握哈萨克语

Таблица 1. Уровень языкового законодательства 图1为语言立法层面

	主体民族语言	俄语	所有语言
吉尔吉斯斯坦	1993年《宪法》：吉尔吉斯语； 2004年《语言法》：进一步支持吉尔吉斯语在国家行政、教育和媒体中充分发挥作用	2007年《宪法》：官方语言	所有民族保护其母语，为学习和发展母语创造条件
乌兹别克斯坦	1992年《宪法》：乌兹别克语； 1995年第二版《语言法》：鼓励所有领域使用乌兹别克语	1992年《宪法》：其他民族的语言；1995年《语言法》修订本：日常函件使用俄语	所有公民有权使用其他语言
塔吉克斯坦	1994年《宪法》：塔吉克语； 2009年《语言法》：巩固塔吉克语地位，每个公民有义务学习国语，用于政治、经济、媒体、科学和教育等领域，所有国家文件和官方函件只能使用塔吉克语	1994年《宪法》：族际交际语； 2009年《语言法》：失去交际语地位，2011年恢复	所有居民有权使用母语
土库曼斯坦	1990年《语言法》：土库曼语	1990年《语言法》：族际交际语；1996年《语言法》：废弃俄语地位和功能； 无法律条款确定	所有公民有权使用母语

Таблица 1. Уровень языкового законодательства
图1为语言立法层面

从语言政策层面看，哈萨克斯坦多年来在试图通过削弱俄语的作用来限制俄罗斯的影响方面，土库曼斯坦第一，乌兹别克斯坦排名第二。各国出台的语言政策如下图所示：

	语言政策	规定措施
哈萨克斯坦	1996年《哈萨克斯坦语言政策构想》	提出短期和长期目标，重视国语在教育机构中的地位
	《2001-2010年语言作用与发展国家纲要》	扩大、加强国语的社会交际功能；保留俄语大众文化功能，发展其他民族语言；启动“三语”项目
	《2011-2020年语言作用与发展国家纲要》	分三个阶段完善并推动国语教学，鼓励学习英语及其他外语

Табл. 2. Языковая политика
图2为语言政策层面

	语言政策	规定措施
吉尔吉斯斯坦	《2000-2010年国语发展规划》	提高国语功能：编写新版国语教科书，研究教学法，将文件翻译成国语
	《2014-2020年国语发展规划》	各领域全面使用国语，保留少数民族语言：吉尔吉斯语测试系统，职员国语知识认证体系，多语教育
塔吉克斯坦	1997年《塔吉克斯坦境内发展国语和其他语言政府纲要》	全面发展国语：组织课程，将塔吉克语引入办公事务、立法和司法文件
	《2006-2015年国家教育发展战略》	教育系统改革，现代化，提高教学服务质量
乌兹别克斯坦	《2020-2030年发展乌兹别克语和完善语言政策国家纲要》	各领域充分使用乌兹别克语；改善教育机构中的国语体系；保持国语纯洁性和丰富性；与现代通讯技术融合，发展国际合作等
土库曼斯坦	——	——

Табл. 2. Языковая политика

图2为语言政策层面

二、语言的本体规划

各国将主体民族语言提升为国语地位，开展拉丁化改革，从语言和文字两个方面达到“去俄罗斯化”的目的。

2012年，纳扎尔巴耶夫总统发表《哈萨克斯坦2050战略》，计划从2014年-2025年过渡到拉丁字母，预计花费3亿美元。主要包括出版刊物和教科书、制定字母转译办法、培养教授新字母的专门人才。成立国家术语委员会，积极编纂正字法、术语词典。

2002年以来，塔吉克语化进程缓慢，主要措施为：以塔吉克族历史纪念碑代替苏联时

期雕像、更改街道名称、更改姓氏等；成立国家术语委员会编纂词典。科学院鲁达基语言和文学研究所编写《塔吉克语词典》。阿拉伯字母被引入学校作为学习波斯语的一种手段。

土库曼斯坦是中亚第一个开启从西里尔字母改成拉丁字母的国家。多年来，将街道、机构、建筑物、文化现象、科技术语从俄语改成土库曼语，常使用阿拉伯语和波斯语字母。根据政府决议，从2023年1月1日起，所有办公事务改用基于拉丁文的乌兹别克字母。所有印刷机构、电子媒体、新闻网站和出版社都改用拉丁字母。

吉尔吉斯斯坦自1998年起成立国家语言委员会，修改国语拼写规则，改写河流、地区、路标名称，出版新术语词典，规划语料库。当地公民放弃姓氏的俄语结尾。

乌兹别克斯坦于1993年通过《关于实施以拉丁字母为基础的乌兹别克语字母表的法令》。2019年5月发布最新版本的字母表草案。2021年2月，政府确定分阶段过渡到拉丁字母路线图[2]。2022年12月起，所有中央和地方大众传媒、网站、出版社、印刷业、地名、街道名称和广告等都应改用拉丁字母。国家术语委员会编纂俄乌术语、军事术语、工业术语等词典。针对国际术语和俄语外来词实施语言净化,用乌兹别克新词替换。

三、语言的习得规划

习得规划主要表现为：中亚各国推广和发展国语；规划教育阶段的教学用语、大众传媒语言以及其他语言问题[7]。地位规划和本体规划最终体现在习得规划的实践中，尤其是教育领域。

教育中的“哈萨克语化”进程效果显著。哈萨克熟练程度明显提高，俄语水平下降。1997年《教育法》规定国语和俄语是所有教育机构的必修课。俄语教科书中也使用大量的哈萨克作家的作品节选。2007年纳扎尔巴耶夫总统宣布支持“三语项目”，最终大多数人会说哈萨克语、俄语和英语[5]。教育和科学部鼓励英语教学，建立2000多个语言实验室。2019年初，哈萨克族占总人口的67.9%，大多

数人接受国语，哈萨克幼儿园和中小学比俄语学校更受欢迎。所有电子媒体用哈萨克语播放节目时间必须达到50%。

吉尔吉斯斯坦所有学生必须接受双语甚至是多语教育，即学习国语、俄语和一门外语。由于师资和教材严重缺乏，国语教学受到限制。外语方面英语最受欢迎，如比什凯克管理学院、中亚大学等主要教学语言为英语。小学三年级开始学习英语。当地媒体使用吉尔吉斯语，广告用吉尔吉斯语和俄语出版。开发吉尔吉斯语测试，用于评估国家机关职员国语水平。

1993年《教育法》规定，俄语和其他民族学校1-11年级学习塔吉克语。近年来，俄语在教育系统中作用明显增强，总统拉赫蒙签署《关于改善教育机构中的俄语教学》、《塔吉克斯坦2004-2014年俄语、英语教学改进计划》，包括财政支持、科学研究和教学法、创建语言环境等[3]。中等教育以塔吉克语、乌兹别克语、俄语、吉尔吉斯语和土库曼语这五种语言进行，所有学校都必须学习俄语。俄语在高等教育、媒体、印刷出版物方面仍保持领先地位。

土库曼斯坦学校从一年级开始同时学习英语和俄语。2013年起，高校完全停止俄语教学。坚持最不平衡的国语和俄语政策，忽视少数民族语言，只有土库曼语可以用于公共生活领域。自2016年以来，多所学校引入日语和汉语学习。计划在2021-2024年构建外语教学体

系[1]。它是中亚第一个限制俄语媒体的国家。

乌兹别克斯坦重视国语教育，俄语和少数民族学校里乌兹别克语教学时间增加到每周9-10小时。2015-2017年，乌兹别克语中小学增加了83所。俄语是必修课，从二年级起学习俄语。2019年教育部提出目标：中学毕业生至少掌握乌兹别克语、俄语和英语。英语逐渐获得优先地位，幼儿园开设英语课，也是中小学以及大学里经济、管理和国际关系等专业的必修课。据2002年研究，官方电视频道60%-70%以乌兹别克语播出节目，30%-40%用俄语播放。私人频道则用50%的时间播放俄语节目[6]。

俄语媒体在中亚仍然非常受欢迎。地方俄语期刊在哈萨克斯坦和乌兹别克斯坦得到加强。只有土库曼斯坦出现下滑趋势。俄语在通讯和文化领域仍有很强的竞争力。

四、语言规划面临的问题

独立之后，这些多民族国家的语言规划对教育、经济和民族关系等方面产生影响，并面临一些共性问题：

1. 对教育的影响。字母拉丁化一定程度上造成教育质量降低。教育系统面临严重问题：高水平的国语教师不足，教科书缺乏，教学法不够完善。学习拉丁字母的学生无法阅读基里尔字母编写的资料。城镇和农村地区居民俄语水平参差不齐。

2. 俄语水平影响劳务输出。劳务移民是推动该地区居民学习俄语的重要因素。例如，

乌兹别克斯坦在俄罗斯的务工人员人数排名第一，2018年超过150万人前往俄罗斯。去俄罗斯就业必须通过俄语考试，俄语水平直接影响了劳工的经济状况。

3. 对民族关系的影响。主体民族和非主体民族之间关系恶化，民族矛盾加剧，甚至出现冲突。主要原因就是语言地位之争。

4. 各国语言规划受到资金不足、程序复杂等因素阻碍。语言改革成本高，远远超过国家的承受能力。字母拉丁化均未完成，花费时间比计划的要长得多，需要超出预算更多的资金投入。政府更重视语言地位规划，语言本体和习得规划重视不足。

5. 语言竞争复杂化。中亚各国主体民族语言仍不能够完全取代俄语，国语功能并没有达到预期效果。它们在政治、经济和文化上与俄罗斯联系紧密，且境内生活不少俄罗斯人，所以俄语的实际应用并没有大幅降低[8]。尤其在技术、医学和军事专业教学领域。哈萨克斯坦、乌兹别克斯坦和吉尔吉斯斯坦英语授课要比俄语更受欢迎。中亚将继续成为区域和世界大国关注的焦点，这意味着与美国、中国、欧洲国家和土耳其等方面联系加深，这些国家的语言继续与俄语展开竞争[4]。

近年来，受中亚各国民族独立意识不断增强和“去俄罗斯化”进程加快两大因素影响，语言政策引发了一系列社会、经济和文化问题，五个国家都面临困境。经济上，收入不足，主要是吉尔吉斯斯坦和塔吉克斯坦，个人

收入普遍较低, 失业率上升, 通货膨胀率上升。文化上, 必须应对多民族的传统、语言和方言等问题。各个国家虽承诺平等对待所有语言, 然而却忽略少数民族语言。表面上看, 这些国家在语言改革过程中有明显相似之处, 但结果却不同, 主要受经济条件制约。与吉尔吉斯斯坦和塔吉克斯坦相比, 其他三国天然气丰富, 虽普遍贫困和失业率增高, 但是语言改革更容易进行, 取得更大的成功。

参考文献

Список источников

1. К 2024 году в Туркменистане создадут систему обучения иностранным языкам. <https://www.hronikatm.com/2017/12/k-2024-godu-v-turkmenistane-sozdadut-sistemu-obucheniya-inostrannyim-yazyikam/> (дата обращения: 20.03.2022)
2. Концепция развития узбекского языка и совершенствования языковой политики в 2020-2030 годах (Приложение N 1 к Указу Президента РУз от 20.10.2020 г. N УП-6084). <https://lex.uz/docs/5058375> (дата обращения: 23.01.2022)
3. Салимов Р. Проблемы языковой политики и развития языков в многоязычном Таджикистане. Слово. ру: Балтийский акцент. 2012; № 2: С. 56–60.
4. Языковая политика стран Центральной Азии. http://https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/11/Policy-Brief_languages_ru.pdf (дата обращения: 23.12.2021)
5. Kellner-Heinkele B., Landau J. M. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy. L.: Bloomsbury Publishing, 2012. 288 p.
6. Ли Ян. (李琰) Исследование по планированию языкового статуса в Узбекистане. (乌兹别克斯坦语言地位规划研究), Xinjiang Social Sciences(新疆社会科学). 2014; 3: 98 с.
7. Ван Цзе, Го Цзяньжун (王洁、郭建荣) Исследование языкового планирования в Таджикистане. (塔吉克斯坦语言规划研究), Foreign Languages and Cultures (外国语言与文化). 2021; 5(1): 129 с.
8. Чжан Хунли (张宏莉) Анализ языковой политики и тенденций развития стран Центральной Азии. (中亚国家语言政策及其发展走向分析). Xinjiang Social Sciences(新疆社会科学). 2015; 2: 72-80.
9. Чжоу Циншэн (周庆生) Теоретические школы и идеи планирования иностранных языков. (国外语言规划理论流派和思想). World Nation(世界民族). 2005; 4.

References

1. By 2024, a system of teaching foreign languages will be created in Turkmenistan. <https://www.hronikatm.com/2017/12/k-2024-godu-v-turkmenistane-sozdadut-sistemu-obucheniya-inostrannyim-yazyikam/> (date of access: 20.03.2022) (in Russ)
2. The concept of the development of the Uzbek language and the improvement of the language policy in 2020-2030 (Appendix N 1 to the Decree of the President RUz 20.10.2020 N UP-6084). <https://lex.uz/docs/5058375> (date of access: 23.01.2022) (in Russ)
3. Salimov R. Problems of language policy and development of languages in multilingual Tajikistan. Slovo. ru: Baltijskij akcent. 2012; № 2: 56–60. (in Russ)

4. Language policy of the countries of Central Asia.. [http:// https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/11/Policy-Brief_languages_ru.pdf](http://https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/11/Policy-Brief_languages_ru.pdf) (date of access: 23.12.2021) (in Russ)
5. Kellner-Heinkele B., Landau J. M. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy. L.: Bloomsbury Publishing, 2012.
6. Li Yan. Study on language status planning in Uzbekistan. Xinjiang Social Sciences. 2014; 3: 98. (in Chin)
7. Van Jie, Go Jianzhong, Study of language planning in Tajikistan. Foreign Languages and Cultures. 2021; 5(1): 129. (in Chin)
8. Zhan Hunli. Analysis of the language policy and development trends of the countries of Central Asia. Xinjiang Social Sciences. 2015; 2: 72-80. (in Chin)
9. Zhou Qingsheng. Theoretical schools and ideas of foreign language planning. World Nation. 2005; 4. (in Chin)

Информация об авторах

Бе Чуньхун, старший преподаватель, кафедры русского языка Института иностранных языков, Шихэцзыский университет, 832003, Шихэцзы, ул. Бэйсы, № 221, Китай,

E-mail: 350612571@qq.com

Чан Сяньминь, старший преподаватель, кафедры русского языка Института иностранных языков, Шихэцзыский университет, 832003, Шихэцзы, ул. Бэйсы, № 221, Китай,

E-mail: 604127128@qq.com

Information about the Authors

Bie Chunhong, Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Shihezi University, 832003, Shihezi, st. Beisi, No. 221, China,

E-mail:350612571@qq.com

Chang Xianmin, Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Shihezi University, 832003, Shihezi, st. Beisi, No. 221, China,

E-mail:604127128@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.01.2022

*Одобрена после рецензирования:
20.04.2022*

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 13.01.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Cultural understanding of the homonymy of numerals in modern Chinese

Культурное осмысление омонимии числительных в современном китайском языке

Хань Юн

*Казанский федеральный университет, Казань,
Россия,
hanyong1953@163.com*

Han Yong

*Kazan Federal University, Kazan, Russia
hanyong1953@163.com*

УДК 811.58 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-30-39](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-30-39)

АННОТАЦИЯ

Числительные зародились в Китае очень рано. Почти пять тысяч лет назад, со становлением первобытного общества, в культуре Яншао стали закладываться основы письменности и были обнаружены выгравированные знаки, которые обозначали числа. В период династии Инь, во времена надписей на костях, числительный ряд стал более полным и совершенным. В него вошли цифры от одного до десяти, также появилась позиционная система счисления, в том числе такие числа, как сто, тысяча, десять тысяч и так далее.

С развитием китайского языка, философии и культуры, числительные стали восприниматься как источник положительной и негативной энергии, удачи и зла, даже обрели сакральное значение. Из-за распространённого в китайском языке явления омонимии, в частности, омофонии, семантика и символика цифр

ABSTRACT

Numerals originated in China very early. Almost five thousand years ago, with the formation of a primitive society, the foundations of writing began to be laid in the culture of Yangshao and engraved signs that denoted numbers were discovered. During the Yin Dynasty, during the time of bone inscriptions, the numeral series became more complete and perfect. It included numbers from one to ten, a positional number system also appeared, including numbers such as one hundred, one thousand, ten thousand, and so on.

With the development of the Chinese language, philosophy and culture, numerals began to be perceived as a source of positive and negative energy, good luck and evil, and even acquired a sacred meaning. Due to the widespread phenomenon of homonymy in the Chinese language, in particular, homophony, the semantics and symbolism of numbers in Chinese culture began to be

в китайской культуре стала обогащаться и меняться в зависимости от коннотации слов, с которыми созвучны эти числительные. В данной работе мы постарались подробно рассмотреть значение простых числительных в китайской традиционной культуре, уделив некоторое внимание вопросу о том, как они используются в современном языке, а именно в интернет-сленге.

Ключевые слова: числительные, китайский язык, китайская культура, омофония, фразеологизмы, сленг

Для цитирования: Хань Ю. Культурное осмысление омонимии числительных в современном китайском языке. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-30-39>

Помимо своего прямого назначения, числа тесно связаны с нашей жизнью. У каждой национальности, в каждой стране культурное осмысление цифр различно. Глубокое познание смысла, выражаемого числительными в китайском языке, представляется актуальным для изучения китайского языка и культурных особенностей китайского народа.

Числительные обладают богатым культурным содержанием и занимают весомое место в китайском языке. Первоначально, в эпоху, когда доисторические люди охотились на животных, числа не носили загадочной окраски. На тот период они в основном использовались по своему прямому назначению для вычислений. Тем не менее, поклонение народа с древ-

enriched and changed depending on the connotation of the words with which these numerals are consonant. In this paper, we have tried to consider in detail the meaning of simple numerals in Chinese traditional culture, paying some attention to the question of how they are used in modern language, namely in Internet slang.

Keywords: numerals, Chinese language, Chinese culture, homophony, phraseological units, slang

For citation: Han Yong. Cultural understanding of the homonymy of numerals in modern Chinese. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(2). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-30-39>

них времен божествам, в равной степени обусловило и преклонение перед таинством чисел. Считалось, что некоторые числа могут приносить людям счастье и богатство, а некоторые числа, напротив, могли притягивать несчастья. В связи с этим в китайской культуре зародились понятие удачных и неудачных чисел. Учение об "инь и ян" и теория о пяти стихиях также оказали влияние на загадочное представление о числах [Ван, 1991].

С древних времен люди подразделяли цифры до десяти на две группы: четные и нечетные. Нечетные числа — 1, 3, 5, 7, 9 считались «мужскими» или «яньскими» цифрами, они символизировали Небо и мужское начало природы. Четные числа — 2, 4, 6, 8, 10 именовались

«женскими» или «иньскими» цифрами, они обозначали Землю, женское начало природы. Неизбежно отразилось данное представление о числах и на образовании интересных сочетаний слов и выражений в китайском языке.

Ниже мы более подробно рассмотрим представления о числительных в китайском языке с позиции культуры и языка [Чан, 1998] [Су, 1992].

1. Культурное осмысление числительного «一» (yī, один)

Китайцы с древних времен с почтением относятся к числу один, его считают началом, источником и связующим звеном всего сущего. Таким образом, «一» единица будет синонимична таким словам как «元» (yuan) — исток, основа, «始» (shǐ), «初» (chū) — начало. Поэтому, «一月» (yī yuè) — январь, также называется «元月» (yuan yuè), Первый день Нового года носит название «元旦» (yuan dan).

Мудрец Лао-цзы сказал: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, от трех рождается все сущее». «Один делится на два, два делится на четыре, четыре делится на восемь» [Чжу, 1998]. Такого рода почитание китайским народом цифры «一» также оказало воздействие на слова и выражения в китайском языке. Например, в китайском словаре насчитывается свыше 645 слов, начинающихся с «一», а словарь Китайских фразеологизмов содержит более 426 выражений, начинающихся с «一» [Словарь идиом..., 1998].

2. Культурное осмысление числительного «二» (èr, два)

«二» два является первым четным числом, изначально китайский народ с большим почтением относился к четным числам. Эта традиция берет свое начало в религии, в частности даосизме. Считалось, что четные числа символизируют большое счастье. Лао-цзы сказал: «Тайцзи является источником всего сущего во Вселенной... Тайцзи разделяет инь и янь, они в свою очередь, соединяясь, рожают все сущее». Символ Тайцзи похож на пару вращающихся по кругу рыб, символизирует зарождение и развитие всего сущего во Вселенной. Это также отражает древнее диалектическое мышление — объединить два в одном. Это идея о двух началах также нашла свое отражение и в жизни. Китайцы любят двойственность и симметрию.

Так, фразеологизмы, включающие «二» и его китайские синонимы как «双» — два несут положительную окраску, к примеру: «好事成双» (hǎo shì chéng shuāng) — благие дела наступают одновременно, «双喜临门» (shuāng xǐ lín mén) — в доме двойная радость. Однако, если «二» имеет значение «第二» — второй, то это порождает значение «не очень хороший, не совсем верный, на вторых ролях». Поэтому среди фразеологизмов с числительным «二» также есть те, которые несут в себе негативный смысл. Например, «二傻子» (èr shǎ zi) — тупеянец, «二流子» (èr liú zi) — лодырь.

Примечательно, что характерная китайскому языку ритмика, гармония и симметрия внутри предложения достигаются именно

благодаря конкретному количеству иероглифов. Наиболее распространенный пример — фразеологизмы, состоящие из четырех иероглифов. Например, «双双见喜» (shuang shuang jian xi) — радоваться вдвоем, «成千上万» (cheng qian shang wan) — много тысяч. Люди во время дарения подарков также стараются придерживаться принципа «成双成对» (cheng shuang cheng duei) — дарить парные предметы.

3. Культурное осмысление числительного

《三》 (san, три)

Числительное 《三》 также является загадочным числом в китайском языке. 6 и 9 является числом, кратным 3. Мудрец Лао цзы сказал: «Дао рождает один, один рождает два, два рождает три, три рождает все сущее», поэтому число «三» с древних времен ассоциируется со счастьем. Мудрецы полагали, что Вселенная образована тремя измерениями 《三维》 (san wei). Некоторые люди определяли — три измерения как небо, земля и человек, также были и другие, которые считали тремя измерениями — Солнце, Луну и звезды. Это обосновывает почтительное отношение людей к числу «三».

Так как число «три» считалось счастливым, родоначальники народ стремились чаще использовать его. Например, «三皇» (san huang) — три императора (Фусыши, Суйжэньши, Шэньнунши), три самые ранние династии именовали как «三代» (san dai) (Династии Ся, Шан, Чжоу), религии в Китае имеют одно общее наименование — «三教» (san jiao) — буддизм, даосизм и конфуцианство. Животных,

которых приносили в жертву было трое — «三牲» (san sheng) — свинья, овца, корова.

Словосочетания с числом 《三》 :
《三宝》 (san bao) — три сокровища,
《三春》 (san chun) — три весенних месяца,
《三夏》 (san xia) — три летних месяца,
《三伏》 (san fu) — самые жаркие дни лета.

Примечательно то, как меняется и трансформируется значение тройки в зависимости от сочетания с другими числительными. Так, 《三》 в сочетании с «两» (liang, 2) — два имеет значение «меньшинство, немного». Например, 《三三两两》 (san san liang liang) — мелким кучками, 《三言两语》 (san yan liang yu) — лаконичный, в двух словах, 《三长两短》 (san chang liang duan) — неожиданная неприятность.

В сочетании числа 《三》 с «五» (wu, 5) — пять или «六» (liu, 6) — шесть выражение имеет значение «много раз», «большинство». Например, «三令五申» (san ling wu shen) — делать неоднократные напоминания, «三番五次» (san fan wu ci) — много раз, несколько раз, «三五成群» (san wu cheng qun) — группами в три-пять, «三年五载» (san nian wu zai) — несколько лет, три-пять лет.

Сочетание числа «三» с «四» (si, 4) — четыре в выражении носит отрицательный оттенок. Например, «不三不四» (bu san bu si) — вздор, чепуха, «低三下四» (di san xia si) — низменный, бесчестный, «说三道四» (shuo san dao si) — говорить, что взбрело в голову, невпопад.

4. Культурное осмысление числительного 《四》 (si, четыре)

Число 4 кратно 2, является парным четным числом и олицетворяет счастье и удачу. В китайских народных обычаях и обрядах серьезное внимание уделяется принципу «四平八稳» (si ping ba wen) — спокойствие, стабильность. В комнатах вешалось по 4 картины, в подарок преподносили 4 вещи, при приглашении гостей придерживались принципа четырех тарелок и восьми подносов.

В Китае многие понятия связаны с числом «четыре»: четыре великие реки — Янцзы, Хуанхэ, Хэйлунцзян (Амур) и Чжуцзян; четыре великих озера — Дунтинху, Поянху, Цинхай и Тайху; четыре великие буддистские горы — Утайшань, Путошань, Цзюхуа, Эмэйшань; четыре великих изобретения — компас, бумага, порох, книгопечатание; четыре пейзажа — ветер, цветы, снег и луна, и т.д.

В китайском языке много словосочетаний с числом 4: «四方» (si fang) — четыре стороны; «四面» (si mian) — во все четыре стороны; повсюду; «四周» (si zhou) — вокруг, кругом; «四邻» (si lin) — 1) соседи; ближайшее окружение, 2) соседние страны; «四海为家» (si hai wei jia) — везде чувствовать себя как дома; «四面埋伏» (si mian mai fu) — окружить со всех сторон и т.д.

Но, в некоторых районах, из-за созвучия и омофонии слов «四» (si) — четыре и «死» (si) — смерть, «十四» (shi si) — четырнадцать и «实死» (shi si) — смерть, табуируется использование 4.

Например, в регионах, где говорят на гуанчжоуском (кантонском) и миннаньском диалектах, в больницах нет палат под номером «4», транспортных номерных знаков с цифрой «4», в высотных зданиях нет четвертого и четырнадцатого этажей, запрещено дарить подарки в количестве четырёх штук и так далее.

5. Культурное осмысление числительного 《五》 (wu, пять)

В китайской культуре «五» тоже считается счастливым числом. Согласно древней философской традиции основу мироздания составляют пять стихий 《五行》 (wu xing) — металл, дерево, вода, огонь, земля, которые в свою очередь связаны с востоком, югом, западом, севером, серединой. Дерево — восток, металл — запад, огонь — юг, вода — север, середина — земля.

«五» представляет собой всеобъемлющее понятие, «пять стихий» выполняют функции взаимного рождения и взаимного уничтожения: металл рождает воду, вода рождает дерево, дерево рождает огонь, огонь рождает землю, земля рождает металл; металл уничтожает дерево, дерево уничтожает землю, земля уничтожает воду, вода уничтожает огонь, огонь уничтожает металл, поэтому значение этого числительного имеет таинственный оттенок, вселяет в людей благоговение и почтение. Так, китайцы стали стремиться использовать число «五» для именования окружающих вещей и явлений, поэтому в китайском языке очень много слов, составленных с использованием цифры «五». Например, 《五州》 (wu zhou) — пять

континентов; 《五岳》 (wū yuè) — пять гор; 《五福》 (wū fú) — полное счастье, 《五律》 (wū lǜ) — пятисловное стихосложение, 《五光十色》 (wū guāng shí sè) — разноцветный; 《五体投地》 (wū tǐ tóu dì) — преклоняться и так далее.

6. Культурное осмысление числительного 《六》 (liù, 6)

Число 《六》 тоже является почитаемым китайцами четным числом. Шесть кратно двум и трём, поэтому оно тоже считается счастливым. Часто можно услышать благопожелание 《六六大顺》 (liù liù dà shùn), которое переводится «всего самого лучшего!»

Древние люди любили использовать 《六》 для имен существительных. Например, у природы есть 《六气》 (liù qì) — шесть элементов (ин и ян, ветер и дождь, тьма и свет); у людей есть 《六情》 (liù qíng) — шесть чувств (радость, гнев, скорбь, веселье, любовь, ненависть). Учение имеет 《六艺》 (liù yì) — шесть искусств (этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, математика).

7. Культурное осмысление числительного 《七》 (qī, семь)

Несмотря на то, что 《七》, по сравнению с другими числами, является нечетным, оно издревле почитается китайцами и считается священным числом.

В книге 《周易》 (Чжоу И, 1000 лет до н.э.) есть подобное выражение “Путь повторяет-

ся многократно, возвращаясь каждые семь дней...”, смысл которого в том, что «семь дней» — это период полного обращения небесного цикла[7].

По преданию, мир был создан за семь дней, а поэтому с давних времен, и по сей день количество дней, недели остается неизменным и составляет семь дней. Древние верили, что нечетное число семь символизирует собой безграничность времени, наивысший предел огромного, неисчерпаемого космоса.

В Китае были известны семь небесных тел 《七星》 (qī xīng), а именно: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

Поскольку 《七》 — крайняя цифра, священное число, то вполне естественно его воспринимали и как число счастливое. Именно поэтому все сущее на земле было связано неразрывной судьбой с этим числом. В литературе множество произведений начинается с цифры 7, например, 《七谏》 (qī jiàn) — семь увещаний; 《七发》 (qī fā) — семь наставлений. Семья нуждается в семи предметах первой необходимости (дрова, рис, масло, соль, соя, уксус, чай). В древние времена «семь» также было связано с поминовением: после смерти человека каждые семь дней проводился поминальный обряд, который заканчивался на седьмые седмины, т.е. через 49 дней. Похороны также ассоциировались с цифрой 7.

《七》 также выражает идею множественности и цикличности. Например, 《七进七出》 (qī jìn qī chū) — буквально «семь раз зашел и семь раз вышел», знаменитое выражение

о герою времен Троецарствия Чжао Юне, которому чудом удалось живым и невредимым пройти семь раз через армию Цао Юя.

8. Культурное осмысление числительного «八» (ba, восемь)

Восемь кратно двум и четырем, является парным четным числом, и конечно же, олицетворяет счастье и удачу. Во время свадьбы, в народе принято накрывать праздничный стол в стиле двойной восьмерки, т.е. нужно обязательно подать блюда в восьми чашах и восьми тарелках. На празднике в честь дня рождения соблюдают традицию «восемь бессмертных желают долгой жизни», т.е. накрывается восемь различных видов блюд, а в середине ставится персик долголетия.

Иероглиф «八» часто встречается и в названиях явлений и вещей. К примеру, 《八方》 (ba fang) — восемь сторон света; в гадании используются восемь триграмм 《八卦》 (ba gua); по преданиям имеется восемь бессмертных богов 《八仙》 (ba xian); на государственных и императорских экзаменах использовался метод написания классического сочинения из восьми частей 《八股文》 (ba gu wen); квадратный стол на восемь человек 《八仙桌》 (ba xian zhuo) — именуется "столом восьми бессмертных"; среди каш есть 《八宝粥》 (ba bao zhou) и именуемая "кашей восьми вкусов".

На юге Китая, из-за сходства в звучании между словами «八» (ba) — восемь и «发» (fa) — богатство (в кантонском диалекте являющиеся полными омофонами), в народе любят восьмерку как символ богатства. Дверные таблич-

ки, номера квартир и машин, учетные записи, номера телефонов — всюду люди стараются использовать число 8.

9. Культурное осмысление числительного «九» (jiu, девять)

《九》 — самое большое однозначное натуральное число. Девять в китайском языке омофонно слову 《久》 (jiu) — длительный, долгий, и поэтому также является счастливым числом.

В древней книге 《素问》 (suwen) говорится: "Мир в своих крайних проявлениях имеет начало — единицу 《一》 и конец — девятку 《九》. То есть, среди всех однозначных натуральных чисел, 9 больше всех. Это все потому, что, переступив девять мы снова, возвращаемся к единице (10, 100, 1000, 10000 уже выходят за рамки односложных). С давних времен и по сегодняшний день число «九» имеет значение «наивысшего» и «многогранного», поэтому в древности имелись такие выражения, как «у неба — девять сфер, у земли — девять островов...» а в речи употреблялось выражение 《九重天》 (jiu chong tian) — на девятом небе.

В эпоху правления императоров, ассоциировавшаяся с длительностью, долголетием девятка стала символизировать превосходство, величие и священность власти императора. Монарх любил облачаться в платье, на котором были вышиты девять драконов.

В городском плане Пекина мы можем встретить: девять городских ворот; между Запретным городом и парком Бэйхай выстроена

стена девяти драконов; общая высота трех больших залов императорского дворца в Запретном городе составляет 9 чжанов 9 чи (≈32 м), что символизирует девять сфер неба, лестница дворца также состоит из девяти или кратного девяти числа ступеней. Общее количество комнат Запретного города равно 99999; заклепки главных ворот расположены в 9 вертикальных и 9 горизонтальных рядах по 9 штук в каждом, что вместе составляет девять девяток, т.е. 81, что также является символом счастья и удачи.

10. Культурное осмысление числительного «十» (shí, десять)

Китайский народ издревле стремился к формированию совершенного, положительно-го, эстетического мировоззрения, и иероглиф «十» — десять стал тем самым воплощением совершенства и полноты. К примеру, выражение «十全十美» (shí quán shí měi) — имеет значение «полностью и без изъяна; совершенный во всех отношениях». 10 венчает ряд четных чисел.

Число «十», имея значение множественности и полноты, также присутствует во многих словах и выражениях схожего значения: «十分» (shí fēn) — очень, на все сто; «十足» (shí zú) — 1) сполна, полностью, 2) полноценный, чистый; «十恶不赦» (shí è bù shě) — непростительные преступления; «一目十行» (yí mù shí háng) — одним взглядом охватывать десять строк; «十年树木» (shí nián shù mù) — дерево растят десять лет (обр. о трудном и долгом деле воспитания).

Традиция почитания «десятки» корнями уходит в древность, в эпоху Весны и Осени, и Воюющих государств (800 лет до н.э.).

Язык имеет свойство непрерывно развиваться и изменяться. В современном китайском языке среди однозначных числительных наибольшее внимание привлекают числа 4, 6 и 8. Все это связано с таким явлением в китайском языке, как омофония. Из-за созвучия со словом «смерть» «四» (4) из слова с изначально-ным положительным значением «празднества» постепенно превратилось в резко негативное, отрицательно воспринимаемое людьми. «六» (6) и «八» (8) же крепко держатся на своих позициях счастливых чисел и пользуются любовью со стороны китайцев. При выборе номеров телефонов, квартир, номерных знаков автомобилей, часто используются цифры 6 и 8, а свадьбы стараются проводить 6, 8, 16, 18, 26, 28 числа. Бывают и различные сочетания двух этих цифр, при -чем, новое звучание добавляет новый смысл, возникает омофония целых фраз: 618 (схоже с «溜要发» — успех и богатство), 168 («一路发» постоянно богатеть и развиваться), 518 («我要发» я буду развиваться и богатеть), 998 («久久发» постоянно развиваться и богатеть), 888 («发发发» развитие и богатство), 666 («溜溜溜» без сучка и без задоринки), 698 («溜久发» успех, долголетие, богатств).

Не менее примечательным аспектом омофонии числительных и китайских слов с позиции исследования является не только их традиционное значение и культурное, и даже эмоциональное наполнение, но и использование их в современном китайском языке, в частности в интернет-дискурсе. Вкратце рассмотрим какой смысл современная китайская молодежь вкладывает в числительные [Что означают...]:

- символизирует полноту (жизни), красоту, бесконечность
- символизирует уникальность, начало, в интернет-сленге из-за созвучия равнозначно слову «ты»
- символизирует любовь, мир для двоих (влюбленных)
- символизирует тоску, жизнь
- в интернет-сленге из-за созвучия равнозначно слову «да», «верно», «время от времени», выражает согласие
- в интернет-сленге из-за созвучия равнозначно слову «я», моно понимать как обозначение единства 代表我、也可以理解为不分你我
- символизирует успех, удачу, в интернет-сленге равнозначно слову «прогуляться», «оставаться»
- в интернет-сленге из-за созвучия равнозначно слову «прошу», «родной», «начало», энергия «ци», «чувства».
- символизирует процветание, вечность, равнозначно словам «нет», «пока-пока»
- в интернет-сленге из-за созвучия равнозначно слову «давний», «долгий», «просить», «алкоголь» и др.

В межличностной коммуникации китайская молодежь нередко использует сочетания арабских цифр для того, чтобы упростить коммуникацию, либо передать послание, которое трудно выразить словами, например признаться в чувствах. К ним относятся 71 — 亲你 (qīnǐ

— qinni) — «целую», 729 — 去喝酒 (qù-ěrxǐu — quhejiu) — «пойдем в бар/пить», «прости» 740 — 气死我 (qìsǐlǐng — qìsǐwǒ) «бесишь, взрыв мозга», 70626 — 请你留下来 — «пожалуйста останься» и др.

На основе вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы: три основные концепции в произведении «И-Цзин», то есть теория отношения Инь и Ян, теория пяти элементов и теория гармонии человека и природы оказывали прямое и значительное влияние на культуру числительных в китайском языке. Однако, по мере развития китайского общества и культуры, появляется фонетическое влияние на числительные и их символическое значение, что можно определить как новую тенденцию развития культуры числительных.

Кроме этого, мы должны обратить внимание на то, что числительные, помимо функции счета, также выполняют функцию важного состава в словосочетаниях. В этом случае, они в качестве морфем приобретают новые семантические значения в новых словосочетаниях. Безусловно, это является еще одной немаловажной особенностью современного китайского языка.

Литература

1. Ван Сяньчжун. Китайская народная культура и современная цивилизация. (王献忠《中国民俗文化与现代文明》). Пекин: Китайское народное издательство. 1991. 344 с. (на кит.яз.)
2. Чан Цзинъюй. Китайская лексика и куль-

- тура. (常竟宇 《汉语词汇与文化》) Пекин: Издательство Пекинского университета, 1998, 208 с. (на кит.яз.)
3. Су Синьчунь. Семантика китайских слов. (苏新春 《汉语词义学》). Гуандун: Гуандунское издательство образовательной литературы. 1992, 513 с. (на кит.яз.)
4. Чжу Бокунь. Прогулки по легкой учебе. (朱伯崑 《易学漫步》). Шэньян: Издательство Шэньян. 1998. 257 с. (на кит.яз.)
5. Словарь Цы Хай. Шанхай, 1979, 214 с. (на кит.яз.)
6. Словарь китайско-русских идиом. Сиань: Сианский университет иностранных языков, 1998. (на кит.яз.)
7. Что означают различные цифры? (各种数字代表的含义是什么百度) <https://zhidao.baidu.com/question/1994586493065330707.html>, дата обращения 15.04.2022
- ing House. 1992, 513 p. (in Chin.)
5. Ci Hai Dictionary. Shanghai, 1979, 214 p. (in Chin.)
6. Dictionary of Chinese-Russian idioms. Xi'an: Xi'an University of Foreign Studies, 1998. (in Chin.)
7. What do the various numbers represent. <https://zhidao.baidu.com/question/1994586493065330707.html>, accessed 15.04.2022(in Chin.)

Информация об авторе

Хань Юн

Старший преподаватель
Институт международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
420008 ул. Пушкина 1/55, Казань, Россия

Information about the Author

Han Yong

Senior Lecturer
Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina str.,1/55, Russia

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2022

Одобрена после рецензирования:
20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.03.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

References

1. Wang Xianzhong. Chinese Folk Culture and Modern Civilization. Beijing: Chinese People's Publishing House, 1991, 344 p. (in Chin.)
2. Chang Jingyu. Chinese Vocabulary and Culture. Beijing: Peking University Press, 1998, 208 p. (in Chin.)
3. Su Xinchun. The Semantics of Chinese Words. Guangdong: Guangdong Educational Literature Publishing House. 1992, 513 p. (in Chin.)
4. Zhu Bokun. Easy Learning Walk. Guangdong: Guangdong Educational Literature Publish-

Passive learning of Chinese through appeal to the interests of the learner

О пассивном освоении китайского языка через обращение к интересам учащегося

**Мирзиева Лейсан Рифхатовна,
Шайхутдинова Евгения Николаевна,
Ан Дарья Марсовна**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
xianjing312@mail.ru*

ORCID ID 0000-0001-6835-0611

**Leisan R. Mirzieva, Evgeniya N.
Shaikhutdinova, Darya M. An**

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: xianjing312@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6835-0611

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-40-53](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-40-53)

АННОТАЦИЯ

Последние годы повышается интерес к изучению китайского языка, чему способствует благоприятное развитие российско-китайских отношений и поворот российской политики на Восток. На сегодняшний день во многих российских вузах и школах вводится преподавание китайского языка, что порождает необходимость развивать различные методики преподавания и изучения китайского языка. Несомненно, для более качественного освоения языка, изучающему помимо работы на занятиях следует использовать вспомогательные или пассивные способы изучения. К ним относятся чтение книг, просмотр фильмов и сериалов, использование приложений на смартфонах и др. Необходимо создавать среду,

ABSTRACT

In recent years, the development of Russian-Chinese relations has been favorable, there has been a turn of Russian policy towards the East, in connection with this, interest in learning the Chinese language is increasing. Today, many Russian universities and schools introduce the teaching of the Chinese language, which gives rise to the need to develop various methods of teaching and learning the Chinese language. Undoubtedly, for better language acquisition, in addition to working in the classroom, auxiliary or passive learning methods should be used. These include reading books, watching movies and TV shows, using applications on smartphones, etc. It is necessary to create an environment that would help master new and consolidate old vocabulary, develop listening and read-

которая способствовала бы овладению новой и закреплению старой лексики, развитию навыков аудирования и чтения. Более того, мы рассматриваем сферу интересов учащихся в качестве ключевого фактора, повышающего эффективность пассивных способов овладения китайским, за счет чего улучшится восприятие языка учащимися и повысится их мотивация.

Ключевые слова: Китайский язык, методика изучения языка, пассивное изучение, языковые компетенции, приложения на смартфоне

Для цитирования: Мирзиева Л.Р., Шайхутдинова Е.Н., Ан Д.М. О пассивном освоении китайского языка через обращение к интересам учащегося. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-40-53>

При изучении любого иностранного языка важна регулярность действий, удержание внимания учащегося и сохранение его мотивации. Немаловажную роль играет и выбор учебного пособия. Уже на начальном этапе обучения студенты или школьники сталкиваются с тем, что учебники китайского языка не в полной мере удовлетворяют их требованиям. Для некоторых важно сделать упор на развитие языковых навыков, другим расширить лексико-грамматический запас знаний, а некоторым подготовиться к сдаче Единого государственного экзамена по китайскому языку или международного квалификационного экзамена по китайскому языку HSK. Более того, учащиеся, как правило, обладают разным опытом изуче-

ing skills. Moreover, we consider the interest of students as a key factor in increasing the effectiveness of passive ways of learning Chinese, which will improve students' understanding of the language and increase their motivation.

Keywords: Chinese language, language learning methodology, passive learning, language competencies, smartphone applications

For citation: Mirzieva L.R., Shaikhutdinova E.N., An D.M. Passive learning of Chinese through appeal to the interests of the learner. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (2). P. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-40-53>

ния иностранного языка, имеют разный темп освоения новых знаний, у них отличаются способы восприятия информации и, что немало важно, разнятся сферы внеучебных интересов. В процессе обучения преподавателю приходится постоянно сталкиваться с этими вопросами и совместно их прорабатывать. Эффективным способом избежания этих проблем может послужить использование помимо активного изучения пассивное.

Хоть пассивное изучение (здесь и далее сокращенно ПИ) и подразумевает самостоятельное закрепление и получение знаний, роль преподавателя как проводника невозможно не переоценить. Зачастую учащиеся сталкиваются с проблемой нехватки информации о том,

какие приложения, сайты, книги полезны для повышения уровня языка, либо, наоборот, они не могут из многочисленного и совершенно разнообразного языкового контента, ресурсов выбрать по-настоящему нужное и полезное в учебе. Тем самым в процессе преподавания важно уделять внимание этому вопросу.

На сегодняшний день в России большая часть исследований посвящена ПИ английского языка, что обусловлено международным статусом языка, включением в обязательную программу обучения в школах и вузах, богатой традицией и широкой методологической базой. Однако, в связи с усилением интереса к изучению китайского языка в последние десятилетия, все больше внимания исследователей привлекает методика изучения и освоения китайского. В связи с этим, рассматриваемый нами вопрос использования различных видов ПИ в преподавании китайского языка является важным и актуальным. Ниже мы хотели бы на основе изученного и аккумулированного теоретического материала рассмотреть использование ПИ на примере китайского языка.

Кайл МакДональд под ПИ или *passive learning* понимает получение информации от внешнего мира: радио, телевидение, книги, газеты и т.д. [Macdonald, Kyle, 2016 с. 234]. Благодаря использованию пассивного изучения, студенты и школьники, которые учат иностранные языки лучше усваивают и закрепляют учебный материал. Китайский исследователь Ху, рассматривая ПИ и его преимущества, сравнивает этот процесс изучения с наполнением сосуда, где последний — учащиеся [Hu, Xingcui,

2011]. Нельзя не согласиться с этой метафорой, однако, сюда следует добавить, что в этом «сосуде» имеется некий фильтр, через который проходит, обрабатывается, а затем аккумулируется информация для дальнейшего активного использования. То есть несмотря на пассивное изучение, учащиеся прикладывают определенные усилия, что и позволяет им достичь нужного результата, затратив даже меньше временный и ментальных ресурсов.

Обучение всегда включает в себя пассивный и активный этапы. На этапе пассивного изучения главенствующим является узнавание (пройденных иероглифов, слов, грамматических конструкций, звуков и т.д.), а на активном — вспоминание. И то и другое связано с такими видами психических познавательных процессов как запечатление и запоминание. На первом этапе учащиеся, будучи знакомы с конкретным изучаемым материалом, понимают информацию визуально и на слух. На следующем этапе они активно вовлекаются в процесс обучения и осуществляют коммуникацию на иностранном языке в письменной или устной форме [3]. Все это подтверждает взаимодополняемость и взаимообусловленность обоих подходов в изучении языка и важность их использования, переключения с пассивного способа на активный и наоборот. Более того, в процессе преподавания необходимо чередовать каждый из этих подходов исходя из учебной задачи [Shreyasi, S. P. 2017 с. 26].

Методы пассивного изучения включают:

- 1) Чтение книг на китайском языке
- 2) Просмотр фильмов, сериалов, видео
- 3) Прослушивание песен на китайском языке
- 4) Использование приложений на смартфонах

Ниже будет подробно изучен каждый из методов по отдельности.

Чтение книг на китайском языке

Чтение является эффективным средством обучения. Его роль в процессе овладения языковым материалом неоспорима, так как во время чтения происходит запоминание лексических и грамматических языковых единиц [Дорохов, Р. С. 2018 с. 234]. Пассивное чтение книг также будет отличным способом погружения в культуру изучаемого языка. При выборе художественной литературы необходимо в первую очередь руководствоваться уровнем знания китайского языка у учащегося. Для того чтобы облегчить чтение неадаптированного текста оригинальной литературы можно выбирать уже прочитанные когда-то ранее книги на русском языке или прочитать перевод на китайский язык произведений любимого писателя. Таким образом, сюжет будет понятен и знаком, а при встрече незнакомых слов будет проще понять смысл текста с помощью языковой догадки.

Следует отметить, что сегодня книжный рынок в Китае непрестанно обновляется и развивается, предоставляя широкий выбор печатных и электронных книг для читателей. Среди наиболее популярных сайтов для чтения он-

лайн или скачивания книг на китайском языке можно выделить QiDian, Weibo Books, Haodoo и 24 Reader [6].

Также для чтения можно выбрать набирающую сегодня популярность китайскую мангу или, как ее еще называют китайская маньхуа (中国漫画). Есть переводы знаменитых японских сюжетов на китайский язык, также существуют и оригинальные китайские комиксы.

В открытом доступе много разнообразных комиксов на китайском языке, которые имеют богатую классификацию по тематике, читательской аудитории, по объему произведений и т.д. От темы любви до экономики и политики, от боевиков до фэнтези, от подростков до старшего поколения — все могут найти что-то на свой вкус. К наиболее любимым в России маньхуа относятся «Сказания о демонах и богах» (2015г.), «Расколота битвами синева небес» (2012г.), «Пик боевых искусств» (2018г.) и др. [7].

В отличие от западных героев, в китайских маньхуа мы сталкиваемся с далеко несовершенными, человеческими персонажами, которые, несмотря на божественное происхождение, наличие суперсилы переживают те же проблемы, что и простые люди в своей повседневной жизни. В подобных произведениях важной составляющей является визуальная часть, что помогает студенту догадаться о значении незнакомых ему слов и выражений. Также, в китайских комиксах преобладает разговорный язык с короткими фразами, благодаря чему они будут понятны и доступны даже учащимся начального уровня.

Рекомендуемые приложения для чтения книг:

Большую часть времени современный человек проводит в своем смартфоне. В связи с этим целесообразно использовать мобильные приложения для изучения языка. Так как мы рассматриваем именно пассивное изучение через хобби и интересы студента, то здесь не подойдут приложения, нацеленные именно на обучение. Цель использования приложения на китайском языке — узнать что-то интересное и полезное для себя. Выбор приложений сейчас разнообразен, рассмотрим некоторые из них подробнее.

DuChinese [8] — удобное приложения для чтения адаптированных текстов. Это богатая библиотека языкового материала, который подходит для всех уровней владения китайским от начального до продвинутого. Читателям предлагаются как короткие тексты, так и истории, разбитые на несколько частей. В приложении можно найти адаптированные для изучающих китайский язык классические китайские романы. Такие как «Троецарствие» (《三国演义》), «Путешествие на Запад» (《西游记》), «Речные заводи» (《水浒传》), и др. Преимуществом приложения Du Chinese является возможность прослушивания аудио формата любого текста или истории, тем делая его полезным не только для развития навыков чтения, но и аудирования.

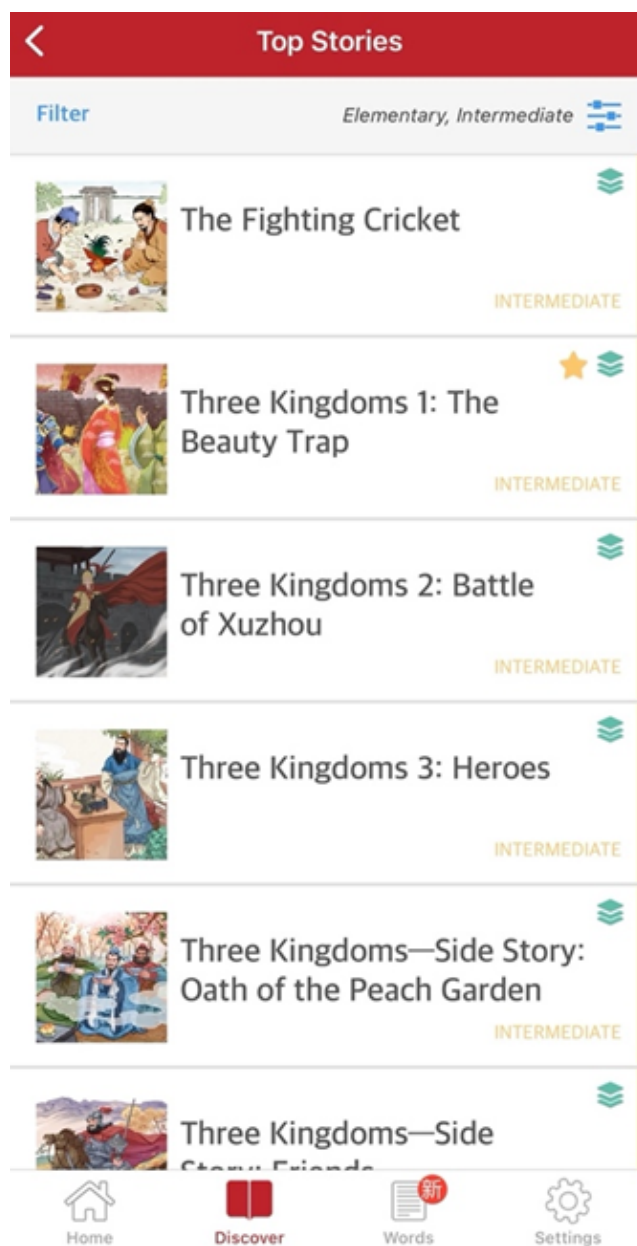

Рис.1: Приложение Du Chinese

Fig.1: Du Chinese App

Dangdang reading(当当云阅读) [9] — приложение для покупки и чтения книг на китайском языке. Приложение будет интересно людям с высоким уровнем китайского языка. Можно покупать электронный формат книг, находясь при этом не на территории КНР. Также в приложении можно лучше узнать о читательских предпочтениях жителей Поднебесной. Каждый день выходит новая подборка самых популярных книг. Можно выбрать жанр, который будет интересен самому учащемуся. Таким образом, личные увлечения активно влияют на процесс изучения языка.

Рис. 2: Приложение 当当云阅读

Fig.2: 当当云阅读 App

Просмотр фильмов, сериалов, видео

Видеоматериалы помогают реализовать принцип наглядности, то, о чем преподаватели как правило рассказывают на занятиях, а в фильмах или сериалах иллюстрируется и оживает непосредственно на экране. Обучающиеся слышат звучащую иностранную речь в разных коммуникативных ситуациях, у них возникает желание копировать произношение, интонации носителей языка, улучшая тем самым свои произносительные навыки китайского. Все это стимулирует интерес студентов к изучаемому предмету [Ярунина, С. А. 2018 с. 111].

Аутентичные видеоматериалы на китайском языке на сегодняшний день максимально доступны на интернет-площадках, в первую очередь на Youtube. Студент может выбирать видео разной длины и разного содержания. Например, в открытом доступе можно найти снятый специально для изучающих китайских язык иностранных студентов мини-сериал «快乐汉语» (Happy Chinese) [11], который состоит из коротких 20-минутных серий. По сюжету иностранка приезжает в Пекин к своей подруге-китайке и по мере изучения китайского языка, узнает традиции китайского народа и его культуру. При просмотре этого сериала невольно проникаешься историей главной героини, которая попадает в различные неловкие ситуации, с юмором и интересом принимает непривычные условия жизни в новой стране.

Другим подходящим для начального и среднего уровня сериалом можно назвать «家有儿女» («Дом с детьми») [12]. Этот сериал стоит отметить за преобладание бытовой лексики

и понятное произношение, так как главные герои живут в Пекине.

На начальном этапе такого способа пассивного изучения языка стоит выбирать сериалы и фильмы с субтитрами. Также, по мере просмотра следует выписывать незнакомые слова. Для начала можно попробовать самим понять значение слова, развивая языковую догадку и только потом проверить себя в словаре.

Сегодня многие китайские блогеры ванхуны (网红) выкладывают свои видео на доступной пользователям платформе Youtube. Темы, поднимающиеся в блогах наиболее актуальны для поколения Z. Студенты могут выбрать блогера, который освещает интересную им тему. Просмотр коротких видеороликов с любимившимся блогером не будет восприниматься студентами как нечто сложное, их внимание будет направлено на интересный контент и возможность узнать что-то новое из жизни китайских звезд. Благодаря этому снижаются психологические барьеры и страх языка, уходит дискомфорт во время освоения неизвестных, сложных для учащегося конструкций, лексики и повышается уверенность в себе. Плюсом подобных видео является наличие субтитров, которые присутствуют практически в каждом видеоролике.

Просмотр видео способствует расширению кругозора, увеличению словарного запаса, углублению культурологических знаний. При регулярном просмотре видеоконтента создается ощущение хоть и виртуального, но участия в повседневной жизни страны изучаемого языка,

что помогает устранить некий информационный вакуум, в котором находятся учащиеся за пределами Китая. Однако подобный способ изучения имеет недостатки: прежде чем учащийся найдет соответствующий его уровню владения китайским языком контент, может пройти какое-то время, так как на видео живая речь может быть наполнена множеством новой лексики, сленгом, идиом, которые осложняют восприятие для начинающего уровня.

Прослушивание песен на китайском языке

Освоение фонетики — это основа изучения китайского языка. Также фонетика китайского языка в виду тонов, множества омонимов является довольно сложной для русскоговорящих студентов [Гуторова, Е. Ю. 2019 с. 17]. При неправильном произношении теряется возможность естественного и свободного общения с носителями языка, в результате чего дальнейшего прогресса в изучении не будет.

Весьма эффективным средством тренировки произношения и восприятия на слух будет прослушивание песен на китайском языке. Этот способ доступный и простой, главное — найти подходящего исполнителя и направление музыки. Неоднократное, повторное прослушивание композиции приведет к тому, что слова из песни будут закрепляться в памяти.

Прослушивание песен имеет несколько преимуществ. Во-первых, учащийся больше погружается в языковой контекст. Обычно после учебных занятий китайским языком, студент

или школьник почти не соприкасается с ним в повседневной жизни. Слушая же песни на китайском, он начинает привыкать к интонации, звучанию китайской речи. В результате, фонетическая система китайского языка станет для него более понятной и привычной. Во-вторых, песни – хороший способ пополнить словарный запас. Ритм, рифма, мотив мелодии способствуют запоминанию новых слов и закреплению пройденных. В-третьих, песни — это возможность познакомиться со сленгом, популярной и распространённой среди китайской молодежи лексикой. Прослушивание помогает понять смысл новых слов, научиться их использовать в подходящих ситуациях.

Такой метод изучения более гибкий и интересный, чем механическое, монотонное заучивание новых слов. Красивая мелодия вызывает ассоциации, что также способствует запоминанию текстов. К тому же во время прослушивания полезно будет подпевать исполнителю, имитируя его интонацию и произношение, это поможет преодолеть страх перед говорением на китайском языке, который присутствует у многих учащихся.

Другим важным преимуществом прослушивания песен на китайском является то, что студент может увидеть использование грамматических конструкций в живом языке, не только в диалогах и упражнениях на страницах учебника. Например, для отработки базовой грамматики с использованием предлога “把” подойдет музыкальная композиция «Песня моему сыну» (《孩子他爸》)[14] в исполнении

Се Дуна (谢东), а для закрепления грамматики с “被” песня «Молодость закружила в танце» (《我被青春撞了一下腰》) [15] исполнителя Чжан Чжень (张真). Чтобы закрепить тему сравнительной степени с “比” в китайском языке, можно прослушать и разобрать текст «Счастливее меня» (《比我幸福》) [16] Чень Сяо (陈晓) и т.д. Таким образом, после изучения грамматики на занятиях, ее легко можно будет закрепить, прослушивая любимые песни.

Конечно, использование песен для пассивного изучения имеет и свои недостатки, например, как искажение произношения некоторых слов или диалектная фонология. В таком случае следует обратиться за советом к преподавателю китайского языка, который может порекомендовать определённых исполнителей и соответствующую подборку песен.

Использование приложений на смартфонах

Сегодня среди китайской молодежи наиболее популярен такой сервис коротких видео, как Kuaishou (快手) [17], аналог знаменитого среди российских молодых людей сервиса для создания и просмотра коротких видео TikTok. С помощью них можно создавать или просматривать короткие видео, большинство из которых снабжены субтитрами, наполнены простыми диалогами. Можно следить за любимыми пользователями и узнавать больше о Китае и китайской молодежи.

Рис. 3: Приложение 快手

Fig. 3: 快手 App

Рис. 4: Приложение 全民K歌

Fig. 4: 全民K歌 App

Рис. 5: Приложение 喜马拉雅 FM

Fig. 5: Ximalaya FM App

Wesing (全民K歌) [18] — приложение для любителей караоке. Здесь можно слушать китайские песни и одновременно читать текст, что особенно полезно для запоминания слов и выражений. Особенностью этого приложения является возможность петь одновременно с другими пользователями и прослушивать собственное исполнение песен. Так, студент может анализировать свою запись и развивать саморефлексию относительно своих ошибок в произношении.

XimalayaFM (喜马拉雅 FM) [19] — приложение с подкастами, записями, рассказами, короткими лекциями на различные темы. Программа отслеживает интересы пользователей и выдает самую актуальную информацию. Не-

которые рассказы представлены и в текстовом формате, но больший приоритет отдается аудио. Для студентов с уровнем китайского языка соответствующего HSK 4 можно порекомендовать профиль TED中文演讲 (TED лекции на китайском).

Китайские социальные сети, такие как **Wechat (微信)** [20] и **Weibo (微博)** [21]. Социальные сети интересны тем, что там можно увидеть живое общение носителей языка. Познакомиться с ними поближе, узнать актуальную лексику и сленг. В этих социальных сетях распространены Интернет-мемы, через которые можно лучше понять язык и современную культуру. Некоторые популярные мемы становятся общеупотребительными выражениями

[Аликберова, А. Р. 2019 с. 32] и активно используются в повседневной коммуникации китайцев. В Wechat есть возможность подписаться на общественно-информационные аккаунты. Они могут выполнять и учебно-образовательную функцию, например, аккаунт «俄语编辑部» («Русская редакция»). Данный аккаунт публикует новости о России и Китае. Новости в виде коротких статей на китайском языке с параллельным переводом на русский язык, что особенно полезно для студентов. Таким образом, социальные сети являются незаменимыми инструментами для пассивного изучения китайского языка.

Рис. 6: Приложение Wechat, аккаунт «俄语编辑部»

Fig. 6: Wechat App, account «俄语编辑部»

Little red book (小红书) [23] аналог Pinterest социальная сеть, в которой все делятся своим визуальным творчеством через изображения и видео, преимущество его заключается в том, что контент его разнообразный, современный, актуальный, регулярно обновляется, много лингвострановедческого материала, актуальной разговорной лексики, которыми учащиеся могут пользоваться в процессе общения с носителями языка и на занятиях. Есть возможность самим создавать новый уникальный медиаконтент и тем самым развивать свое творческое и языковое начало.

Рис. 7: Приложение 小红书

Fig. 7: 小红书 App

Результаты исследования показали, что изученные нами методы способствуют развитию следующих навыков: аудирование, чтение, говорение. Также они помогают в сложном процессе запоминания иероглифов, так как учащийся постоянно сталкивается с необходимостью самостоятельно читать или смотреть интересующий его материал, где он может встретить большой объем уже изученных им иероглифов и встретить новые, таким образом происходит расширение иероглифического и лексического запаса. Несомненным преимуществом пассивного изучения является его удобный формат. Практически все предложенные пассивные методики имеют электронный формат приложений, которые удобно установить на смартфон и пользоваться ими в свободное время. Подобные методы также помогают узнать больше о современных тенденциях в обществе и культуре Китая.

Таким образом, изучив распространённые способы пассивного изучения китайского языка, мы можем охарактеризовать их как полезное дополнение к основному курсу. Такие способы стимулируют учащихся лучше учиться, дают им возможность применения китайского языка в повседневной жизни.

Литература

1. Macdonald, Kyle When does passive learning improve the effectiveness of active learning? 2016; Researchgate. https://www.researchgate.net/publication/309127332_When_does_passive_learning_improve_the_effectiveness_of_active_learning (Дата обращения: 02.06.2022).
2. Hu, Xingcui How to transform passive learning into active learning in Chinese ESL classroom. MINDS@UW. <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/52515> (Дата обращения: 02.06.2022).
3. Пассивное и активное овладение языком. englishmax.ru.<http://www.englishmax.ru/how-to-learn02> (Дата обращения: 02.06.2022).
4. Shreyasi, S. P. How to transform passive learning into active learning in Chinese. GRD Journal for Engineering. 2017; № Volume 2, Issue 9. С. 27-29.
5. Дорохов, Р. С. Роль, содержание и специфика обучения чтению на занятиях по английскому языку. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018; № 4 (48). С. 233-241.
6. Восемь лучших сайтов для бесплатного скачивания книг на китайском языке. Южный Китай. <http://south-insight.com/node/218291> (дата обращения: 22.06.2022).
7. Китайская манга: 18 самых лучших. Center Ichinese. <https://ichinese8.ru/chinese-manga/> (дата обращения: 22.06.2022).
8. Официальный сайт приложения DuChinese <https://www.duchinese.net> Дата обращения: 02.06.2022
9. Официальный сайт Dangdang reading <http://e.dangdang.com> Дата обращения: 02.06.2022
10. Ярунина, С. А. Видеоматериалы в обучении иностранному языку Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018.; № 3. С. 110-115.

11. Сериал «快乐汉语» <https://www.youtube.com/user/kkwchu/> Дата обращения: 02.06.2022
12. Сериал «家有儿女» https://www.youtube.com/results?search_query=家有儿女 Дата обращения: 02.06.2022
13. Гуторова, Е. Ю. Песня и стихотворение как методическое средство обучения китайскому языку. *Juvenis Scientia*. 2019; № 11-12. С. 17-22.
14. Музыкальная композиция 《孩子他爸》, исполнитель 谢东 <https://music.163.com/#/song?id=173808> Дата обращения: 02.06.2022
15. Музыкальная композиция 《我被青春撞了一下腰》, исполнитель 张真 <https://music.163.com/#/song?id=194885&market=baiduqk> Дата обращения: 02.06.2022
16. Музыкальная композиция 《比我幸福》, исполнитель 陈晓 <https://music.163.com/#/song?id=67002> Дата обращения: 02.06.2022
17. Официальный сайт приложения 快手 <https://www.kuaishou.com> Дата обращения: 02.06.2022
18. Официальный сайт приложения 全民K歌 <https://kg.qq.com/index-pc.html> Дата обращения: 02.06.2022
19. Официальный сайт приложения 喜马拉雅 FM <https://www.ximalaya.com> Дата обращения: 02.06.2022
20. Официальный сайт приложения WeChat <https://weixin.qq.com> Дата обращения: 02.06.2022
21. Официальный сайт социальной сети Weibo <https://weibo.com/newlogintab-type=weibo&gid=102803&openLoginLayer=0&url=https%3A%2F%2Fweibo.com%2F> Дата обращения: 02.06.2022
22. Аликберова, А. Р. Интернет-мемы в китайском медиапространстве как отражение современной действительности. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; № 2 (2). С. 31-41.
23. Официальный сайт приложения 小红书 <https://www.xiaohongshu.com> Дата обращения: 02.06.2022

References

1. Macdonald, Kyle. When does passive learning improve the effectiveness of active learning? 2016; Researchgate. https://www.researchgate.net/publication/309127332_When_does_passive_learning_improve_the_effectiveness_of_active_learning (дата обращения: 02.06.2022).
2. Hu, Xingcui. How to transform passive learning into active learning in Chinese ESL classroom. *MINDS@UW*. <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/52515> (дата обращения: 02.06.2022).
3. Passive and active language acquisition. *englishmax.ru*. <http://www.englishmax.ru/how-to-learn02> (accessed: 02.06.2022) (In Russ.)
4. Shreyasi, S. P. How to transform passive learning into active learning in Chinese. *GRD Journal for Engineering*. 2017; № Volume 2, Issue 9. pp. 27-29.

5. Dorokhov, R. S. The role, content and specificity of teaching reading in English classes. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018; № 4 (48). pp. 233-241. (In Russ.)
6. Eight best websites to download Chinese books for free. Southern China. <http://southinsight.com/node/218291> (accessed: 02.06.2022) (In Russ.)
7. Chinese manga: 18 of the best. Center Ichinese. <https://ichinese8.ru/chinese-manga> (accessed: 22.06.2022) (In Russ.)
8. Official website of the DuChinese application <https://www.duchinese.net> (accessed: 02.06.2022)
9. Official website of the Dangdang reading application <http://e.dangdang.com> (accessed: 02.06.2022)
10. Yarunina, S. A. Video materials in teaching a foreign language. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2018; № 3. pp. 110-115. (In Russ.)
11. Happy Chinese TV show <https://www.youtube.com/user/kkwchu/> (accessed: 02.06.2022)
12. Home with Kids TV show https://www.youtube.com/results?search_query=家有儿女 (accessed: 02.06.2022)
13. Gutorova, E. Yu. Song and poem as a methodological tool for teaching Chinese. *Juvenis Scientia*. 2019; № 11-12. P. 17-22. (In Russ.)
14. Musical composition 《孩子他爸》, performer Xie Dong <https://music.163.com/#/song?id=173808> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
15. Musical composition 《我被青春撞了一下腰》, performer Zhang Zhen <https://music.163.com/#/song?id=194885&market=baiduqk> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
16. Musical composition 《比我幸福》, performer Chen Xiao <https://music.163.com/#/song?id=67002> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
17. Official website of the Kuaishou application <https://www.kuaishou.com> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
18. Official website of the Wesing application <https://kg.qq.com/index-pc.html> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
19. Official website of the Himalaya FM application <https://www.ximalaya.com> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
20. Official website of the WeChat application <https://weixin.qq.com> (accessed: 02.06.2022)
21. Weibo official website <https://weibo.com/newlogintab-type=weibo&gid=102803&openLoginLayer=0&url=https%3A%2F%2Fweibo.com%2F> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)
22. Alikberova, A. R., Balakin D. A. Internet memes in the Chinese media space as a reflection of modern reality. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. 2019; № 2 (2). pp. 31-41. (In Russ.)
23. Official website of the Little Red Book application <https://www.xiaohongshu.com> (accessed: 02.06.2022) (In Chinese)

Сведения об авторах

Мирзиева Лейсан Рифхатовна,

Старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Шайхутдинова Евгения Николаевна,

Преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

xianjing312@mail.ru

Ан Дарья Марсовна,

Преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

an.darya2015@yandex.ru

G. Kazan st. Pushkin 1/55

xianjing@mail.ru

An Darya Marsovna,

Teacher at the Department of Altaistics and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

an.darya2015@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.03.2022

*Одобрена после рецензирования:
20.04.2022*

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 21.03.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Information about the authors

Mirzieva Leysan Rifkhatovna,

Senior teacher of the Department of Altaistics and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

ch_leisang@mail.ru

Shaikhutdinova Evgenia Nikolaevna,

Teacher at the Department of Altaistics and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

Review of articles about China in the newspaper «Russkoe znamya» (1911)

Обзор статей о Китае в газете «Русское знамя» (1911 г.)

Благодер Юлия Гариевна

*Кубанский государственный технологический
университет, Краснодар, Россия*

blagoder_1@mail.ru

Yuliya G. Blagoder

*Kuban State Technological University, Krasnodar,
Russia*

blagoder_1@mail.ru

УДК 94(470) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-53-61](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-53-61)

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты анализа публикаций газеты «Русское знамя», издававшейся в Российской империи в начале XX века. Исследованы статьи о Китае, опубликованные в 1911 г. Автор выделяет публикации о революционных событиях в Китае, борьбе монархистов и реформаторов. Особое внимание уделяется статьям о деятельности Юань Шикая. Отмечается роль газеты «Русское знамя» в распространении среди широких слоев российского общества информации о Китае, формировании представлений об этой стране через призму националистических взглядов российских представителей консервативной идеологии.

Ключевые слова и фразы: Российская империя, Китай, образ Китая, российская периодическая печать, газета «Русское знамя»

Для цитирования: Благодер Ю.Г. Обзор статей о Китае в газете «Русское знамя» (1911 г.). *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-53-61>

ABSTRACT

The article presents the results of the analysis of publications of the newspaper «Russkoye Znamya», published in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The author examines articles about China published in 1911. The author highlights publications about revolutionary events in China, the struggle of monarchists and reformers. Particular attention is paid to articles on the activities of Yuan Shikai. The role of the newspaper «Russkoye Znamya» in disseminating information about China among the broad strata of Russian society, forming ideas about this country through the prism of the nationalist views of Russian representatives of conservative ideology is noted.

Keywords: Russian Empire, China, the image of China, Russian periodicals, the newspaper «Russkoye Znamya»

For citation: Blagoder Yu.G. Review of articles about China in the newspaper «Russkoe znamya» (1911). *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(2). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-53-61>

Российская периодическая печать в начале XX в. становится для широких слоев населения важнейшим источником информации о событиях, происходящих за пределами Отечества. Изучение статей, очерков, небольших по объему заметок позволяет представить образы иностранных государств, которые намеренно формировались российскими газетами различной идеологической направленности.

В качестве примера рассмотрим публикации о Китае в одной из российских газет, чтобы предположить, какое мнение у читателей могло сложиться об этой стране после прочтения статей, каким было отношение к происходящим в ней событиям.

В революционные годы (1905-1917) под редакцией А.И. Дубровина издавалась в российской столице и распространялась не только в Петербурге (позже Петрограде), но и в провинции газета «Русское знамя» («Вестник союза русского народа»). Издание черносотенцев выходило ежедневно. Его цена была вполне демократичной. Так, годовую подписку можно было оформить за 6 рублей, а приобрести один номер за 5 копеек.

Редакционная коллегия поощряла полемику с представителями других печатных изданий, непреклонно декларируя постулаты «за Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное» и «Россию для русских». Политика М.Н. Каткова, который в «Московских ведомостях» своим «громадным талантом, вдохновленным чистым патриотизмом, являлся выразителем и вождем общественного мнения» [Из дневников князя...

1911, С. 3], получала одобрение. Либеральные взгляды А.С. Суворина в газете «Новое время» усиленно критиковались. По мнению князя В.П. Мещерского, последнее издание заслуживало наименования «ветряной мельницы», не имеющей «ни своего патриотизма, ни своих убеждений, ни своих принципов» [Там же].

Русофильские позиции издателей, авторов, редакторов газеты «Русское знамя» не препятствовали освещению событий, происходящих за рубежом. Это позволило провести исследование позиции данного издания в отношении революционных преобразований, которые происходили в Китае в начале XX в.

Анализ опубликованных материалов показал, что в разделах «Телеграммы Заграничные», «Телеграммы Внутренние», «Заграничная жизнь» сведения о Китае появлялись регулярно, в рубрике «У соседей» — эпизодически. Тексты формировались на основе данных различных источников. Прежде всего, это были европейские телеграфные агентства, отправлявшие своих представителей в Китай и иные азиатские страны. Кроме того, использовались возможности российских журналистов, посещавших Европу. Публиковались переводы статей европейских, американских, японских и китайских газет. Заметки были лаконичными и нередко содержали непроверенные данные: достаточно часто употреблялось выражение «по слухам из Китая».

Для анализа публикации 1911 г. выбраны намеренно. В этот период Китай переживал знаменательные события. Эпоха императорского Китая подходила к концу. Европейские

державы, США и Япония содействовали революционным силам [У соседей ..., 1911, №225, С.2], надеясь на заинтересованность членов нового правительства в проведении реформ и укреплении межгосударственного экономического сотрудничества. Антимонархические выступления усиливались в тех регионах, где позиции иностранцев были сильны.

Сравнительный анализ публикаций различных изданий показал, что громкие заявления представителей европейской политической элиты (министров, членов парламентов и проч.) не представляли интерес для газеты «Русское знамя». В отличие от иных печатных изданий, необходимость укреплять добрососедские отношения с Китаем рассматривалась лишь в контексте: во-первых, выгоды Российской империи от успешно реализованных коммерческих проектов; во-вторых, влияния противоборства различных держав в дальневосточном регионе на статус России на мировой арене и благополучие российских подданных, проживающих в Китае и на Дальнем Востоке. На страницах газеты, все чаще появлялись предостережения о надвигающейся угрозе России. Вспоминали трагические события восстания ихэтуаней, мучительные пытки, которым подвергались попавшие в плен из-за «небрежности дипломатии и [российского] министерства финансов» [Передовая статья, 1911, С.1] российские инженеры, рабочие, солдаты и офицеры. Звучало требование к командующим корпусами пограничной стражи постоянно «напоминать правительству об ответственности за передовые посты на Востоке» [Там же].

Особенно жестким нападкам подвергался С.Ю. Витте. Его обвиняли в неудовлетворительной организации пограничной охраны россиян в полосе КВЖД, отмечалась недопустимость назначения на руководящие должности евреев [Передовая статья, 1911, С. 1]. Газета не смягчала оскорбительные выражения, отмечая участие «родственников С.Ю. Витте из иного племени» [Там же] на правах акционеров в деятельности частного общества, руководившего постройкой КВЖД. Звучали и провокационные клеветнические обвинения в предательстве, передаче «китайцам за деньги сведений о дислокации стражи» [Там же].

Получили одобрение действия российско-го военного руководства, отправившего отряд в Тяньцзин из Харбина для защиты соотечественников «от неистовой черни» [У соседей..., 1911, № 243, С. 2]. Положительно оценена позиция цинских властей, предписывавших местной администрации неукоснительно соблюдать существующие договоры в случае возникновения спорных вопросов между китайцами, маньчжурами и российскими подданными [Телеграммы заграничные, 1911, № 144, С. 2].

Большинство российских печатных периодических изданий выполняли не только просветительские задачи, но и пропагандировали определенные идеологические принципы. Газета «Русское знамя» не была исключением, но, в отличие от иных изданий, отдавала предпочтение зарубежной корреспонденции, позволяющей развивать националистическую тему. Примером могут служить описания погромов китайских кварталов в Британской империи,

причиной которых явились «опасения за чистоту своей расы» [Заграничная жизнь, 1911, № 157, С. 3]. Рассказывали и о насилии японцев по отношению к мирному китайскому населению, которое являлось составной частью политики восстановления порядка в Китае и его последующего раздела, усиления влияния Страны восходящего солнца на азиатском материке.

Об успешных реформах в Китае писали очень мало. Отмечалось лишь желание правительства путем преобразований «понизить разнужданность населения и всяческое проявление своеволия, особенно в высших слоях» [У соседей..., 1911, № 213, С. 2]. Сформировать полноценный образ Китая на основе публикаций данного издания сложно, но единичные заметки о деятельности европейцев в министерствах в качестве советников [Заграничная жизнь..., 1911, № 145, С. 3], обучении рекрутов германскими инструкторами [Заграничная жизнь..., 1911, №162, С. 1], заказе в Европе миноносцев [Телеграммы заграничные..., 1911, № 174, С. 3] и т.п. позволяет сделать вывод о масштабе реформ, их направленности, степени участия представителей иностранных держав в их проведении.

Редкие исторические заметки раскрывают перед читателем картины Золотого века загадочного Китая. После захвата власти маньчжурами обостряются социальные противоречия, миролюбие, которое ранее демонстрировали китайцы, исчезает. Как писала газета «Русское знамя», «за 4000-летнее существование страна видела много государственных переворотов; доходила до социализма, а сейчас

мы ее увидели в полном расцвете деспотизма» [У соседей..., 1911, № 284, С. 2]. Присутствуют публикации, в которых рассказывается о бедствиях, которые переживали подданные Сына Неба на стыке XIX и XX столетий: наводнения, уничтожавшие поселения и города, эпидемии, жестокость хунхузов. Народные выступления, вызванные рядом социально-экономических и политических факторов, губительно отразились на развитии сельского хозяйства и торговли, благосостоянии населения [Сокращение китайской внешней торговли, 1911, №285, С. 3]. Ситуацию усугубило политическое противостояние республиканцев и защитников конституционной монархии [У соседей..., 1911, № 257, С. 2]. Государство оказалось на грани распада: провинции одна за другой объявляли о независимости, многие губернаторы использовали военную силу по своему усмотрению [У соседей..., 1911, № 213, С.2].

В начале XX столетия Китай переживал трансформацию государственной системы управления, которая уже была хорошо известна многим монархическим государствам. Дух недовольства, по мнению российских публицистов, принесла в Азию Европа [Благодер, 2013, С. 34-36]. Молодые китайцы, получавшие образование в Европе, понимали необходимость модернизации многих сфер жизни своего государства и поддерживали реформаторов.

Многие газеты отмечали идентичность политических процессов, происходящих в Китае в 1911 г. и революционной России 1905-1907 гг. [Благодер, 2019, С. 60-70]. Черносотенцы, защитники монархической власти,

критически оценивали последствия революционных выступлений на Востоке. Заголовки статей («Смута в Китае», «Китайская смута», «К китайской смуте») говорят за себя. Ежедневные заметки содержали описания фактов насилия со стороны бунтовщиков, вооруженных столкновений правительственных войск с революционными отрядами в Чифу, Шанхае, Ханкоу, Харбине, Нанкине и иных городах. Отмечались факты, свидетельствующие об успехах восставших, но о казнях мятежников писали чаще и подробнее. В одной из заметок рассказывается о том, как французский палач обучал китайцев применять гильотину и демонстрировал ее действие во время казни 93 активистов революционного движения в Кантоне. Этот факт нашел поддержку российских сторонников монархии. Публикация завершается фразой: «жаль, что наши крамольники не в Китае» [Заграничная жизнь..., 1911, № 148, С. 3].

Цинские политики готовы были пойти на крайние меры для подавления выступлений и ожидали помощи от европейцев [Телеграммы заграничные..., 1911, № 262, С. 2-3]. Местное купечество, напротив, предлагало иностранным компаниям отказаться от предоставления пекинскому правительству займов, чтобы «избежать войны, наносящей огромный ущерб» [Телеграммы заграничные..., 1911, № 271, С. 3]. Как писали китайские газеты, они даже угрожали бойкотом иностранных товаров. Примером может служить заметка о крайнем недовольстве немецкими фирмами, торговавшими оружием [Телеграммы заграничные..., 1911, № 262, С. 2-3].

Имя Юань Шикая в издании черносотенцев упоминалось чаще других. Генерал-губернатор провинции Чжили (в газетном тексте – Печили) «развернул во всем блеске свои природные дарования» [У соседей..., 1911, № 249, С. 2] и на практике применил приобретенный административный опыт. Благодаря его энергии и воле были реформированы налоговая и судебная системы, полиция. Европейские инструкторы занялись подготовкой солдат и военным оснащением армии. Поощрялись нововведения в сельском хозяйстве и промышленности. Между тем, репутация этого политика не была однозначной. Среди российских монархистов не было единого мнения по поводу правомерности действий Юань Шикая в отношении императора Цзай Тянь (девиз правления «Гуансуй») и его соратников-реформаторов. После смерти вдовствующей императрицы Цы Си он, почувствовав свое могущество, оказал поддержку регенту малолетнего Пу И. Желая сохранить номинальную власть императора, Юань Шикай вступил в Шанхае в переговоры с представителями революционных сил и выразил готовность рассмотреть проект реформ [Телеграммы заграничные..., 1911, № 276, С. 2].

Сторонники республиканского строя в Китае достаточно быстро разочаровались в Юань Шикае, так как с течением времени его стремление к захвату власти в стране становилось все более явным. Императорский двор все более зависел от этого влиятельного сановника и военачальника [У соседей..., 1911, № 284, С. 2]. В считанные месяцы, как пишет газета «Русское знамя», «деспот в душе и знаток китайского народа» [У соседей..., 1911, № 249,

С. 2] превратился в главу государства и посмел мечтать об императорском троне. Черносотенцы защищали националистические и монархические идеи, но осуждали амбициозные планы человека, предавшего и сторонников цинской династии, и реформаторов.

Переговоры с лидерами мятежников привели к тому, что «заправила революции сделали еще наглее» [У соседей..., 1911, № 235, С. 2]. Правительство не должно просить пощады. «Грозным окликом необходимо поставить на место революционеров» [У соседей..., 1911, № 249, С. 2]. Если власть опасается гнева своего народа, то она не достойна своего назначения. Многие печатные издания распространяли слухи о гибели монархии и бегстве малолетнего императора в Маньчжурию. По мнению газеты «Русское знамя» панику раздували евреи, служившие в телеграфных агентствах [У соседей..., 1911, № 243, С. 2].

Осенью 1911 г. стало понятно, что вооруженная революционная борьба теряет свою мощь. Корреспонденты, посетившие Шанхай, передавали новости о работе членов Мирной конференции, привлечении делегатов всех провинций к работе в Национальном собрании, избрании Сунь Ятсена руководителем Временного республиканского правительства.

Еще несколько месяцев назад никто не мог и подумать, что революционные силы в Китае достигнут поставленных целей. Газета «Русское знамя» акцентирует внимание читателей на исторических примерах, которые могут быть весьма поучительными. «Китайский пример» показывает, как многовековую власть

монарха смогли уничтожить не народным выступлением, а «предательством высших сановников, идущих против народа» [У соседей..., 1911, № 257, С. 2]. Финал истории таков: ранее неограниченная власть императора теперь ограничена народной волей. Китай вступил в ряды конституционных держав.

В заключении стоит отметить, что умеренные русофильские взгляды демонстрировали многие российские печатные периодические издания. В освещении зарубежных новостей газету «Русское знамя» отличали явно выраженные промонархические националистические позиции. В большей степени это сказывалось на характеристике событий, происходящих в восточных государствах. Публикации о Китае отличались информативностью (присутствием как правдивых сведений, так и непроверенных фактов, полученных из различных источников), прагматичностью. Анализ публикаций газеты «Русское знамя» показал интерес к современному развитию Китая, но при этом одностороннее изложение информации телеграфных агентств, присутствие поверхностных характеристик революционных событий, недооценку позитивных перемен, явившихся следствием реформаторской политики. В целом, у читателей данного издания могло сложиться неадекватное представление о жизни современного Китая и негативное отношение к радикальным переменам.

Список источников

1. Благодер Ю.Г. Предпосылки расширения российско-китайского социокультурного взаимодействия в 1850–1881 годы. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (30). С. 34–36
2. Благодер Ю.Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 60-70
3. Заграничная жизнь. Китайские погромы. Русское знамя. 1911. № 157. С.3.
4. Заграничная жизнь. Китайский суд. Русское знамя. 1911. № 148. С.3.
5. Заграничная жизнь. Приготовления Китая. Русское знамя. 1911. № 162. С.1
6. Заграничная жизнь. Реформа в Китае. Русское знамя. 1911. № 145. С.3.
7. Из дневников князя В.П. Мещерского. Русское знамя. 1911. № 147. С.3.
8. Передовая статья. Русское знамя. 1911. № 162. С.1.
9. Сокращение китайской внешней торговли. Русское знамя. 1911. № 285. С.3.
10. Телеграммы Заграничные. Русское знамя. 1911. № 144. С.2.
11. Телеграммы Заграничные. Китайские миссионеры. Русское знамя. 1911. № 174. С.3.
12. Телеграммы Заграничные. Смута в Китае. Русское знамя. 1911. № 262. С.2-3.
13. Телеграммы Заграничные. Смута в Китае. Русское знамя. 1911. № 271. С.3.
14. Телеграммы Заграничные. Японское посредничество. Русское знамя. 1911. № 276. С.2.
15. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 213. С.2.
16. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 225. С.2.
17. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 235. С.2.
18. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 243. С.2.
19. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 249. С.2
20. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 257. С.2.
21. У соседей (Китай). Русское знамя. 1911. № 284. С.2.

References

1. Blagoder Yu.G. Prerequisites for the expansion of Russian-Chinese socio-cultural interaction in 1850–1881. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2013. No. 4-1 (30). P. 34–36
2. Blagoder Yu.G. The tragic year of 1905 on the pages of the newspaper "Kubanskiye Oblastnye Vedomosti": battles in China and revolution in Russia. Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships. 2019. V. 24. No. 4. P. 60-70
3. Foreign life. Chinese massacres. Russkoe znamya. 1911. No. 157. P.3.
4. Foreign life. Chinese court. Russkoe znamya.

1911. No. 148. P.3.
5. Foreign life. Chinese preparations. Russkoe znamya. 1911. No. 162. P.1
 6. Foreign life. reform in China. Russkoe znamya. 1911. No. 145. P.3.
 7. From the diaries of Prince V.P. Meshchersky. Russkoe znamya. 1911. No. 147. P.3.
 8. Editorial. Russkoe znamya. 1911. No. 162. P.1.
 9. Reducing Chinese foreign trade. Russkoe znamya. 1911. No. 285. P.3.
 10. Telegrams Foreign. Russkoe znamya. 1911. No. 144. P.2.
 11. Telegrams Foreign. Chinese destroyers. Russkoe znamya. 1911. No. 174. P.3.
 12. Telegrams Foreign. Trouble in China. Russkoe znamya. 1911. No. 262. P.2-3.
 13. Telegrams Foreign. Trouble in China. Russkoe znamya. 1911. No. 271. P.3.
 14. Telegrams Foreign. Japanese Mediation. Russkoe znamya. 1911. No. 276. P.2.
 15. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 213. P.2.
 16. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 225. P.2.
 17. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 235. P.2.
 18. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 243. P.2.
 19. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 249. P.2.
 20. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 257. P.2.
 21. Neighbors (China). Russkoe znamya. 1911. No. 284. P.2.

Информация об авторе

Благодер Юлия Гариевна,

докт. ист. наук, доцент

Кафедра истории, философии и психологии

Кубанский государственный технологический университет

Краснодар, Россия

blagoder_1@mail.ru

Information about the author

PhD (Historical science)

Blagoder Yulia Garievna,

Associate Professor

Department of History, Philosophy and Psychology

Kuban State Technological University

Krasnodar, Russia

blagoder_1@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.03.2022

*Одобрена после рецензирования:
20.04.2022*

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 21.03.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Chinese “One belt, one road” in Arab countries in North and Eastern Africa

Китайский «Один пояс, один путь» в арабских странах северной и восточной Африки

Арутюнян Агавни Александровна

Отдел международных отношений

*Института Востоковедения Национальной
Академии Наук Армении, Ереван, Армения*

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Aghavni A. Harutyunyan

Department of International Relations

*Institute of Oriental Studies, National Academy of
Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia*

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-62-97](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-62-97)

АННОТАЦИЯ

Китай стал маргинальным игроком на африканском континенте в 1980-х и начале 1990-х годов, когда доминировало соперничество «холодной войны» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако распад Советского Союза и быстрый переход Китая к рыночной экономике привели к тому, что Пекин вернулся в Африку с гораздо более определенными стратегическими перспективами, сфокусированными на развитии торговли, новых рынках и приобретении новых энергоносителей/сырья.

В последние годы Китай превратился в одну из самых активных иностранных держав на африканском континенте. Пекин поощряет и поддерживает инвестиции и бизнес китайских предприятий в Африке. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) сделала Африку крупнейшей целью для своих

ABSTRACT

China became a marginal player on the African continent in the 1980s and early 1990s, when the Cold War rivalry between the United States and the Soviet Union dominated. However, the collapse of the Soviet Union and China's rapid transition to a market economy resulted in Beijing returning to Africa with a much more defined strategic outlook focused on developing trade, new markets and acquiring new energy / raw materials.

In recent years, China has emerged as one of the most active foreign powers on the African continent. Beijing encourages and supports the investment and business of Chinese enterprises in Africa. China's Belt and Road Initiative (BRI) has made Africa the largest target for its infrastructure projects and other BRI activities. The topic of the research is the implementation of the BRI in some Arab countries of North and East Africa.

инфраструктурных проектов и других мероприятий ОПОП. Тема данного исследования — реализация китайской инициативы ОПОП в некоторых арабских странах Северной и Восточной Африки.

Ключевые слова: Китай, Африка, ОПОП, Египет, Тунис, Марокко, Алжир, Ливия, Эфиопия, Судан

Для цитирования: Арутюнян А.А. Китайский один пояс, один путь в арабских странах Северной и Восточной Африки. *Современные востоковедческие исследования*. 2022. 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-62->

1. Beijing's Growing Presence and Influence in Africa

China's presence in Africa has been the topic of numerous discussions and forums of political scientists, economists and military experts from various countries for a number of years now. Recently, China's actions on the African continent have drawn particularly close attention in the geopolitical arena.

The beginning of the development of modern relations between China and African countries can be considered April 1955, when the Conference of 29 countries of Asia and Africa was held in Bandung (Indonesia). During it, China's Prime Minister Zhou Enlai met for the first time with the leaders of African states (Egypt, Ethiopia, Libya, Sudan, Liberia and Ghana). After the conference, China intensified contacts with the countries of the continent, and on May 30, 1956, a joint communiqué was

Keywords: China, Africa, OBOR, Egypt, Tunisia, Morocco, Algeria, Libya, Ethiopia, Sudan

For citation: Aghavni A. Harutyunyan. Chinese one belt, one road in Arab countries in North and Eastern Africa. // *Modern oriental studies*. 2022. 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-62-97>

signed with Egypt on the establishment of diplomatic relations, which became the first African and Arab country to establish diplomatic relations with China [6, p. 84-91].

China began to actively penetrate Africa in the late 1950s. For the first time, the special services of the Celestial Empire were noticed on this continent during the Franco-Algerian war. Since 1958, the People's Republic of China (PRC) has been secretly helping the National Liberation Front of Algeria (Front de libération nationale / FLN). In March - April 1959, one of the leaders of the Chinese Communist Party (CCP), Liu Shaoqi, received the leaders of the Algerian rebels in Beijing, and China began to generously sponsor the FLN members with weapons and money. In October 1960, the PRC officially announced the provision of aid to Algeria, which gained independence from France in 1962 and in the 1960s, became China's main base for expanding its influence in Africa [8].

The further development of China's relations with the countries of the continent was impeded by the difficult international situation prevailing at that time, as well as the beginning of the "*Cultural Revolution*" in the PRC (1966-1976). China was in a state of confrontation with the Western countries (accordingly, it could not establish relations with African regimes loyal to them), but at the same time, relations with the Soviet Union (and, therefore, with regimes loyal to it) also deteriorated significantly [6, p. 84-91].

Opening up and reform in 1979 was a watershed in PRC's foreign policy as well as Chinese history. Beijing needed to adjust to its shift in economic focus, and thus began to create a favorable international environment for its domestic economic construction, which became the main goal of its foreign policy. By then all African countries had gained their national independence and they were facing the same task of having to develop their economy [123, p. 26]. The absence of China's colonial past contributes to the development of Sino-African relations, in which economic interests are given priority. It is reflected in the postulate "*prosperity first*" or "*first growth, then rights*", which implies the exercise of economic, social and cultural rights over civil-political rights [58, p. 133].

Over the past few years, China has gradually strengthened its economic presence in North Africa (NA) through trade, investment, and infrastructure projects. Beijing is intensifying its relations with the countries of the region on a bilateral, multilateral basis, in particular within the framework of the **China-Arab States Cooperation Forum**

(CASCF) and **Forum on China-Africa Cooperation** (FOCAC) [98].

CASCF, established in 2004, is an official initiative between China and Arab League countries, which aims at dialogue, cooperation, peace and development [80]. China and the Arab countries have established a strategic partnership of all-round cooperation and joint development through the CASCF, which has become an important platform for collective dialogue and pragmatic cooperation between the two sides [67].

FOCAC was established in October 2000 at the first Ministerial Conference in Beijing as a multilateral platform for exchange and cooperation between China and 53 out of 54 African countries that have formal diplomatic relationships with China [88, p. 5]. FOCAC, which meets every three years leading to a three-year action plan (overseen by a monitoring committee) bilaterally between China and African countries, provides an alternative to traditional development assistance mechanisms and is part of the growing trend of South-South cooperation [108, p. 1; 37, p. 1]. The FOCAC partnership has one pre-condition for cooperation with African countries - adherence to the principle of the "*One China*" policy, which implies the rejection of formal political relations or contacts with Taiwan as a sovereign state [72, p. 11]. The adoption of the "Beijing Consensus"¹ by African leaders is driven by the attractiveness of Beijing's soft power: a long history of friendly ties, the provision of valuable, "*unconditional*" financial and technical assistance to both elites and those most in need, and increased trade between the world's largest developing

country and the continent with the most developing countries [55, p. 2].

FOCAC is based on five guiding principles and goals set out in the White Paper on China's Africa Policy in 2006:

- *sincerity, friendship and equality;*
- *mutual benefit, reciprocity and common prosperity;*
- *mutual support and close coordination;*
- *learn from each other and strive for common development* [79, p. 29-30].

At the 2006 meeting of the FOCAC, a plan was announced to establish five Special Economic Zones (SEZs) in Africa to attract Chinese investment and integrate China's complex economic activities throughout the continent [91, p. 9].

During the Fourth FOCAC Ministerial Conference, held in Sharm El Sheikh (Egypt, November 8-9, 2009), China announced its willingness to invest more in Africa, planning more projects and increasing its “no strings attached” (“unconditional”) presence [122]. New areas of cooperation at FOCAC 2018 could include renewables and New Silk Road Initiative (NSRI) [76, p. 1].²

China endorsed the *New Partnership for Africa's Development* in 2001, *Action Plan for Accelerating Industrial Development in Africa* in 2007, *Africa Infrastructure Development Plan and Africa 2063 Vision* in 2013. In 2014, China introduced the “461” *China-Africa cooperation Framework*, which means:

1. **Four Principles including; equality, prag-**

matism, sincerity, trustworthiness;

2. **Six major projects: industry, finance, poverty reduction, environmental protection, cultural exchanges, peace and safety;**
3. **All under One platform: China-Africa forum** [117].

Events during the Arab Spring in the Middle East and North Africa (MENA), the revolutions in Tunisia and Egypt, the uprising and civil war in Libya, and the mass protests that spread across the Maghrib, Mashrik and down the Arabian Peninsula - created something of a challenge for China [22, p.64-104; 20, p. 105-128]. The fact is that Beijing's economic interests are the most dominant factor in determining its foreign policy towards the countries of the region, and it focuses on stability to ensure continued access to natural resources, even without considering Beijing's concerns about the general undesirability of overthrowing governments by mass movements [84, p. 6].

In general, the strategic location of the five Arab countries (Egypt, Morocco, Algeria, Libya, Tunisia) of NA on the southern Mediterranean coast means that China's presence will only expand, especially in the economic sphere, where Egypt, Morocco and Algeria are the highest priority. While China's relations with Egypt and Algeria are characterized by strong diplomatic and security partnerships, its growing presence in countries such as Morocco and Tunisia remains largely economic and cultural. And despite the fact that China has signed Memorandums of Understanding (MoU) with Libya and Tunisia, it has not yet established a formal partnership with any of the NA states [17].

China is the main trading partner of the African continent. According to China Global Investment Tracker, trade between China and the five Maghreb countries reached nearly US \$ 23.5 billion in 2019. Chinese investment and contracts in the Maghreb region totaled US \$ 29.6 billion between 2005 and 2019, with Algeria taking over the lion's share (US \$ 23.6 billion) [98]. The Chinese are building roads, hospitals, stadiums in Africa, invest in the development of new technologies in agriculture. On the African continent, the Chinese have bought more than 3 million hectares of fertile land [5]. It is also known that almost all major mineral exploration and production contracts in the African continent fall to Chinese businessmen [21, p. 417-418].

According to experts, China's claims about a "*mutually beneficial model of cooperation*" with African countries are only partially true. For example, the African Development Bank estimates that by 2021, Africa's infrastructure deficit was US \$ 93 billion a year [115, p. 4]. About 17 low-income African countries have either been faced with a "debt crisis", or have had difficulty servicing their public debt. There are reports of more than 1,000 Chinese loans in Africa between 2000 and 2017, totaling more than US \$ 143 billion. Ethiopia has also experienced debt concerns over Chinese-built projects. Repayment on its US \$ 4 billion railway linking capital Addis Ababa with neighboring Djibouti has been extended by 20 years over concerns of debt distress. Concerns about China's unsustainable lending in Zambia have forced critics to say that China will take control of key government assets because of Zambia's debt. There is a view that China may as well seize the port of Kenya Mombasa, unable to pay US \$ 2.27 billion in debt [24, p. 148].

There is also an opinion that Chinese businessmen impose restrictions on labor laws in their enterprises, which leads to social tensions. Such an ambiguous policy of the Chinese authorities, accompanied by mass immigration of Chinese, is criticized by African countries [5]. China's policy of attracting Chinese labor for its infrastructure projects in Africa has resulted in over 200,000 Chinese citizens working under OBOR contracts across Africa. This gives Beijing a justification for a practical approach to protecting them, as well as its burgeoning investment. The OBOR has heightened the need for a global strategy to protect China's foreign interests, and the CCP has adopted the concept of "*protecting overseas nationals*" as a core Chinese interest [103].

China is setting up NA to play an integral role in connecting Asia, Africa and Europe — BRI goal. While the BRI map officially included only Egypt, MoUs were signed between China and every state in NA [17]. Noteworthy that only one African city, Nairobi, was identified as a B&R hub, through which the MSR will supposedly pass [48, p. 61]. In 2019, the Egypt and United Arab Emirates (UAE) were the only Arab countries that sent top-level representation to attend the *Second Belt and Road Forum* in Beijing [47, p. 9].

As the early focus of OBOR, East Africa has developed into a central node in the MSR, connected by planned and finished ports, pipelines, railways, and power plants built and funded by Chinese companies and lenders. A standard gauge railway connecting Mombasa to Nairobi — the biggest investment in Kenya since its independence — is a flagship OBOR project in East Africa. The electric

railway from Addis Ababa (Ethiopia's capital) to Djibouti, where China established its first overseas naval base and has stakes in a strategic deep water port, is another. From Djibouti, the MSR connects planned and completed Chinese port clusters in *Sudan, Mauritania, Senegal, Ghana, Nigeria, Gambia, Guinea, São Tomé and Príncipe, Cameroon, Angola, and Namibia*. Another route links Djibouti to *Gwadar, Hambantota, Colombo, Myanmar, and Hong Kong*. The final arc of this corridor connects Walvis Bay to Chinese port clusters in *Mozambique, Tanzania, and Kenya* before also connecting to Gwadar [103].

China is investing in ports along the Suez Canal from the Gulf of Aden to the Mediterranean Sea. Of the 49 countries with which China has signed a MoU or formally endorsed the BRI, 34 (almost 70%) are located off the coast of Africa, 16 in the West, 8 in the North and East, and 2 in the south. These include the following ports: *Djibouti* (*Djibouti* - first overseas military base), *Sudan* (*Sudan*), *Said and Tevik* (*Egypt*), *Ain Sokhna* (*Egypt*), *Zarzis* (*Tunisia*) and *El Hamdania* (*Algeria*). In the future, China could use its influence on these ports for **economic** (transport of raw materials, finished goods and labour) and **military** (surveillance and blockade of overseas and deep-sea maritime traffic) purposes [115, p. 4].

2. The Synergy of the OBOR and the Egypt Vision 2030

Despite the fact that the official establishment of diplomatic relations between China and Egypt took place only in 1956, the interaction between the two countries developed earlier. So, for

example, in the 1930s, twenty Chinese Muslim students were sent to Egypt to study at Al-Azhar University, upon completion of their studies, they became translators and teachers of Arabic in China. After the establishment of official diplomatic relations, Egypt supported the PRC in its aspiration to become a full member of the United Nations Security Council (UNSC) with a veto, and China condemned the aggression of Great Britain, France and the United States (US) against Egypt during the Suez crisis [3].

Beijing emphasizes Egypt's role in regional and international affairs and, given the traditional activity of Egyptian diplomacy, sees Cairo as a potential partner in the Arab-Muslim world [101]. It is no coincidence that Egyptian-Chinese relations have a special place in the Sino-Arab dialogue, in particular in the framework of the CASC [26, p. 150]. Egypt is also an African power, so Egyptian-Chinese relations have a special place in the FO-CAC. Egypt is seen as a bridge to China's expanding ties with the Arab world and Africa [46].

In April 1999, a joint memorandum on establishing a strategic partnership between the two countries on the 21st century was signed in Beijing [2, p. 9]. In June 2006, a "*Deep Strategic Cooperation Program between China and Egypt*" was signed, under which a political agreement and a MoU on establishing mechanisms for strategic dialogue were signed between the two countries' foreign ministries [26, p. 151].

Egypt plays a key role in China's 21st Century Maritime Silk Road (MSR) due to its strategic location between Africa, the Mediterranean and Europe. Through MSR, China intends to gain access to

the natural entry point to the Mediterranean from the east and make Egypt one of the largest centers for the production of Chinese goods destined for the markets of Africa, Europe and the Middle East (ME) [75]. The Suez Canal has an advantageous geographical position, and therefore Egypt can become the industrial, trade and logistics center of the region [13].

During Xi's Egyptian visit in January 2016, China signed a MoU with Egypt to enhance cooperation on the implementation of the BRI [34; 14]. In 2017, China and Egypt signed a comprehensive strategic partnership agreement to expand cooperation and enhance Egypt's status among China's partners [75]. In October 2018, Egypt and China had signed deals worth US \$ 18 billion as part of the BRI [65]. In April 2019, Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi, speaking at the opening ceremony of the B&R international forum, said that Egypt is increasing energy production, diversifying energy resources and turning itself into a regional energy center [13]. In 2020, the parties agreed to continue work on the integration of the Chinese initiative and the national development strategy "Egypt Vision 2030" [9].

In November 2006, Egypt recognized China as a country with a full market economy [57; 7]. China's exports to Egypt reached US \$ 7.61 billion in the first eight months of 2018, while its imports from Egypt totalled US \$ 1.22 billion. China-Egypt bilateral trade volume grew 26.7% year-on-year in January-August 2018 to reach US \$ 8.83 billion. About 1,080 Chinese companies are operating in Egypt in various sectors, notably industry, information technology and economic zones [121]. China and Egypt signed US \$ 1

billion financing agreement for Egypt's central bank and a US \$ 700 million loan to state-owned National Bank of Egypt [39].

The Suez Canal attracts most of the Chinese investment in the country through the redevelopment of many of the canal ports, such as Ismailia and Port Said [75]. Both the harbors at the ends of the Suez Canal have a great influence over the ME, Africa and the entire planet in terms of geopolitics and global trade. Egypt plans to open six new ports and more industrial parks alongside the canal, and launch in the nearby areas projects like a new industrial city, which is capable of hosting hundreds of factories [118]. In August 2014, a 72-km expansion of the Suez Canal Economic Zone (SCZone), launched in 2009, was approved by the Egyptian government to boost the country's ailing economy [107]. Chinese construction firms are already the largest investors in Egypt's mega-project [19].

In January 2016, China and Egypt signed a five-year outline document in which the two sides vowed to "*double their efforts*" to develop the China-Egypt Suez Economic and Trade Cooperation Zone. It covers an area of 6 km, located some 120 km to the east of Cairo near the Suez Canal, and is only about 50 km away from Egypt's new administrative capital, where the BRI and Egypt's Suez Canal Corridor Development Project meet. The project was to attract more than 100 textile, clothing, oil, motorcycle and solar energy enterprises to Egypt. For over a decade, it has directly offered jobs to over 3,500 people and created 30,000 job opportunities through the industries it gathered. The program has managed to attract investments

from the world's top companies [119]. The special market zone was home to more than 30 Chinese enterprises [68]. “TEDA Fun Valley”³ in the China-Egypt Suez Economic and Trade Cooperation Zone is also one of the main cooperation programs and attracts tens of thousands of visitors every year. In addition to a cluster of industrial enterprises, the cooperation zone will be transformed into a city with many ancillary facilities such as restaurants and super-markets, as well as commercial residential areas and a shopping center [119]. In August 2018, Egypt officially opened its “New Suez Canal” [118].

In 2008, COSCO⁴ Pacific, China's largest shipping state-owned enterprises (SOE), invested US \$ 185.6 million in a joint venture to operate and manage the Suez Canal Container Terminal (SCCT) in Port Said East Port, located in the western Sinai Peninsula at the northern end of the Canal [23, p. 63]. For Port Said East Port's second development phase, operating since 2012, China's largest state-owned enterprises and the second largest dredging company in the world - China Harbor Engineering Company (CHEC) invested US \$ 219 million to construct a 1,200-meter quay. CHEC also completed a contract valued at US \$ 1 billion to construct a quay in al-Adabiya port at the southern entrance to the Canal [59, p. 11]⁵.

In May 2018, Egypt's New Urban Communities Authority (NUCA) signed a MoU with Chinese construction company CGCOC Group (formerly known as CGC Overseas Construction Group Co., Ltd) to establish the first industrial zone in the city of New Alamein. CHEC started in August 2018, the main phase of the construction of a new terminal basin in Sokhna Port south of the Suez Canal north-

east of Egypt, while the National Bank of Egypt (NBE) signed in September a loan agreement of US \$ 600 million with the China Development Bank (CDB) in Beijing [121].

In 2017, Egypt signed a preliminary agreement with *China Fortune Land Development* for US \$ 10 billions of investments over a period of 10 years for development works at the new administrative capital, located 40 km east of Greater Cairo, between Cairo and the Suez Canal. Once completed, the city is expected to accommodate around 5 million inhabitants [35, p. 22; 56]. The plan for the new capital, where most of the Egyptian government will relocate upon completion, could exceed US \$ 20 billion, and the China State Construction and Engineering Corporation (CSCEC) has begun construction of a US \$ 3 billion new business and administrative district, mostly funded by Chinese banks. Other Chinese companies are actively engaging with Egyptian authorities on other aspects of the multibillion-dollar project to build a new desert capital [19].

Chinese drilling company ZPEC has 11 rigs in Egypt and it plans to bring more of them to join the Canal Sugar project. Since 2016, ZPEC has worked in Egypt's 1.5-million-feddan reclamation national project and drilled 38 agricultural wells for the Egyptian military in the Sinai Peninsula. At the end of 2018, ZPEC deployed three 650 horsepower 40-meter rigs and other heavy equipment in various locations in the desert, about 50 km west of the Mallawi area in Minya (Western Desert near the southern Egyptian province of Minya) [64].

In March 2018, the Egyptian government signed a MoU with *China State Construction Engi-*

neering Co. on designing and constructing three closed gymnasiums in Sharm al-Sheikh, Hurghada and Luxor in preparation for hosting the *2021 World Men's Handball Championship*. In September 2018, Egypt and China signed deals, including the construction of a pumping and storage station in the Mount Ataka area in Northeast Egypt, a coal-fired power station in Hamrawein on the Red Sea coast and the second phase of central business district in the new administrative capital. The signings also included building a textile industrial project, a refinery and a petro-chemicals complex in the Suez Canal corridor area. In December 2018, *Egypt's Arab Organization for Industrialization* (AOI) announced the agreement with *China Railway 20 Bureau Group Corporation* (CR20G) to establish an industrial facility to manufacture monorails and express trains. Also in December, Egyptian Air Forces signed an agreement during EDEX 2018 exhibition in Cairo to purchase drones from *China's National Aero-Technology Import and Export Corporation* (CATIC) [121].

In August 2018, Chinese fiberglass giant manufacturer Jushi, which was introduced to Egypt via the cooperation zone, completed the production base of 200,000 tons of fiberglass by its local branch, making Egypt the world's fifth largest fiberglass producer [119]. The natural resources discovered in Egyptian Zohr offshore gas field are increasing the opportunities to develop further partnerships in building offshore facilities within the MSR platform and granting new chances for China in the energy sector [75].

The large natural gas reserves discovered in Egypt in the late 1990s allowed it to become one of

the leaders in the production of this type of hydrocarbon, not only in the ME, but all over the world [12, p. 157; 25, p. 309]. As a fuel importer, China has been cooperating with Egypt since 1993 in the gas and heavy oil sectors to increase the efficiency of technologies used in old oil wells and to develop equipment for the petrochemical industry [52, p. 14].

3. China-Tunisia: Strengthening the Partnership within the Framework of OBOR

China established diplomatic relationship with Tunisia on January 10, 1964 [113]. During the long presidency of Habib Bourguiba (1957–1987), Tunisia had rather distant and even antagonistic relations with China. His anti-communist and pro-Western policies made it difficult to establish close ties. Throughout the 1960s, Bourguiba denounced China for its foreign policy actions, especially the border dispute with India. However, in 1961, he began voting for China's participation in the UNSC. Foreign policy tensions did not prevent the establishment of trade relations as early as 1958. In 1983, the two countries signed the *Sino-Tunisian Joint Committee on Economic, Trade and Technological Cooperation* to facilitate trade relations, and made efforts to strengthen bilateral ties [120].

As a country at the intersection of three - the **Mediterranean, Islamic-Arab** and **African** civilizations, Tunisia's signing of the B&R agreement with China in January 2019 sets an example of bilateral cooperation for other Arab countries [47, p. 9]. According to the Chinese Investment Tracker, Beijing's investment in Tunisia between 2009 and 2014 amounted to merely US \$ 110 million [47, p. 2].

Trade has risen between China and Tunisia, with the latter's imports from the former valued at US \$ 1.85 billion in 2017, ranking third behind France and Italy. However, China still views the country as an investment risk and is skeptical of its democratic transition and economic challenges [17]. Tunisian imports from China represented 8.4% of Tunisia's total imports, with a clear predominance of electrical machinery, and equipment (56%) and fairly balanced between metals and metalwork (10%) and textiles and textile fabrics (10%) [74].

Tunisia, a country with key strategic positions in the Southern Mediterranean, NA and the Arab world, joined the BRI in early September 2018 [53]. Tunisia and China, as part of the 2018 FOCAC, signed an agreement that marked the country's first tangible steps towards forming a "*strong partnership*" with the BRI. The deals include projects to transform Tunisia's southern port of Zarzis into an economic and commercial hub, the construction of a bridge linking Djerba, Tunisia's main tourist island, with Djerf in the mineral-rich Medenine region, and the construction of a 140-km railroad linking the coastal Gabes region of the petrochemical and phosphate industry to Zarzis. Tunisia and China have agreed to open a car plant in Tunisia, operated by China's state-owned SAIC Motor Corporation Limited, which will manufacture and export vehicles to the Mediterranean region and Africa. They signed a tourism cooperation agreement that includes plans to open an air route to attract more Chinese tourists to Tunisia and expand the NA country's tourism industry, which is a major source of foreign exchange [86].

Undoubtedly, China is interested in the Tunisian port of Bizerte because it provides easy access to Europe; in addition, the port is located at the critical node of the submarine fiber-optic network cables [120].

China's Huawei Marine Networks delivered the "Hannibal" cable, linking Tunisia to Italy, in 2009, as well as another major cable linking Libya to Greece, in 2010. This has led to concerns about Chinese commercial investments being used for non-commercial activities, such as intelligence gathering and naval/military cooperation in the Mediterranean [17].

The Chinese energy construction company Sinohydro signed a contract with the Tunisian government in 2016 for the construction of a dam (passes through the mountains in the El Kef province in northwest Tunisia), which will be completed in 2022 and will be one of the largest dams in Tunisia. The dam, with a total storage capacity of 190 million cubic meters of water, will protect the region from flood and meet the needs for irrigation and domestic use of water in the region [63].

In 2018, China started its first attempt to construct an overseas centre for its self-developed Beidou Satellite which has become the fourth global navigation satellite system preceded by the *Global Positioning System* (GPS) of the US, *Global Navigation Satellite System* (GLONASS) of Russia and *Galileo* of the EU. Situated in the Djazala Science Park on the northern outskirts of Tunis, the Beidou Satellite Centre is a flagship project between Beijing and the Tunisia-based *Arab Information and Communication Technology Organization* (AICTO). The centre facilitates smart city functions, enables

unmanned driving of agricultural machinery, and helps farmers reduce costs, resource wastes, and damage to the environment [47, p. 11].

In April 2019, China and Tunisia signed a MoU, with a particular focus on the development of clean energy such as wind and solar energy. At the beginning of 2020, TBEA Xinjiang New Energy, a high-tech enterprise specializing in solar-grade high-purity poly-silicon material, together with the Amea Power from the UAE, won a contract to construct a power plant of 100MW in Kairouan, located in north-central Tunisia [47, p. 10-11].

Chinese firms can enter European markets through Tunisia, which is the first country along the southern coast of the Mediterranean to achieve free trade with the European Union (EU). In the 1990s, Tunisia signed a Free Trade Agreement (FTA) with the EU to facilitate economic exchanges between the two shores of the Mediterranean [114].

Despite the fact that tourism, culture, agri-food, renewable energy and automotive sectors are all of interest to Chinese investors, but they are hesitant to invest because of political uncertainty, insecurity, a conservative business climate, and restrictive fiscal measures [120].

4. OBOR — a Means of Diversifying the Moroccan Economy

Relations between China and Morocco are centuries old. Ibn Battuta, the famous Moroccan explorer who toured China from 1345 to 1346, was the first to introduce China, especially the Great Wall, to the West and Arab world [97].

In November 1958, Morocco became the second country in Africa to recognize the PRC (105). China has rendered Morocco certain economic aid since 1961, but mutually beneficial cooperation between them was initiated in 1983 [99].

According to the Chinese Investment Tracker in 2014, PRC's investment in Morocco amounted to US \$ 780 million [47, p. 2]. Morocco's imports from China were worth US \$ 3.14 billion in 2017, behind only those from France and Spain [17]. Presently China's contracted projects in Morocco mainly concentrate on fishery cooperation. The commodities China exports to Morocco mainly include light industrial products, textiles, green tea, mechanical and electronic products, etc. China imports phosphates, chemical fertilizer and cobalt sand [99].

The state visit of King Mohammed VI of Morocco to China in 2016 led to the signing of a number of important agreements, including the signing of a *China-Africa Investment Fund*. China sees Morocco as an opportunity to develop factories for export to the EU, right across the Strait of Gibraltar [83]. In November 17, 2017, China and Morocco signed a MoU on joint construction of the B&R [40].

In October 2000, the Moroccan Bank for Foreign Trade set up an office in Beijing (99). Bank of China (BOC) opened its first branch in Morocco in 2017. In 2016, the Moroccan government hosted the first *Sino-African Entrepreneurship Summit* in Marrakech, where Morocco later hosted the COP22 Summit [83].

In 2011, Sinochem signed a 4-year contract with Morocco's OCP Group to purchase 2 million tons of phosphate fertilizer [100]. After China's

Haite Group pulled out of the project, the China Communications Construction Company (CCCC) and its subsidiary, the *China Road and Bridge Corporation* (CRBC), signed an MoU with Morocco's BMCE Bank. Construction on the "Tech City" had already begun as of July 2019. Following the announcement of the "Tech City" project, Chinese auto manufacturing companies, including *BYD*, *CITIC Dicastal*, and *Aotecar New Energy Technology*, signed agreements with the Moroccan government to build various plants [17]. CITIC⁶ Dicastal set up a US \$ 400 million plant to supply equipment for the French Groupe PSA's car assembly plant [96].

China is looking to play a strategic role in the development of Europe — Africa connectivity across the Western Mediterranean. The Chinese presence in Morocco is concentrated in **industrial zones**, Free Trade Zone (**FTZ**), and **financial centers**. In Morocco, these include the *Atlantic Free Zone in Kenitra*, *Casablanca Finance City* (CFC), and the *Tanger Med Port Complex* [54].

Beijing has a stake in Morocco's emerging trade transport corridor from West Africa to Western Europe, based on the *Mo-roccan high-speed railway line Al Boraq* and the largest port in the Mediterranean, the recently expanded *Tangier Med port*, made possible by an investment from China Merchants Group. CCCC is building the *Mohammed VI Tangier Tech City industrial center* (the plan was announced in March 2017) to attract more multinational and Chinese firms to Morocco [96]. The Chinese investment is expected to reach US \$ 10 billion in this project while providing employment for about 100,000 workers.

It is expected to become the largest Chinese investment project in NA and to feature several industrial zones. At the latter port complex, Chinese companies, including Huawei, are planning to establish regional logistics centers [17].

5. OBOR — a Precondition for the Resumption of Sino-Algerian Cooperation

China was the first non-Arab country to recognize the provisional government of Algeria in December 1958, and under Mao Zedong saw Algeria as the core of the anti-colonial and anti-imperialist struggle in Africa, a means of confirming the Communist Party of China's (CPC) own revolutionary ideological claims, and a prize in inter-communist rivalry with the Soviet Union. Throughout the Cold War, relations between China and Algeria were "a marriage of convenience ... based more on symbolism than on any particular connection" [82].

In the 1990s, after Algeria abandoned official references to socialism and by this point the Chinese economy began to flourish, trade relations between the two countries began to expand. However, progress was hampered by the civil war in Algeria (1992–2002), and after the end of this conflict, China's economic presence in Algeria increased [82].

The progressive development of the bilateral relationship is anchored in three documents: the *Declaration on Strategic Partnership and Cooperation* (November 6, 2006, Beijing) [38], the *Five-Year Plan for China-Algeria Comprehensive Strategic Cooperation* (June 6, 2014, Beijing) [116], and the *MoU on Cooperation under the BRI Framework* (September 5, 2018, Beijing) [27]. On June 6, 2014, China and Algeria signed the *Five-Year Plan for*

Comprehensive Strategic Cooperation between China and Algeria [116]. On September 4, 2018, on the sidelines of the FOCAC in China's capital Beijing, Algeria and China signed an MoU on the joining the BRI. The decree said Algeria and China shall cooperate in the framework of the MoU in the fields of policies coordination, infrastructure interdependence and other areas [29].

China became Algeria's top trade partner in 2013, overtaking France. There is a significant trade deficit, and while China has become Algeria's primary source for imports, which were valued at US \$ 7.85 billion in 2018, Algeria's exports to China remain relatively insignificant compared to its exports to European countries, and are almost entirely from the hydrocarbon sector. However, its exports to China are rising, having jumped 60-fold between 2000 and 2017 [17]. During the first five months of 2019, China remained the top supplier of Algeria with exports worth US \$ 3.5 billion [29]. Although Algeria's exports to China are minimal, its imports from China totaled US \$ 5.4 billion in 2019 [96]. China, especially through construction companies, is the first foreign investor in Algeria by 2016 [28]. While Algeria has ranked among the top construction countries in China since the mid-2000s, it has not been the main destination for Chinese overseas investment. Algerian imports from China are heavily focused on capital goods, equipment, and electronics rather than cheap, poorly manufactured consumer goods. To reduce the trade deficit, the Algerian government imposed volume limits on electronic goods and household appliances, which led to a sharp decline in imports from China [82].

China's documented joint construction and investment activities in Algeria between 2005 and 2020 were heavily concentrated in the transport and real estate sector and amounted to US \$ 23.85 billion. Nearly three quarters of that amount was accumulated prior to the 2013 BRI launch. Since then, about US \$ 9 billion in Chinese construction and investment deals in Algeria have accounted for only a small fraction of the value of these activities in the Arab ME and other countries in NA (5%) and Sub-Saharan Africa (7%) [82].

In the 2000s, Algeria frequently asked Chinese contractors to implement the *Economic Recovery Support Program* (2001-2004) and the subsequent *Economic Growth Support Program* (2005-2009), which were financed by skyrocketing oil revenues. The goal was to catch up during the 1990s, when oil prices were low and when the "fight against terrorism" dictated spending and budgetary priorities. Since the liberalization of foreign investment laws and restrictions on structural adjustment programs, Chinese contractors have become very competitive, easily won numerous public tenders and taken the best part of the production, winning 80% of infrastructure contracts in Algeria, at a time when Western contractors were fleeing insecurity and poor business climate [109]. Over the past two decades, Chinese enterprises were granted various public development projects valued at more than US \$ 70 billion. In Algeria, Chinese companies are primarily interested in the construction, housing, and energy sectors [82].

Since 2002, starting in the low-cost housing sector, Chinese state-owned companies have quickly secured contracts for major infrastructure projects,

such as the expansion of the rail network and the East-West highway, worth about US \$ 11.2 billion [77, p. 9]. Beijing is supporting the creation of an infrastructure corridor through Algeria that will connect sub-Saharan Africa to the Mediterranean. In 2016, Algeria signed an agreement with CSCEC and CHEC for the construction of the *Algerian port of El Hamdaniya*. With a capacity of 6.5 million TEU, Hamdaniya can function as a corridor junction between Africa and Europe [96; 111]. Chinese companies have built the new Ministry of Foreign Affairs (MFA) building, a new terminal at *Houari Boumediene Airport* [82], the *Opera House*, the *Sheraton Hotel* and *Oran*, the *Great Mosque of Algiers*, and the *East-West Highway*, mark the landscape, as do the thousands of Chinese workers who have established a "*Chinatown*" in a suburb of Algiers [17].

Algeria ranks fourth in the world in terms of phosphorite reserves. In 2018, China's CITIC Construction signed an agreement with Algeria's Sonatrach to build a US \$ 6 billion integrated phosphate plant that will increase Algeria's annual production to 10 million tonnes [96].

In 2008, China and Algeria entered into an agreement to establish a second Chinese SEZ in NA, the *Jiangling Economic and Trade Cooperation Zone*, to be located in Mostaganem, western Algeria, with an emphasis on vehicle assembly. The agreement was attended by the Chinese company *Jiangling Motors Cooper and Jiangxi Coal Corporation Group*, as well as their Algerian partner *Groupe Mazouz* [77, p. 10]. Chinese automaker *Foton* and Algerian car dealer *KIV* formed a joint venture in April 2017 to enable them to assemble cars and trucks in NA. The assembly plant is located in the

province of Annaba, 535 km east of Algeria [42].

Algeria is Africa's fourth largest crude oil producer⁷ by 2008. More than 90% of exports of its high-quality, low-sulfur, low-sulfur crude oil go to Western Europe and not to China. China's imports of Algerian oil remain insignificant compared to oil imports from other parts of Africa. China's share in Algeria's oil industry is focused on exploration and development projects. At the same time, China's role in exploration and future development in Algeria, as well as its overall role in the hydrocarbon sector in Algeria, is small, especially compared to the role of international energy giants such as Statoil, Shell, British Petroleum or Total SA [45, p. 11].

In October 2002, China Petroleum and Chemical Corporation (SINOPEC) teamed up with Algeria's state-owned *Sonatrach*⁸ in the first Chinese oil development venture in Algeria to jointly develop the Zarzaitin oil field in southeastern Algeria at cost US \$ 525 million; SINOPEC has taken over 75% of the total investment. In July 2003, the *China National Petroleum Exploration and Development Corporation* (CNODC), a division of the China National Petroleum Corporation (CNPC), built a refinery at Adrar in southwestern Algeria for US \$ 350 million. In 2004, agreements were signed between CNPC, SINOPEC and Sonatrach on oil exploration rights and related projects. Algeria has granted the *China National Offshore Oil Corporation* (CNOOC) an exploration license for the Hassi Bir Rekaiz field. In October 2009, Sonatrach announced that SINOPEC is one of a group of four international companies shortlisted for design and engineering consideration for a new refinery in Tairret, in western Algeria, at an estimated cost of US \$ 6 billion. Si-

nopec is also represented along with other companies bidding for the design, *engineering, procurement and construction* (EPC) of an oil refinery in Algeria for an estimated US \$ 300 million project. China's imports of Algerian Liquefied Natural Gas (LNG) are insignificant, despite the fact that Algeria is the *sixth largest producer of LNG* in the world, the *fourth largest exporter of LNG in the world*, 70% of which is exported to the markets of Europe, the US and other countries [45, p. 11].

The COVID-19 pandemic and falling oil prices have seriously impacted the Algerian economy, as oil and gas sales account for 60% of the state budget. Fearing to enlist the support of the International Monetary Fund (IMF), Algeria is turning towards China. In October 11, 2020, the *China International Development Cooperation Agency* signed an agreement with Algeria to further expand Algeria's participation in BRI [96].

Projects linked with the BRI in Algeria will accompany the development of this Maghreb country and thus create new opportunities for companies based on the northern shore of the Mediterranean and improve connection between Europe and Sub-Saharan Africa [28].

6. OBOR — a Factor in Stabilizing Libya

Beijing views Libya — a country connecting the Mediterranean Sea to sub-Saharan Africa — as a potentially valuable BRI partner. Libya became the last NA country to “*recognize*” China in 1971, but it did not establish diplomatic relations with the PRC until 1978 [52, p. 13]. Since then, Libya has not terminated periodic political relations with Taiwan [18].

Until the beginning of 2011, that is, before the start of the civil war in Libya [22, p. 81-90], China was widely represented in the oil sector of Libya, in the field of railway transport and telecommunications [11]. The Chinese have been busy with billions of euros in oil development and infrastructure projects [4]. Libyan oil exports to China increased by 25% during 2010, fueled by a number of factors: *low energy costs, optimal conditions for transporting products to Europe and the US, tax advantages and even labor costs were below Chinese standards*. China became the third consumer of Libya's oil, using 10% of Libya's oil exports, while the share of Libyan oil in supplies to China was no more than 3.5% [104]. The value of Chinese contracts, mainly construction projects, reached US \$ 18 billion. The largest Chinese companies in the Libyan market were: *Communication Construction and China Railway Construction Corporation, China Civil Engineering Construction*, which oversaw the Eastern Sahara irrigation project. The *China Gezhouba Group* built homes in five southern cities, and *Huawei Technologies* built the infrastructure for mobile communications [70]. Of the US \$ 6.6 billion in trade turnover (2010) between the two countries, the lion's share was oil, but it also included many other industries, largely due to the fact that China never imposed sanctions on the Gaddafi regime [87]. When fighting broke out in February 2011, there were 36,000 Chinese citizens in Libya working for 75 companies in the oil, railways and telecommunications sectors [18]. In the period from February 22 to March 5, the PRC government in just 9 days managed to carry out an unprecedented operation to evacuate 35,860 of its citizens by land, sea and air from Libya [15].

In 2014, when Libya was divided between two centers of power (Tripoli and Tobruk), the complex conflict in this NA country posed new challenges in terms of China's interests. In line with the UN position, China recognizes the *Government of National Accord* (GNA) as the "legitimate" government of Libya. Since 2016, officials in Beijing have met with their GNA counterparts at least nine times [71]. Drawing on the lessons of its 2011 experience and officially supporting the GNA, China is pursuing a policy of cautious neutrality and diplomatic and economic diversification with a focus on long-term interests. In July 2018, during the 8th FOCAC ministerial meeting in China, GNA foreign minister Mohamed Taha Siala signed a MoU with State Counselor and Foreign Minister Wang Yi, paving the way for Libya to join the BRI. GNA also welcomed the return of Chinese businesses to Libya in 2018, especially in the areas of Libya's infrastructure modernization and rehabilitation, and has supported Chinese telecommunications companies including Huawei and ZTE. In 2019, bilateral trade between the two countries totaled US \$ 6.21 billion, mainly driven by a recovery in Libyan oil exports to China [66]. Libya's oil exports to China have more than doubled since 2017 [17]. In 2019, China imported approximately US \$ 4.8 million worth of petroleum from Libya [71].

A senior delegation from Libya's *National Oil Corporation* (NOC) visited China in July of 2019 to hold talks with CNPC officials regarding crude oil purchases and possible collaboration on exploring and developing Libya's oilfields and services. And CNPC's *PetroChina* can count on its ongoing cooperation with Libya's *NOC* since the bulk of the country's oilfields sit in territory controlled by the

Libya National Army (LNA) [98].

Turkey's ongoing military intervention in Libya aimed at strengthening the power of the *Transitional National Council* (TNC) is fueling some tensions between Beijing and Ankara, despite the fact that China nominally supports the TNC. Wang Jingyan, a researcher at the Chinese Academy of Social Sciences, stressed that while Ankara's support of pro-GNA forces changed the situation against Haftar, the Turkish intervention is considered provocative, caused by President Recep Tayyip Erdogan's internal problems within Turkey and is likely to leave Ankara in greater isolation in the eastern Mediterranean. Other Chinese foreign policy analysts see Ankara as over-ambition in Libya. There is also the view that "*the stronger Turkey is in Libya, the less China will gain, as Ankara will seek to reduce US concerns in exchange for their support (or neutrality) in their ongoing struggle with Russia and the UAE*" [71].

While countries like the UAE, Russia, France or Turkey can provide powerful military equipment to win battles, China is one of the few countries that can provide financial and technical support to rebuild and transform a country, no matter which faction dominates the ongoing civil war. But after the conflict reaches a balance point, China can use the synergy between the BRI framework and the post-conflict reconstruction of Libya, and with a cautious and limited approach taken by Beijing, will achieve greater opportunities to intervene not only in Libya's economic affairs, but also in its political sphere [98].

So, the events of the civil war in Libya have become a new test for China's foreign policy, based

on the long-standing doctrine of “*non-intervention*”. It has been transformed into a new strategy of “*non-alignment*”, in which Beijing, without staying aloof from the conflict, did not take sides between the GNA and the LNA [60]. Instead, the Chinese seem to be betting on both sides of the conflict and continue to watch from afar, awaiting a final political settlement and peace that could lead to a stronger Chinese presence [73].

For their part, the conflicting parties discussed China's role in finding a peaceful solution to the Libyan crisis and its contribution to the reconstruction of Libya [89]. In fact, the Libyan experience has become another step in shaping a fundamental change in China's foreign policy towards a more active approach to protecting China's global interests [1, p. 12].

7. Application of the Chinese Model in Ethiopia

Ethiopian Emperor Haile Selassie established diplomatic relations with the PRC in 1970, but the 1974 revolution, which led to the emergence of a regime close to the SU, provoked a distancing of Addis Ababa - Beijing links until the late 1980s [78, p. 54]. China needed Ethiopia and other African countries at the UN, and Ethiopia, ruled by Emperor Haile Selassie I, was the diplomatic leader for African independence and could no longer ignore the most populous third world country, involved in solidarity and material support in the anti-colonial struggle [16]. It was not until the armed opposition victory in 1991, the fall of the Mengistu regime, and the rise to power of the *Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front* (EPRDF) led by Meles

Zenawi that bilateral relations began to experience real growth. The EPRDF, which came to power with the support of the US, advocated a market economy (with the exception of issues such as land ownership and the maintenance of state monopolies) and declared its readiness to establish a federal and democratic state. It was only in 1995 that the regime decided to change the balance of its foreign policy in favor of Russia and China. The main EPRDF leaders wanted to learn about China's “*socialist market economy*” and agricultural development [78, p. 54].

Ethiopia's growing interest in China is attributed to economic aid, an alternative partner to the West and an example to follow. For China, the important role of Ethiopia in the political history of Africa and its strategic position as the seat of the African Union, the United Nations Economic Commission for Africa, various international and regional organizations and diplomatic missions — a country that is the *diplomatic capital of Africa* [69, p. 16].

Ethiopia is a source of attraction for China more so with a population of about 90 million and a potential access for other regional markets such as the *Common Market for Eastern and Southern Africa* (COMESA). With the introduction of liberalization policy in 1992 in Ethiopia, China poised to exploit this opportunity by investing in various economic sectors. Notable among others are road construction, electric power generation and telecommunication [94, p. 7].

Ethiopia views China as a source of economic aid and investment, as well as low-cost technologies that can lift millions of small entrepreneurs out of poverty through access to agricultural machi

...nery and transport, as economic growth cannot be achieved without sustained technological and industrial modernization and structural transformation. Ethiopia also sees China as a vast market for its agricultural products and therefore a means to improve the lives of farmers, who make up about 80% of the population [16]. In Ethiopia, China has developed special trade and economic cooperation zones, which allow for the improvement of poor infrastructure, inadequate services, and weak institutions by focusing efforts on a specific geographical area [90, p. 85].

Commercial ties were institutionalized most rapidly. In 2006, the Ethiopian government signed a major financing framework agreement with China EXIM Bank, which led to a rapid increase in the number of Chinese infrastructure projects. The framework agreement requires that all exports to China be controlled by the *Commercial Bank of Ethiopia*, the largest public financial institution. Ethiopia intends to receive export earnings to help pay off Chinese loans [36]. In 2010, a MoU was signed between the EPRDF and the CCP. Economic ties also increased rapidly. According to a 2012 World Bank survey, Chinese FDI increased “from virtually zero” in 2004 to US \$ 74 million annually in 2009 [51].

China has invested more than US \$ 20.6 billion in Ethiopia since 2005 to 2017, most of which has been focused on infrastructure projects such as roads, rail lines and telecommunications [112]. Chinese companies have invested around US \$ 4 billion during the last two decades in Ethiopia, employing 111,000 Ethiopians on permanent and temporary basis [44]. Ethiopia is China's main eco-

nomic and strategic partner in East Africa [95, p. 12]. China is Ethiopia's largest trading partner, bilateral trade between the two countries reached US \$ 6.37 billion in 2015 [61].

Trade between China and Ethiopia is largely based on mechanisms such as the *Joint Ethiopian – China commission* (JECC), *Sino-Ethiopian Agreement for Mutual Promotion and Protocol of Investment – 1988*, *Sino - Ethiopia Agreement for trade, economic and technical cooperation - 1996* and *FOCAC Sino - Africa* at continental level, since recent times [94, p. 7].

China-built US \$ 3.4 billion railroad linking Addis Ababa and the port city of Djibouti opened in October 2016. A new 750-km line, which completely replaces the long-defunct French line, built in early 20th century, reduces travel time between two cities - up to 10 hours out of two to three days. The new line will provide Djibouti with unprecedented access to the 90 million Ethiopian market [112]. The Chinese-built railway is expected to help the landlocked African country improve access to the sea and accelerate its booming industrialization process [61].

Chinese firms have invested in a water pipeline from Ethiopia and a new international airport [106]. China's largest footwear manufacturer *Huajian International* — the world's largest footwear manufacturer — entered Ethiopia in 2012 and opened its first factory in the *Eastern Industrial Zone*, employing 7,000 people. It was the only company to produce footwear exclusively thanks to the efforts of the Ethiopians [41].

By 2012, China accounted for more than half of Ethiopia's imports of furniture and furnishings, over

¾ of Ethiopian imports of travel goods and handbags and apparel and clothing accessories, and nearly 90% of Ethiopia's footwear imports [93, p. 235].

In 2006, China's ZTE was granted a monopoly over the market as the Ethiopian government seemed to ignore its own procurement rules requiring competitive bidding. A US \$ 1.6 billion agreement was signed in 2013 with Huawei and ZTE to upgrade existing infrastructure [51].

A Chinese firm has signed a MoU with Ethiopia authorities on establishing a *National Artificial Intelligence Infrastructure* (NAIF) in Ethiopia. The MoU was signed between *Ethiopia Innovation and Technology State Minister, Sisay Tola and Chen Kuan*, the founder and CEO of *Chinese firm Infervision Technology Corporation* in Ethiopia's capital Addis Ababa in November 2019 [43].

The Ethiopia is China's second largest borrower in Africa. The external debt of the Ethiopian government is 60% of GDP, 1/3 to China, which makes the country vulnerable, and there are fears that China may have a say in its future domestic policies [95, p. 12].

China's strategic partner Addis Ababa receives significant military and economic aid without any political strings attached. Ethiopia maintains ties with the West, using Chinese aid as a bargaining chip in negotiations with European donors, and vice versa [90, p. 86].

8. OBOR — a Factor in Stimulating the Sudanese Economy

On February 4, 1959, Sudan established diplomatic relations with China, becoming the fourth

Arab and African country with diplomatic relations with China after Egypt, Morocco and Algeria. The visit of PM Zhou Enlai and Vice Premier Chen Yi to Sudan in 1964 marked the beginning of the development of bilateral relations [62].

Although China allowed trade, aid, cultural, political and military ties with Sudan, China did not play an important role in Sudan's politics or foreign relations until the 1989 coup that brought Omar al-Bashir to power [81, p. 182].

In 2015, China and Sudan announced their strategic partnership, ushering in a new era of bilateral relations. In April 2019, China gave strong support to the Sudanese transitional government. Beijing has twice sent its Special Representative for African Affairs to Sudan and has defended it at the UNSC and many other international events [62]. Sino-Sudanese cooperation has long been the benchmark for Sino-African cooperation and a model for South-South cooperation [92].

Since 1976, China has provided Sudan with free assistance in finding minerals and developing exploration talents and has successfully discovered more than three million tons of proven chromite reserves. Chinese miners have invested over US \$ 100 million in Sudan in the development and processing of minerals, including gold, copper, chromite and marble, and brought advanced mining and smelting technology and equipment to Sudan [31].

Since the mid-1990s, economic and trade cooperation between the two sides has grown significantly in scope. China has been the largest investor in Sudan for several years, as well as the contracting partner for most projects in Sudan.

According to incomplete statistics, more than 120 Chinese enterprises have made investment totaling over US \$ 13 billion in Sudan, in a wide range of sectors, including oil, buildings, road bridges, textile, mining, agriculture, hydropower, pharmaceuticals, telecommunications, and automobile manufacturing [31].

Chinese Foreign Direct Investment (FDI) in Sudan since 1996 has focused primarily on finding resources and has expanded the technological and financial capabilities of the country's oil sector [85, p. 3]. Sudan, which for decades has been out of the access zone of Western oil companies for decades, has become one of the key suppliers of oil to the Chinese market: 600,000 barrels of Sudanese oil are shipped to the PRC every day [10]. CNPC owned 40% of the *Greater Nile Petroleum Operation Company* (GNPOC), which was formed in November 1996 to develop blocks 1, 2 and 4 in the West Upper Nile. CNPC acquired a 41% stake and Sinopec a 6% stake in *Petrodar Operating Company*, formed in October 2001 to develop Blocks 3 and 7. Block 6, located between southern Darfur and Kordofan, was 95% owned by CNPC [49, p. 59]. Before South Sudan became independent in 2011, China had a monopoly on the oil sector in Sudan.

Sudan's dependence on China, along with Chinese investment in Sudan, grew when a series of economic sanctions imposed by the US government on Sudan between 1997 and 2007 forced most Western companies to leave the country. As a result, China, along with India and Malaysia, was the commercial, military and diplomatic beneficiary of Western sanctions against Sudan. Sudan has switched from Western to Arab and Asian

countries, especially China, in terms of sources of development finance, markets for its oil, investment in Sudanese weapons factories and arms purchases [32, p. 62-63].

Since August 2006, China has sought to expand oil investment in Chad. Faced with a protracted conflict amid a regional geography of interests and an ongoing North-South peace process, China has also had to face unintended consequences of its role, including supplying arms and supporting Khartoum [50, p. 38]. During Hu Jintao's largest tour of Africa in 2007, Beijing for the first time officially expressed its desire to establish military bases on the Black Continent. The first candidate for the deployment of Chinese peace-keepers in Africa was the province of Darfur in Sudan, where the Chinese oil state corporations have long and firmly established themselves. China was ready to send a full-fledged military contingent to Sudan and in negotiations with Khartoum insisted on the deployment of mainly Chinese UN peacekeepers in Darfur [8]. When South Sudan, which hosts a large amount of Chinese oil investment, seceded from Sudan with UN approval in 2011, China expanded development projects and loans to this new state [90, p. 84].

Just two years after independence, in December 2013, when civil war broke out in South Sudan, one of the first casualties was the oil industry. About half of the country's daily production was soon halted by the fighting [30]. The majority of South Sudanese oil revenue, came from Chinese operated oil fields, and accounted for 98% of South Sudan's state revenue. At independence, South Sudan had seceded with 75% of Sudan's known oil wealth, and the majority of oil fields that Chinese

companies had invested in were located in South Sudan's territory [102, p. 3]. In August 2018, CNPC inked an agree-ment with the South Sudanese Petroleum and Mining Ministry to conduct hydrocarbon exploration in the heart of the country, outdoing French and Kuwaiti competitors [33]. CNPC has a majority stake (41% share) in both *Dar Petroleum Operating Company* (DPOC) and in the *GNPOC* (41% share), both of which are the major oil companies operating in South Sudan. SINOPEC has a 6% stake in DPOC, which makes China, South Sudan's major oil investor and leading im-porter [102, p. 3].

Sudan was one of the first countries to actively respond to the BRI and signed an agreement to jointly promote the initiative with China. China aligns the BRI with Sudan's national development strategy and continues to participate in Sudan's infrastructure deve-lopment, promoting key projects such as the new Khartoum inter-national airport and satellite navigation, deepening cooperation in health education, information technology and transport infrastruc-ture. China intends to promote the implementation of the agreement on co-operation and development of Port Sudan, support the const-ruccion of a special economic zone in the Red Sea, develop shipping and tourism along the Nile, and build a cargo distribution center on the Red Sea [92]. In March 2021, the three Chinese companies expressed their intention to invest up to US \$ 1 billion in Sudan, which will be directed to agriculture, mining and oil fields [110].

Conclusion

From the above, we come to the conclusion that the PRC is strengthening its positions in some

Arab countries of North and East Africa (for most of which it has become an important trading partner) through trade and economic cooperation, investment, humanitarian and economic assistance. The latter provide China with an uninterrupted supply of energy raw materials and minerals, in return for which Beijing invests in the construction of roads, ports, marine terminals, nuclear power plants, dams, schools, hospitals, housing and industrial facilities.

However, the political instability in the Arab countries of the Middle East and North Africa after the events of the 2011 Arab Spring posed new challenges and opportunities for Beijing's geostrategic influence and geopolitical ambitions in the region. The construction of a military base in Djibouti can be seen as one of the results of China's changing military strategy and its growing ambition to balance its military and economic power. The need to protect China's increasing investment in Africa has led to a departure from China's traditional *non-interference policy* in the internal affairs of other countries. This has fueled international concern about China's political, economic and military role in the African continent.

In fact, there are conflicting views in the Arab countries of North and Eastern Africa on whether to expand or limit China's role in their political and eco-nomic life. Investment from Chinese entrepreneurial migration has led to *positive* (indirect jobs) and *negative* (crowding out local traders) effects in local African societies. As a rule, the cause of discontent and social tension is the so-called Chinese "*neo-colonial policy*" — the mass immigration of Chinese labor to countries in the

region, restrictions imposed by Chinese entrepreneurs on labor law, lack of transparency and accountability in transactions, the scarcity of projects in the interests of the locals, as well as the capture of domestic markets and the large-scale exploitation of natural resources. Criticism of China is growing from trade unions and civil society groups for "*poor working conditions, unsustainable environmental practices and job displacement*" caused by Chinese factories.

The criticism also includes the "debt traps",⁹ high interest rates on Chinese loans, environmental problems, low security standards, as well as loans for project revaluations, which are often accompanied by *nepotism* and *kickbacks*, with economic and political repercussions. There are fears that China is increasing its long-term influence over weak countries in the region through investment and non-repayable loans ("debt trap theory" or diplomacy), which often leads to the cancellation or delay of B&R projects. Despite this, official Beijing expresses its readiness to continue friendly consultations with some Arab countries of North and East Africa in order to find a solution or reduce their debts to China. Beijing intends to encourage the international community, in particular the developed countries, to take more substantial measures to reduce the debt and ease the debt burden of African countries.

Beijing's advance into Arab countries of North and East Africa, especially the deployment of military bases and the expansion of its naval forces, exacerbated both the Sino-US rivalry. In order to limit or curb China's expansion of influence, Washington has been actively criticizing Beijing's coop-

eration with countries with human rights issues, as well as the growing dissatisfaction with the Chinese *neo-colonial policy* by the countries of the region.

And although Beijing, emphasizing its "*anti-imperialist*" policy, declared its refusal to create its own military formations outside its national borders, rapid economic growth and the development of the China's economic interests required a revision of the established principles. Under these circumstances, the "*non-interference stance*" is becoming increasingly difficult to maintain, given the deepening trade ties between China and Africa in general and with the thousands of Chinese workers employed in various projects across the continent.

Notes

1. The "**Beijing Consensus**" or **China's development model** as a new alternative development model combining *liberal or market* economies and *authoritarian political systems* has become widespread, mainly among the authoritarian or semi-authoritarian MENA countries. This was particularly appealing against the backdrop of the "**Washington Consensus**" model of uniting *free market* economies backed by *Western financial institutions* and *Western democracies*.
2. The Chinese New Silk Road (NSR/ New Silk Road Initiative (NSRI)) or One Belt, One Road, which consists of six land and road economic corridors, is the abbreviated name of the double concept of the Economic Belt of the Silk Road (EBSR) and the Maritime Silk Road of the 21st Century (MSR). It was

launched by the Chinese President Xi Jinping in 2013 and aims to connect Asia and Europe via the Middle East (ME), Africa and Central Asia (CA) through a series of vast networks of transcontinental railways, pipelines, ports, airports, and other infrastructure projects with up to US \$ 1 trillion of Chinese investment. In 2016, the NSR/OBOR strategy was officially renamed the *Belt and Road Initiative* (BRI) or *Belt and Road* (B&R).

3. TEDA stands for Tianjin Economic and Technological Development Area, which is located about 150 km east of China's capital Beijing with the Bohai Sea to the east. It used to be a land with salty and alkaline soil, but now it is a modern industrial city with an annual gross domestic product (GDP) of more than US \$ 44 billion after more than 30 years of development.
4. China Ocean Shipping (Group) Company (COSCO Group).
5. The 2011 Arab Spring turned into a reality the economic and security risks of China's overdependence when Chinese cargo ships were severely detained in the Suez Canal.
6. CITIC Group — China International Trust and Investment Corporation.
7. Algeria is the world's 18th largest crude oil producer, and the second largest source of natural gas in the EU.
8. Sonatrach is the largest company in Africa and the 12th largest oil and gas conglomerate in the world.

9. The terms of Chinese loans and investments become very clear only when the recipient countries face a debt crisis. Beijing usually invests more in corrupt countries, which sometimes accompanied by "extreme exploitation, corruption and political interference".

Список источников

1. Арутюнян А.А. Вокруг Китайско-Ливийских отношений // Африка в глобальном мире: прошлое, настоящее и будущее. Материалы X Школы молодых африканистов России, 29–30 ноября 2011г., Институт Африки РАН, М., 2011. - С. 7-12.
2. Арутюнян А.А. О китайско-египетских отношениях // XXVI международная конференция. Источниковедение и историография стран Азии и Африки, "Модернизация и Традиции", 20-22 апреля 2011, Тезисы докладов, Восточный факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 2011. - С. 9-10.
3. Бочаров И. Египетско-китайские отношения на современном этапе // Российский совет по международным делам (НП РСМД), 31.01.2020.
4. Волович А.А. Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока, М., 22.09.2004.
5. Давид Сендра Доменеч. Китайская колонизация Латинской Америки и Африки // Центр стратегических оценок и прогнозов, 01.05.2014.

6. Дегтерев Д. Китай – Африка: важные аспекты отношений // Мировая экономика и международные отношения, № 5, ИМЭМО, РАН, 2005. - С. 84-91.
7. Египет признал за Китаем статус страны с полной рыночной экономикой // Жэньминь Жибао, 06.11.2006.
8. Игнатченко И. Незримая битва между США и Китаем за ресурсы Африки // Геополитика, 06.12.2012.
9. Китай и Египет ускорят совместную реализацию инициативы 'Один пояс, один путь' // CGTN, 09.01.2020.
10. Кокшаров А. Ресурсный пылесос // Эксперт, № 40(677), 19.10.2009.
11. Ливия: Китай пытается поладить и с мятежниками, и с Каддафи // RTKORR.com, 08.06.2011.
12. Мамед-заде П. Египет и перспективы развития межарабского газопровода // Сборник статей, Вып. 20, Ближний Восток и современность, М., 2003. - С. 157-166.
13. Президент Египта поделился видением роли страны в регионе // РИА Новости, 26.04.2019.
14. Срочно: Китай и Египет подписали Меморандум о взаимопонимании по продвижению сотрудничества в рамках инициативы 'один пояс, один путь' // Russian. News. Cn, 21.01.2016.
15. Чудесная операция Китая по эвакуации своих граждан из Ливии получила одобрение широкой общественности // Жэньминь Жибао, 08.03.2011.
16. Tesfaye A. // China-Ethiopia Relations and the Horn of Africa, Italian Institute for International Political Studies (SPI), 20.09.2019.
17. Ghafar A. Beijing Calling: Assessing China's Growing Footprint in North Africa // Brookings, The Brookings Institution, 23.09.2019.
18. African Revolutions Challenge Chinese Diplomacy // Intelligence Quarterly, 11.04.2011.
19. Molavi A. Enter the Dragon: China's Belt and Road Rising in the Middle East // The Caravan, Issue 1819, Hoover Institution or Stanford University, 02.10.2018.
20. Harutyunyan A. The Arab Spring as a New Challenge and a New Opportunity for China's Middle East Policy // Armenian Political Science Journal, 1(1), Center for Perspective Studies and Initiatives, Yerevan, 2014. - pp.105-128.
21. Harutyunyan A. China's One Belt, One Road Initiative in the Middle East and North Africa // IOS NAS RA, Yerevan, Gitutyun, 2021. - 534 p.
22. Harutyunyan A. China's Position Toward 'Arab Spring' // Middle East: Political Transformations, Vol. 2(1), Contemporary Eurasia, IOS NAS RA, Yerevan, 2013, pp. 64-104.
23. Harutyunyan A. Middle East and North Africa as a Part of Chinese String of Pearls Strategy // ORBIS LINGUARUM, Vol. 18, Issue 3, Езиков свят, Филологический факультет

- при ЮЗУ „Неофит Рилски“, Благоевград, България, 2020. pp. 60-71.
24. Harutyunyan A. On Some Obstacles and Challenges to the Implementation of the Chinese Initiative One Belt, One Road // ORBIS LINGUARUM, Vol. 17, Issue 2, Езиков свят, Филологическия факултет при ЮЗУ „Неофит Рилски“, Благоевград, България, 2019. - pp.143-156.
 25. Harutyunyan A. On the Sino-Egyptian Economic and Trade Cooperation // The Countries and Peoples of the Near and Middle East, Vol. 28, IOS NAS RA, Yerevan, 2011. pp. 300-314
 26. Harutyunyan A. On the Sino-Egyptian Military-Political Cooperation // Near East: History, Politics, Culture, Vol. 7, IOS NAS RA, Yerevan, 2011. - pp.149-158.
 27. Algeria Inks MoU on Adherence to China's 'Belt and Road' Initiative // Algeria Press Service, 04.09.2018.
 28. Algeria on the New Silk Roads // OBOREurope, 09.04.2018.
 29. Algeria Ratifies BRI Agreement with China // Xinhua. XINHUANET.com, 07.10.2019.
 30. Aly Verjee. Explaining China's Involvement in the South Sudan Peace Process // Lowy Institute, 22.12.2016.
 31. Ambassador Ma Xinmin Publishes Article Titled China-Sudan True Friendship Thrives - Chinese Enterprises as a Dynamic Force to Boost Sudan's Economic Growth on Sudan Vision // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 11.12.2019.
 32. Natsios A.S. China in Sudan: The Challenge of Non-Interference in a Failed State // Georgetown Journal of International Affairs, Vol. 13, No. 2, Summer/Fall 2012. - pp.61-67.
 33. Bodetti A. How China Came to Dominate South Sudan's Oil // The Diplomat, 11.02.2019.
 34. Can China's New Silk Road Bring Economic Benefits to the Middle East? // Future for Advanced Research and Studies (FARAS), 23.05.2017.
 35. Capturing the Opportunities from Belt and Road Initiative, HSBC Commercial Bank International Cables Federation 2018 // HSBC Bank (China) Company Limited, 2018. - 27 p.
 36. Matseke Ch. Ethiopia-China Relations // UJ Centre for Africa-China Studies. A Joint Initiative of the University of Johannesburg and Nanjing Tech University. URL: <https://www.cacs.org.za/ethiopia-china-relations/> (accessed 10.12.2021)
 37. China-Africa Economic and Trade Cooperation // Information Office of the state Council of the PRC, Beijing, December 2010. - 29 p.
 38. China-Algeria Sign Statement on Strategic Cooperation // People's Daily Online, 07.11.2006.
 39. China Extends Financial Support to Egypt with New Pacts // China National News, 22.01.2016.
 40. China, Morocco Sign MOU on Belt and Road // Xinhua. Xinhuanet.com, 17.11.2017.
 41. China Moves its Production to the Countries of the African Continent // CGTN, 24.08.2018.
 42. Chinese Automaker to Assemble Cars, Trucks in Algeria // Xinhua. english.news.cn,

- 21.04.2017.
43. Chinese Firm to Help Build Artificial Intelligence Infrastructure in Ethiopia // Xinhua. Xinhuanet.com, 30.11.2019.
44. Chinese Firms Invest 4 bln USD in Ethiopia in 2 Decades // Xinhua. Xinhua-net.com, 03.06.2017.
45. Zambelis Ch. China's Inroads into North Africa: An Assessment of Sino-Algerian Relations // China Brief, Vol. 10, Issue 1, The Jamestown Foundation, 07.01.2010. - pp.10-14.
46. Zambelis Ch. Public Diplomacy in Sino-Egyptian Relations // China Brief, Vol. 7, Issue: 7, The Jamestown Foundation, 18.05.2007.
47. Zhang Ch. Potential to Leap Forward? Interrogating the Relations between China and Tunisia // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 17.11.2020. - pp. 594-606.
48. Nallet C. Africa on the Margins of OBOR? Three Years of China's New Silk Roads. From Words to (Re)action? // IFRI, February 2017. - pp. 61-70.
49. Large D. China and the Changing Context of Development in Sudan // Society for International Development, No. 50(3), September 2007. - pp. 57-62.
50. Large D. China's Role in the Mediation and Resolution of Conflict in Africa // Center for Humanitarian Dialogue, The OSLO forum Network of Mediators, 2008. - pp. 35-41.
51. Kibsgaard D. Sino-Ethiopian Relations from Meles Zenawi to Abiy Ahmed: The Political Economy of a Strategic Partnership // China Research Center, 03.06.2020.
52. Shinn D.H. China's Approach to East, North and the Horn of Africa // Elliott School of International Affairs, The George Washington University, 21.07.2005. - 15 p.
53. Khaled D. China-Tunisia Cooperation Stronger Than Ever // Global Times, 11.05.2020.
54. Khechib D. One Belt, Different Aims: Beyond China's Increasing Leverage in the Grand Maghreb // Humanitarian and Social Research Center (INSAMER), 04.10.2018.
55. Thompson D. China's Soft Power in Africa: From the 'Beijing Consensus' to Health Diplomacy // China Brief, Vol. 5, Issue 21, The Jamestown Foundation, 13.10.2005. - 4 p.
56. Blanche E. China's New Silk Road Includes Both Risk and Promise of Prosperity // The Arab Weekly, 17.12.2017.
57. The Egyptian Gazette, 07.11.2006.
58. Yoneva E. In the Embrace of the Dragon: China-Africa Relations in the Extractive Industries. // Collection of Papers from the Forth International Conference on Chinese Studies "The Silk Road" organized by the Confucius Institute in Sofia, 1-2 June 2017, Sofia, 2018. - pp.120-127.
59. Scott E. China's Silk Road Strategy: A Foot-hold in the Suez, But Looking to Israel // China Brief, Vol. 15, Issue 19, The Jamestown Foundation, 10.10.2014. - pp.10-14.
60. Olander E. C. China Places Bets on Both Sides of the Libyan Conflict as Part of a New 'Non-Aligned' Strategy // The China-Africa Project, 30.01.2020.
61. Ethiopia Eyes Strengthened Ties with China // Xinhua. english.news.cn, 22.12.2017.

62. Everlasting China-Sudan Friendship: Work Together for a Shared Future // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 24.10.2019.
63. Feature: China-built Dam Boosts Sino-Tunisian Hydroelectric Cooperation // Xinhua. English.news.cn, 13.08.2018.
64. Feature: China's Drilling Company Brings Water to Egypt's Desert for Future Giant Sugar Factory // Xinhua. English.news.cn, 24.11.2018.
65. Nangoy F., Davies E. Egypt Minister Sees No Threats Attached to China Investment // Reuters, 14.10.2018.
66. Wehrey F., Alkoutami S. China's Balancing Act in Libya // The Carnegie Endowment for International Peace, 10.05.2020.
67. Full Text of China's Arab Policy Paper // The State Council the People's Republic of China, ENGLISH.GOV.CN, 13.01.2016.
68. Domínguez G., Juan J. Soft Power - China's Expanding Role in the Middle East // Deutsche Welle, 04.02.2015.
69. Endaylalu G.A. China in Africa: A Partner or Patron Ethiopia in Focus // International Journal of African and Asian Studies, Vol. 46, 2018. - pp. 14-20.
70. Tarantino G. Il petrolio della Libia fagola alla Cina, L'Occidentale // Italy, 04.03.2011.
71. Cafiero G. The Geopolitics of China's Libya Foreign Policy // The ChinaMed, 04.08.2020.
72. Simonaviciute G. China in Africa: A Study of Chinese Leadership in the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) // Malmö University, Spring 2020. - 60 p.
73. Burton G. Will China Become More Active in Libya? // The Diplomat, 19.02.2021.
74. Integrating Tunisia into the New Silk Road // Zawya, 08.07.2017.
75. Franceschini J. Belt and Road Initiative (BRI): Reshaping the Political Scenario of the Eastern Mediterranean? // Mediterranean Affairs, 07.11.2018.
76. Eom J., Brautigam D., Benabdallah L. The Path Ahead: The 7th Forum on China-Africa Cooperation // Briefing Paper, No. 1, SAIS-CARI, August 2018. - 10 p.
77. Liste J., Kolster J., Matondo-Fundani N. Chinese Investments and Employment Creation in Algeria and Egypt // African Development Bank, Economic Brief, 2012. - 22 p.
78. Cabestan J.-P. China and Ethiopia: Authoritarian Affinities and Economic Cooperation // China Perspectives, No. 4, December 2012. - pp. 53-62.
79. Cooke J.G. China's Soft Power in Africa. Chinese Soft Power and its Implications for the United States // Competition and Cooperation in the Developing World, A Report of the CSIS Smart Power Initiative, Center for Strategic and International Studies (CSIS), March 2009. - pp. 27-45.
80. Liangxiang J. Sino-Arab Relations: New Developments and Trends // Vol. 11, No. 4, Middle East Policy Council, Winter 2004.
81. Johanson D. China's Soft Power in Sudan: Increasing Activity but How Effective? / In: Zhang X., Wasserman H., Mano W. (eds) China's Media and Soft Power in Africa, Palgrave Series in Asia and Pacific Studies, Palgrave Macmillan, New York, 2016. - pp. 181-192.

82. Calabrese J. 'The New Algeria' and China // Middle East Institute, 26.01.2021.
83. Hammond J. Morocco: China's Gateway to Africa? // The Diplomat, 01.03.2017.
84. Pham J.P. China's Interests in the Middle East and North Africa in the Light of Recent Developments in those Regions // Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission Hearing on "China's Current and Emerging Foreign Policy Priorities", Atlantic Council, 13.04.2011. - 10 p.
85. Suliman K.M., Badawi A.A. Collaborative Research Project on the Impact of China-Africa Relations // An assessment of the Impact of China's Investments in Sudan, Uni-versity of Khartoum, Sudan. - 41 p.
86. Ghanmi L. Tunisia Joins China's Belt and Road Initiative as It Seeks to Diversify Trade, Investment // The Arab Weekly, 09.09.2018.
87. Hook L., Dyer G. Chinese Oil Interests Attacked in Libya // Financial Times, 24.02.2011.
88. Anshan L. et al. The Forum on China-Africa Cooperation: From a Sustainable Perspective // Centre for African Studies Peking University, 01.08.2012. - 59 p.
89. Libya Joins China's Belt and Road Initiative // Libya Observer, 13.06.2018.
90. Odgaard L. China's Policy on Development and Security in East Africa // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies, Vol. 46, No. 2, 2018. - pp. 78-93.
91. Horta L. China Building Africa's Economic Infrastructure: SEZs and Railroads // China Brief, Vol. 10, Issue 15, The Jamestown Foundation, 22.07.2010. - pp. 9-12.
92. Ma Xinmin China, Sudan Expect Greater Opportunities for Reciprocal Growth // Global Times, 12.11.2020.
93. Malancha Chakrabarty Ethiopia-China Economic Relations: A Classic Win-Win Situation? // World Review of Political Economy, Vol. 7, No. 2, Pluto Journals, Summer 2016. - pp. 226-24.
94. Venkataraman M., Gofie S.M. The Dynamics of China-Ethiopia Trade Relations: Economic Capacity, Balance of Trade and Trade Regimes // Venkataraman and Gofie Bandung: Journal of the Global South, No. 2(8), 2015. - 17 p.
95. Carrai M.A. Adaptive Governance along Chinese-financed BRI Railroad Megaprojects in East Africa // World Development 141, Elsevier, 2021.
96. Tanchum M., Álvarez-Aríztegui N. China's Chance to Bridge the Algeria-Morocco Divide // East Asia Forum, 12.03.2021.
97. Mouline M.T. Belt and Road to Boost Sino-Moroccan Ties // China Daily, 05.09.2018.
98. Mordechai Ch. China's Libya Policy and the BRI: Sights Set on the Future // Middle East Institute, 22.12.2020.
99. Morocco, Bilateral Relations // China.org.cn., March 2006.
100. Morocco Diplomata Magazine Interviews Chinese Ambassador // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 13.04.2011.
101. Mubarak, Zemin Discuss Situation in Palestinian Territories Egypt-China // Arabic News, 24.01.2002.

102. Hodzi O. Strategy of 'Parallels': China in the South Sudanese Armed Conflict // Note Observatoire de la Chine, Cycle 2016-2017, Janvier 2017. - 7 p.
103. Nantulya P. Implications for Africa from China's One Belt One Road Strategy // Africa Center for Strategic Studies, 22.03.2019.
104. Baker R. Portfolio: China's Stake in the Middle East Unrest // Stratfor, USA, 10.03.2011.
105. Guerraoui S. Morocco Establishes 'Strategic Partnership' with China // The Arab Weekly, 15.05.2016.
106. Zheng S. China Offers Loans to Djibouti as They Vow to Establish Closer Ties // South China Morning Post, 23.11.2017.
107. Spotlight: China's 'Belt and Road' Initiative Boosts Mideast Development // Xinhua. English.news.cn, 19.01.2016.
108. Mackinnon T. The Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) // The BRICS Policy Center, 2016.
109. Pairault T. China's Economic Presence in Algeria // C.C.J. Occasional Papers, No. 1, Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société, January 2015.
110. Three Chinese Companies May Invest \$1 billion in Sudan Says Minister: Asharq Business // Arab News, 04.03.2021.
111. Dumpis T. Could China's Belt and Road Patch the Algeria-Morocco Rift? // Morocco World News, 14.03.2021.
112. Todd T. Chinese-built Railway Opens Linking Ethiopia to Djibouti // France 24, 06.10.2016.
113. Tunisia, Chinese Foreign Ministry // China.org.cn, 10.10.2006. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**
114. Tunisia to Enhance Partnership with China in Expanding Markets: Official // Xinhua. China Daily, 17.05.2018.
115. Lokanathan V. China's Belt and Road Initiative: Implications in Africa // ORF Issue Brief, No. 395, Observer Research Foundation, August 2020. - 11 p.
116. Wang Yi: Practical Cooperation Between China and Algeria Enters a New Stage // Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 07.06.2014.
117. Why is China Successful in Africa Than Any Other Country // KT PRESS, 14.08.2018.
118. The World is Not Enough: Egypt's New Suez Canal Conjoins Chinese Silk Road // Sputnik, 07.08.2015.
119. Xinhua Headlines: China, Egypt Dream Big as Desert is Converted into Cooperation Zone // Xinhua. English.news.cn, 20.01.2019.
120. Zoubir Yahia H. Expanding Sino-Maghreb Relations: Morocco and Tunisia // Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 26.02.2020.
121. Yearender: China-Egypt Relations See Strong Push in 2018 // Xinhua. English.news.cn, 28.12.2018.
122. Yitzhak Shichor Libya Cautions China: Economics Is No Substitute to Politics // China Brief, Vol. 9, Issue 24, The Jamestown Foundation, 03.12.2009.
123. Zhang Qingmin, Song Wei. China's Policy toward Africa: a Chinese Perspective // The Focus: Africa and the Chinese Way, The Newsletter, No. 60, Summer 2012. - pp. 26-27.

References

1. Arutyunyan Agavni, «O kitaysko-yegipetskikh otnosheniyakh», XXVI mezhdunarodnaya konferentsiya. Istochnikovedeniye i istoriografiya stran Azii i Afriki, «Modernizatsiya i Traditsii», 20-22 aprelya 2011 g., Tezisy dokladov, Vostochnyy fakul'tet SPbGU, Sankt-Peterburg, 2011. - S. 9-10. (in Russian)
2. Arutyunyan Agavni, «O kitaysko-yegipetskikh otnosheniyakh», XXVI mezhdunarodnaya konferentsiya. Istochnikovedeniye i istoriografiya stran Azii i Afriki, «Modernizatsiya i Traditsii», 20-22 aprelya 2011 g., Tezisy dokladov, Vostochnyy fakul'tet SPbGU, Sankt-Peterburg, 2011. - S. 9-10. (in Russian)
3. Bocharov Ivan, «Yegipetsko-kitayskiye otnosheniya na sovremennom etape», RSMD, 31.01.2020. (in Russian)
4. Volovich A.A., «Kitayskiy energeticheskiy rynek Blizhnego Vostoka», Institut Blizhnego Vostoka, M., 22.09.2004. (in Russian)
5. David Sendra Domenech, «Kitayskaya kolonizatsiya Latinskoy Ameriki i Afriki», Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov, 01.05.2014. (in Russian)
6. Degterev Denis, «Kitay — Afrika: vazhnyye aspekty otnosheniy», Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, № 5, IMEMO, RAN, 2005. - S. 84-91. (in Russian)
7. «Yegipet priznal za Kitayem status strany s polnoy rynochnoy ekonomikoy», Zhen'min' Zhibao, 06.11.2006. (in Russian)
8. Ignatchenko Igor', «Nezrimaya bitva mezhdou SSHA i Kitayem za resursy Afriki», Geopolitika, 06.12.2012. (in Russian)
9. «Kitay i Yegipet uskoryat sovmestnuyu rabotu initsiativy 'Odin poyas, odin put'», CGTN, 09.01.2020. (in Russian)
10. Koksharov Aleksandr, «Resursnyy pylesos», Ekspert, № 40 (677), 19.10.2009. (in Russian)
11. «Liviya: Kitay pytayetsya poladit' i s myatezhnikami, i s Kaddafi», RTKORR.com, 08.06.2011. (in Russian)
12. Mamed-zade p., «Yegipet i perspektivy razvitiya mezharabskogo gazoprovoda», Sbornik statey, Vyp. 20, Blizhniy Vostok i sovremennost', M., 2003. - S. 157-166. (in Russian)
13. «Prezident Yegipta podelilsya videniyem roli strany v regione», RIA Novosti, 26.04.2019. (in Russian)
14. «Srochno: Kitay i Yegipet podpisali Memorandum o vzaimoponimaniy po prodvizheniyu sotrudnichestva v ramkakh initsiativy 'odin poyas, odin put'», russkiy. Novosti. Sp, 21.01.2016. (in Russian)
15. «Chudesnaya operatsiya Kitaya po evakuatsii svoikh grazhdan iz Livii poluchila odobreniye shirokoy obshchestvennosti», Zhen'min' Zhibao, 08.03.2011. (in Russian)
16. Aaron Tesfaye, "China-Ethiopia Relations and the Horn of Africa", Italian Institute for International Political Studies (SPI), 20.09.2019.
17. Adel Abdel Ghafar, "Beijing Calling: Assessing China's Growing Footprint in North Africa", Brookings, The Brookings Institution, 23.09.2019.
18. "African Revolutions Challenge Chinese Di-

- plomacy", Intelligence Quarterly, 11.04.2011.
19. Afshin Molavi, "Enter the Dragon: China's Belt and Road Rising in the Middle East", The Caravan, Issue 1819, Hoover Institution or Stanford University, 02.10.2018.
20. Aghavni Harutyunyan, "The Arab Spring as a New Challenge and a New Opportunity for China's Middle East Policy", Armenian Political Science Journal, 1(1), Center for Perspective Studies and Initiatives, Yerevan, 2014. - pp. 105-128.
21. Aghavni Harutyunyan, "China's One Belt, One Road Initiative in the Middle East and North Africa", IOS NAS RA, Yerevan, "Gitutyun", 2021. - 534 p.
22. Aghavni Harutyunyan, "China's Position Toward 'Arab Spring'", Middle East: Political Transformations, Vol. 2(1), Contemporary Eurasia, IOS NAS RA, Yerevan, 2013, pp. 64-104.
23. Aghavni Harutyunyan, "Middle East and North Africa as a Part of Chinese String of Pearls Strategy", ORBIS LINGUARUM, Vol. 18, Issue 3, Езиков свят, Филологическия факултет при ЮЗУ „Неофит Рилски“, Благоевград, България, 2020, pp. 60-71.
24. Aghavni Harutyunyan, "On Some Obstacles and Challenges to the Implementation of the Chinese Initiative One Belt, One Road", ORBIS LINGUARUM, Vol. 17, Issue 2, Езиков свят, Филологическия факултет при ЮЗУ „Неофит Рилски“, Благоевград, България, 2019. - pp. 143-156.
25. Aghavni Harutyunyan, "On the Sino-Egyptian Economic and Trade Cooperation", The Countries and Peoples of the Near and Middle East, Vol. 28, IOS NAS RA, Yerevan, 2011, pp. 300-314.
26. Aghavni Harutyunyan, "On the Sino-Egyptian Military-Political Cooperation", Near East: History, Politics, Culture, Vol. 7, IOS NAS RA, Yerevan, 2011. - pp.149-158.
27. "Algeria Inks MoU on Adherence to China's 'Belt and Road' Initiative", Algeria Press Service, 04.09.2018.
28. "Algeria on the New Silk Roads", OBO-Reurope, 09.04.2018.
29. "Algeria Ratifies BRI Agreement with China", Xinhua. XINHUANET.com, 07.10.2019.
30. Aly Verjee, "Explaining China's Involvement in the South Sudan Peace Process", Lowy Institute, 22.12.2016.
31. "Ambassador Ma Xinmin Publishes Article Titled China-Sudan True Friendship Thrives - Chinese Enterprises as a Dynamic Force to Boost Sudan's Economic Growth on Sudan Vision", Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 11.12.2019.
32. Andrew S. Natsios, "China in Sudan: The Challenge of Non-Interference in a Failed State", Georgetown Journal of International Affairs, Vol. 13, No. 2, Summer/Fall 2012. - pp.61-67.
33. Austin Bodetti, "How China Came to Dominate South Sudan's Oil", The Diplomat, 11.02.2019.
34. "Can China's New Silk Road Bring Economic Benefits to the Middle East?", Future for Advanced Research and Studies (FARAS), 23.05.2017.

35. "Capturing the Opportunities from Belt and Road Initiative, HSBC Commercial Bank International Cables Federation 2018", HSBC Bank (China) Company Limited, 2018. - 27 p.
36. Charles Matseke, "Ethiopia-China Relations", UJ Centre for Africa-China Studies. A Joint Initiative of the University of Johannesburg and Nanjing Tech University. <https://www.cacs.org.za/ethiopia-china-relations/>
37. "China-Africa Economic and Trade Cooperation", Information Office of the state Council of the PRC, Beijing, December 2010. - 29 p.
38. "China-Algeria Sign Statement on Strategic Cooperation", People's Daily Online, 07.11.2006.
39. "China Extends Financial Support to Egypt with New Pacts", China National News, 22.01.2016.
40. "China, Morocco Sign MOU on Belt and Road", Xinhua. Xinhuanet.com, 17.11.2017.
41. "China Moves its Production to the Countries of the African Continent", CGTN, 24.08.2018.
42. "Chinese Automaker to Assemble Cars, Trucks in Algeria", Xinhua. english.news.cn, 21.04.2017.
43. "Chinese Firm to Help Build Artificial Intelligence Infrastructure in Ethiopia", Xinhua. Xinhuanet.com, 30.11.2019.
44. "Chinese Firms Invest 4 bln USD in Ethiopia in 2 Decades", Xinhua. Xinhua-net.com, 03.06.2017.
45. Chris Zambelis, "China's Inroads into North Africa: An Assessment of Sino-Algerian Relations", China Brief, Vol. 10, Issue 1, The Jamestown Foundation, 07.01.2010. - pp. 10-14.
46. Chris Zambelis, "Public Diplomacy in Sino-Egyptian Relations", China Brief, Vol. 7, Issue: 7, The Jamestown Foundation, 18.05.2007.
47. Chuchu Zhang, "Potential to Leap Forward? Interrogating the Relations between China and Tunisia", Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 17.11.2020. - pp. 594-606.
48. Clélie Nallet, "Africa on the Margins of OBOR? Three Years of China's New Silk Roads. From Words to (Re)action?", IFRI, February 2017. - pp. 61-70.
49. Dan Large, "China and the Changing Context of Development in Sudan", Society for International Development, No. 50(3), September 2007. - pp. 57-62.
50. Dan Large, "China's Role in the Mediation and Resolution of Conflict in Africa", Center for Humanitarian Dialogue, The OSLO forum Network of Mediators, 2008. - pp.35-41.
51. Daniel Kibsgaard, "Sino-Ethiopian Relations from Meles Zenawi to Abiy Ahmed: The Political Economy of a Strategic Partnership", China Research Center, 03.06.2020.
52. David H. Shinn, "China's Approach to East, North and the Horn of Africa", Elliott School of International Affairs, The George Washington University, 21.07.2005. - 15 p.
53. Dhia Khaled, "China-Tunisia Cooperation Stronger Than Ever", Global Times, 11.05.2020.
54. Djallel Khechib, "One Belt, Different Aims: Beyond China's Increasing Leverage in the Grand Maghreb", Humanitarian and Social Research Center (INSAMER), 04.10.2018.

55. Drew Thompson, "China's Soft Power in Africa: From the 'Beijing Consensus' to Health Diplomacy", China Brief, Vol. 5, Issue 21, The Jamestown Foundation, 13.10.2005. - 4 p.
56. Ed Blanche, "China's New Silk Road Includes Both Risk and Promise of Prosperity", The Arab Weekly, 17.12.2017.
57. The Egyptian Gazette, 07.11.2006.
58. Elizabeth Yoneva, "In the Embrace of the Dragon: China-Africa Relations in the Extractive Industries", Collection of Papers from the Forth International Conference on Chinese Studies "The Silk Road" organized by the Confucius Institute in Sofia, 1-2 June 2017, Sofia, 2018. - pp. 120-127.
59. Emma Scott, "China's Silk Road Strategy: A Foothold in the Suez, But Looking to Israel", China Brief, Vol. 15, Issue 19, The Jamestown Foundation, 10.10.2014. - pp. 10-14.
60. Eric Claude Olander, "China Places Bets on Both Sides of the Libyan Conflict as Part of a New 'Non-Aligned' Strategy", The China-Africa Project, 30.01.2020.
61. "Ethiopia Eyes Strengthened Ties with China", Xinhua. english.news.cn, 22.12.2017.
62. "Everlasting China-Sudan Friendship: Work Together for a Shared Future", Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 24.10.2019.
63. "Feature: China-built Dam Boosts Sino-Tunisian Hydroelectric Cooperation", Xinhua. English.news.cn, 13.08.2018.
64. "Feature: China's Drilling Company Brings Water to Egypt's Desert for Future Giant Sugar Factory", Xinhua. English.news.cn, 24.11.2018.
65. Fransiska Nangoy, Ed Davies, "Egypt Minister Sees No Threats Attached to China Investment", Reuters, 14.10.2018.
66. Frederic Wehrey, Sandy Alkoutami, "China's Balancing Act in Libya", the Carnegie Endowment for International Peace, 10.05.2020.
67. "Full Text of China's Arab Policy Paper", The State Council the People's Republic of China, ENGLISH.GOV.CN, 13.01.2016.
68. Gabriel Domínguez, Ju Juan, "Soft Power - China's Expanding Role in the Middle East", Deutsche Welle, 04.02.2015.
69. Gashaw Ayferam Endaylalu, "China in Africa: A Partner or Patron Ethiopia in Focus", International Journal of African and Asian Studies, Vol. 46, 2018. - pp.14-20.
70. Giampaolo Tarantino, "Il petrolio della Libia fagola alla Cina, L'Occidentale", Italy, 04.03.2011.
71. Giorgio Cafiero, "The Geopolitics of China's Libya Foreign Policy", The ChinaMed, 04.08.2020.
72. Greta Simonaviciute, "China in Africa: A Study of Chinese Leadership in the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC)", Malmö University, Spring 2020. - 60 p.
73. Guy Burton, "Will China Become More Active in Libya?", The Diplomat, 19.02.2021.
74. "Integrating Tunisia into the New Silk Road", Zawya, 08.07.2017.
75. Jacopo Franceschini, "Belt and Road Initiative (BRI): Reshaping the Political Scenario of the Eastern Mediterranean?", Mediterranean Affairs, 07.11.2018.

76. Janet Eom, Deborah Brautigam, Lina Benabdallah, "The Path Ahead: The 7th Forum on China-Africa Cooperation", Briefing Paper, No. 1, SAIS-CARI, August 2018. - 10 p.
77. Janvier Liste, Jacob Kolster, Nono Matondo-Fundani, "Chinese Investments and Employment Creation in Algeria and Egypt", African Development Bank, Economic Brief, 2012. - 22 p.
78. Jean-Pierre Cabestan, "China and Ethiopia: Authoritarian Affinities and Economic Cooperation", China Perspectives, No. 4, December 2012. - pp.53-62.
79. Jennifer G. Cooke, "China's Soft Power in Africa. Chinese Soft Power and its Implications for the United States", Competition and Cooperation in the Developing World, A Report of the CSIS Smart Power Initiative, Center for Strategic and International Studies (CSIS), March 2009. - pp.27-45.
80. Jin Liangxiang, "Sino-Arab Relations: New Developments and Trends", Vol. 11, No. 4, Middle East Policy Council, Winter 2004.
81. Johanson D., "China's Soft Power in Sudan: Increasing Activity but How Effective?", In: Zhang X., Wasserman H., Mano W. (eds) China's Media and Soft Power in Africa, Palgrave Series in Asia and Pacific Studies, Palgrave Macmillan, New York, 2016. - pp.181-192.
82. John Calabrese, "'The New Algeria' and China", Middle East Institute, 26.01.2021.
83. Joseph Hammond, "Morocco: China's Gateway to Africa?", The Diplomat, 01.03.2017.
84. J. Peter Pham, "China's Interests in the Middle East and North Africa in the Light of Recent Developments in those Regions", Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission Hearing on "China's Current and Emerging Foreign Policy Priorities", Atlantic Council, 13.04.2011. - 10 p.
85. Kabbashi M. Suliman, Ahmed A. A. Badawi, "Collaborative Research Project on the Impact of China-Africa Relations», An assessment of the Impact of China's Investments in Sudan, Uni-versity of Khartoum, Sudan. - 41 p.
86. Lamine Ghanmi, "Tunisia Joins China's Belt and Road Initiative as It Seeks to Diversify Trade, Investment", The Arab Weekly, 09.09.2018.
87. Leslie Hook, Geoff Dyer, "Chinese Oil Interests Attacked in Libya", Financial Times, 24.02.2011.
88. Li Anshan, et al. "The Forum on China-Africa Cooperation: From a Sustainable Perspective", Centre for African Studies Peking University, 01.08.2012. - 59 p.
89. "Libya Joins China's Belt and Road Initiative", Libya Observer, 13.06.2018.
90. Liselotte Odgaard, "China's Policy on Development and Security in East Africa", Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies, Vol. 46, No. 2, 2018. - pp. 78-93.
91. Loro Horta, "China Building Africa's Economic Infrastructure: SEZs and Railroads", China Brief, Vol. 10, Issue 15, The Jamestown Foundation, 22.07.2010. - pp. 9-12.
92. Ma Xinmin, "China, Sudan Expect Greater Opportunities for Reciprocal Growth", Global Times, 12.11.2020.
93. Malancha Chakrabarty, "Ethiopia-China Economic Relations: A Classic Win-Win Situation?", World Review of Political Economy,

- Vol. 7, No. 2, Pluto Journals, Summer 2016. - pp. 226-24.
94. Manickam Venkataraman, Solomon M Gofie, "The Dynamics of China-Ethiopia Trade Relations: Economic Capacity, Balance of Trade and Trade Regimes", Venkataraman and Gofie Bandung: Journal of the Global South, No. 2(8), 2015. - 17 p.
95. Maria Adele Carrai, "Adaptive Governance along Chinese-financed BRI Railroad Mega-projects in East Africa", World Development 141, Elsevier, 2021.
96. Michaël Tanchum, Nerea Álvarez-Aríztegui, "China's Chance to Bridge the Algeria-Morocco Divide", East Asia Forum, 12.03.2021.
97. Mohammed Tawfik Mouline, "Belt and Road to Boost Sino-Moroccan Ties", China Daily, 05.09.2018.
98. Mordechai Chaziza, "China's Libya Policy and the BRI: Sights Set on the Future", Middle East Institute, 22.12.2020.
99. "Morocco, Bilateral Relations", China.org.cn., March 2006.
100. "Morocco Diplomata Magazine Interviews Chinese Ambassador", Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 13.04.2011.
101. "Mubarak, Zemin Discuss Situation in Palestinian Territories Egypt-China", Arabic News, 24.01.2002.
102. Obert Hodzi, "Strategy of 'Parallels': China in the South Sudanese Armed Conflict", Note Observatoire de la Chine, Cycle 2016-2017, Janvier 2017. - 7 p.
103. Paul Nantulya, "Implications for Africa from China's One Belt One Road Strategy", Africa Center for Strategic Studies, 22.03.2019.
104. Rodger Baker, "Portfolio: China's Stake in the Middle East Unrest", Stratfor, USA, 10.03.2011.
105. Saad Guerraoui, "Morocco Establishes 'Strategic Partnership' with China", The Arab Weekly, 15.05.2016.
106. Sarah Zheng, "China Offers Loans to Djibouti as They Vow to Establish Closer Ties", South China Morning Post, 23.11.2017.
107. "Spotlight: China's 'Belt and Road' Initiative Boosts Mideast Development", Xinhua. English.news.cn, 19.01.2016.
108. Tara Mackinnon, "The Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC)", The BRICS Policy Center, 2016.
109. Thierry Pairault, "China's Economic Presence in Algeria", C.C.J. Occasional Papers, No. 1, Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société, January 2015.
110. "Three Chinese Companies May Invest \$1 billion in Sudan Says Minister: Asharq Business", Arab News, 04.03.2021.
111. Toms Dumpis, "Could China's Belt and Road Patch the Algeria-Morocco Rift?", Morocco World News, 14.03.2021.
112. Tony Todd, "Chinese-built Railway Opens Linking Ethiopia to Djibouti", France 24, 06.10.2016.
113. "Tunisia, Chinese Foreign Ministry", China.org.cn, 10.10.2006. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**

114. "Tunisia to Enhance Partnership with China in Expanding Markets: Official", Xinhua. China Daily, 17.05.2018.
115. Venkateswaran Lokanathan, "China's Belt and Road Initiative: Implications in Africa", ORF Issue Brief, No. 395, Observer Research Foundation, August 2020. - 11 p.
116. "Wang Yi: Practical Cooperation Between China and Algeria Enters a New Stage", Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 07.06.2014.
117. "Why is China Successful in Africa Than Any Other Country", KT PRESS, 14.08.2018.
118. "The World is Not Enough: Egypt's New Suez Canal Conjoins Chinese Silk Road", Sputnik, 07.08.2015.
119. "Xinhua Headlines: China, Egypt Dream Big as Desert is Converted into Cooperation Zone", Xinhua. English.news.cn, 20.01.2019.
120. Yahia H. Zoubir, "Expanding Sino-Maghreb Relations: Morocco and Tunisia", Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 26.02.2020.
121. "Yearender: China-Egypt Relations See Strong Push in 2018", Xinhua. English.news.cn, 28.12.2018.
122. Yitzhak Shichor, "Libya Cautions China: Economics Is No Substitute to Politics", China Brief, Vol. 9, Issue 24, The Jamestown Foundation, 03.12.2009.
123. Zhang Qingmin, Song Wei, "China's Policy toward Africa: a Chinese Perspective", The Focus: Africa and the Chinese Way, The Newsletter, No. 60, Summer 2012. - pp. 26-27.

Информация об авторе

Арутюнян Агавни Александровна

Ph.D. (история),

Ведущий науч. сотрудник

Отдел международных отношений

Института Востоковедения Национальной Академии Наук Армении

0019 Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24/4

Республика Армения

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Information about the Author

Aghavni A. Harutyunyan

Ph.D. in History,

Leading Researcher

Department of International Relations,

Institute of Oriental Studies,

National Academy of Sciences of Armenia

0019 Yerevan, Marshal Baghramian Ave., 24 /4

Republic of Armenia

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.02.2022

Одобрена после рецензирования:

20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 18.02.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Rewiew on: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p.

ISBN: 978-3-030-00397-5]

Рецензия: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p.

ISBN: 978-3-030-00397-5]

**Мартынов Дмитрий Евгеньевич¹,
Мартынова Юлия Александровна¹**

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

**Martynov D.E.¹,
Martynova Yu.A.¹**

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author: dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

УДК 94(510)+ 655.552 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-98-106](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-98-106)

АННОТАЦИЯ

Рецензия на монографию Филипа Скрэнтона.

Ключевые слова: История Китая, история бизнеса, Большой скачок, Культурная революция, Китайская Народная Республика.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p. ISBN: 978-3-030-00397-5] *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-98-106>

ABSTRACT

Review on Philip Scranton's monograph.

Keywords: Chinese history, business history, Great Leap Forward, Cultural Revolution, People's Republic of China.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A. Rewiew on: [Scranton P. Enterprise, Organization, and Technology in China: A Socialist Experiment, 1950–1971. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 395 p. ISBN: 978-3-030-00397-5] *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (2). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-98-106>

Рецензируемая монография профессора-эмерита Университета Ратгерс Филипа Скрэнтона¹ находится в исследовательском поле, которое почти неизвестно отечественной синологии — истории бизнеса. Данная проблематика, в известной степени, экзотична и для западной синологии, что иллюстрируется в выборе автором исследовательской тематики. Не случайно, что предисловие к книге начинается откровенным заявлением коллеги автора, что сочетание «коммунистический бизнес» — это оксюморон (р. V). Личностно окрашенное предисловие, принятое в англоязычной академической традиции, позволяет составить самое выгодное мнение об авторском подходе. Несмотря на то, что становление личности Ф. Скрэнтон пришлось на самый пик «Холодной войны», в условиях современной тотальной идеологизации он с успехом применяет функционалистский подход, особо оговаривая, что «немногие из читателей этого исследования имели опыт работы с предприятиями, основанными на социалистических экономических принципах». Поэтому он использует термин «бизнес» в широком значении, свободном от рыночного либерализма: «в КНР бизнес осуществлял те же функции, что

и на капиталистическом Западе — производством и продажей товаров, оказанием услуг, выплатой зарплат трудящимся, ведением бухгалтерии, эксплуатацией техники». Без всякой предвзятости Ф. Скрэнтон пишет, что «к началу 1970-х гг. КНР выстроила социалистическую систему производства, синхронизировала аграрное и промышленное развитие и создала инфраструктуру, либо отсутствовавшую, либо разрушенную по состоянию на 1949 г.». «Я надеюсь, что читатель обнаружит, что “коммунистический бизнес” — это действующий проект, а не противоречивое понятие» (р. V–VI). Более того, как удалось показать Ф. Скрэнтон, в Китае эпохи Мао социалистические предприятия были намного динамичнее, чем в СССР и Восточной Европе, больше были склонны к экспериментированию и творческому подходу, обычно, не ассоциируемому у западного читателя с Китаем (р. 5).

Ф. Скрэнтон откровенно признавал, что не владеет языками, и пользовался большим массивом данных, публикуемых на английском языке после 1949 г., американскими, британскими, австралийскими изданиями, а также

¹ Филип Скрэнтон (род. 1946), окончил Пенсильванский университет, защитив там же докторскую диссертацию в 1975 г. В 1984–1997 гг. работал в университете Ратгерса в Нью-Джерси, и состоял там же в 1999–2016 гг. профессором по департаменту истории промышленности и технологий Кэмпденского колледжа. Его авторству принадлежит 9 монографий и 45 научных статей, и разнообразные рецензии, информационные материалы, и проч. Специализировался на истории индустриализации США, чему было посвящено его исследование 1997 г. «Endless Novelty: Specialty Production and American Industrialization, 1865–1925», переводившееся на японский язык. В 2013 г. выпустил книгу «Reimagining Business History» (в соавторстве с Патриком Фриденсоном), в которой утверждал необходимость проверки высказанных теоретических постулатов на незападном материале. Также Ф. Скрэнтон входил в редколлегии ряда американских и британских изданий, специализирующихся на истории бизнеса. См.: URL <https://history.camden.rutgers.edu/about/faculty/philip-scranton/>

рассекреченными документами и отчётами ЦРУ (р. 383–384)².

Методологический подход весьма обстоятельно отражён в 16-страничном (включая ссыльный аппарат) введении. Оно начинается с констатации, что экспериментирование с самого начала было заложено в практику государства и экономики КНР от самого 1949 г. К тому же, из-за осуждения «Культурной революции» и «Банды четырёх» (но не маоизма как такового, несмотря на заявление Ф. Скрэнтон) западные обозреватели игнорируют прямую преемственность перемен 1950-х годов и позднейших. Максимальным по масштабу экспериментом в области государственного администрирования явился «Большой скачок». Реформы Дэн Сяопина, разворачиваемые после 1978 г., по мысли автора, также являются прямым продолжением практик 1950-х гг. (р. 1). Именно в этом контексте автор — историк экономики — задался вопросом о повседневном функционировании бизнеса в Новом Китае и возможности ускоренной индустриализации в условиях хронического безденежья Китая. Иными словами, это вопрос о формах инвестирования, маркетинга и технических инновациях, а также технологии принятия решений, стратегии преодоления китайской корпоративной рутины, нехватки грамотных рабочих и инженерно-

управленческих кадров (р. 2).

Ф. Скрэнтон констатирует, что опыт социалистического преобразования экономики в Китае несопоставим с опытом Польши, Венгрии и Чехословакии, поскольку перечисленные восточноевропейские страны выстроили современную индустриальную инфраструктуру ещё в 1930-е гг., которая была немыслима без эффективного государства, системы образования, и прочего. Внедрение сталинской командно-административной модели в условиях послевоенной разрухи способствовало скорейшему преодолению кризиса. Китай после народной революции 1949 г. должен был практически с нуля выстроить современную экономику и современную государственность при наличии более чем скудной ресурсной базы. Именно это, по мысли автора, и объясняет многолетнюю борьбу между элитами, проводящими экономические и внеэкономические методы при построении Нового Китая, а также постоянное институциональное отставание от экономической деятельности. Всё это наслаивалось на гигантские масштабы страны: к 1950 г. одна только провинция Гуандун была примерно равна Польше по территории, имея на 10 миллионов человек больше населения. Ситуация в сельском хозяйстве была катастрофической: на протяжении первой половины XX в. Китай

² Ф. Скрэнтон оценил и объём китайских источников, доступных ему в базе реферативных публикаций JPRS (Joint Publications Research Service): помимо партийного официоза (16 изданий), 44 технических журнала из КНР, два из Тайваня и четыре японских, всего около 130 000 документов. По состоянию на 1966 г. в КНР издавалось 137 журналов по технической и инженерной проблематике, и 65 журналов по сельскому хозяйству, издаваемых отраслевыми министерствами, институтами или высшими учебными заведениями, которые обеспечивали быстрый обмен опытом и пропаганду достижений. Например, журнал «Литейное производство» имел тираж от 6 до 7 тысяч экземпляров (р. 382–383).

последовательно пережил три величайших в истории голодовки, к которым добавились последствия Большого скачка — четвёртый по счёту великий голод (р. 2-3).

В числе прочих особенностей развития КНР в эпоху Мао Ф. Скрэнтон называл традиционный для Китая изоляционизм, впрочем, в превращенной форме. В его формулировке, после почти столетия иностранного вмешательства, и руководство, и население Китая не принимали никаких попыток внешнего манипулирования. Советско-китайский разрыв 1960 г., по мнению Ф. Скрэнтон, защитил Китай от «подрыва социализма с черного хода», в частности, накопления долгов перед капиталистическими институтами, что губительно сказалось на европейской экономике во время нефтяного кризиса 1970-х гг. (р. 4). Согласно наблюдениям Ф. Скрэнтон, «Культурная революция» сильно сказалась на промышленности и городской экономике, существенно подорвало капитальное строительство, но почти не сказалась на сельском хозяйстве. Более того, подорвав к началу 1970-х гг. централизованную систему управления экономикой через отраслевые министерства, «Культурная революция» стимулировала разнообразные формы частного бизнеса, не только на селе, но и в городах (р. 5). Четвёртая пятилетка, провозглашённая Чжоу Эньлаем на 1971 – 1975 гг., оказалась чрезвычайно импровизационной и экспериментальной для множества предприятий, обязанных быстро реагировать на разнообразные общественно-политические кампании, направляемые из Пекина. В результате, для китайских руководителей было привычно опро-

бовать нестандартные подходы на уровне отдельных коммун, городов и округов. Ситуация позволяла гораздо больше творческой свободы в жёстком согласовании потребностей и имеющихся ресурсов, чем в экономиках Восточной Европы, не говоря об СССР (р. 5).

Говоря о принципах своего исследования, Ф. Скрэнтон отмечает, что история бизнеса — это своеобразная дисциплина, главным предметом которой является «изучение успехов и неудач современной капиталистической системы, особенно частных корпораций как средства экономического роста» (р. 7). Историки бизнеса чаще всего занимаются историей конкретных фирм и корпораций, основываясь на их собственных архивах, а также патентной и судебной документации. Естественно, что при обращении к странам социалистического лагеря до 1990-х гг. аналогичные материалы западным экономистам не были доступны, а социологи и экономисты-советологи не занимались историческими исследованиями. Ф. Скрэнтон отмечал, что для англо-американских и даже японских историков бизнеса, серьёзным барьером, кроме языкового, при изучении социалистических реалий, являлось полное непонимание принципов функционирования социалистического общества. «Никакой борьбы за клиентов, вместо этого — назначенные государством заказчики; никакой борьбы за цены, поскольку цены устанавливаются [отраслевым] министерством; нет пробных партий для исследования рынка, вместо этого государство устанавливает квоты; нет фондового рынка и биржевой торговли, вместо этого — государственные капитальные формы

(без акционеров любых разновидностей); никакого распределения прибыли, поскольку излишки направляются в государственный бюджет, и лишь часть прибыли остаётся у предприятия. Нет угрозы банкротства как последствия неудач, вместо этого — государственная поддержка; отсутствует право уволить нерадивого или проблемного работника, так как фирма несёт обязательство обеспечить стопроцентную занятость, пусть и гарантированно раздувающей штаты и сокращающей материальные стимулы увеличить эффективность и производительность труда» (р. 8). Тем более молодые историки Запада не понимают роли парткома или кадровых работников главка, со всеми из которых следовало налаживать сложное взаимодействие и компромиссы. После распада социалистического лагеря было сильное искушение списать всё это на свалку истории, объявив «неудачей». Однако оказалось, что за пределами западного мира, в Бразилии или Южной Корее, успешно существуют государственные предприятия или семейные бизнес-группы, которые совершенно не укладываются в привычные (и приемлемые для Запада) нормы управленческой деятельности. Даже успехи КНР не слишком стимулировали англо-американских исследователей обращаться к годам правления Мао, что и взялся исправить автор (р. 9). Особо он отмечает, что для историка экономики и бизнеса нелегко не опираться на статистику, однако ряд либеральных исследователей настаивают, что китайская статистика носит сугубо пропагандистский характер, не отражая реалий. Судя по задействованным данным ЦРУ, китайская статистика тяготеет к приблизи-

тельности, и использовать её можно с осторожностью.

Архитектоника монографии сложна, отражая поставленные автором задачи. Текст разделён на две части, соответствующих хронологии: 1950–1961 гг. (т. е. до завершения «Большого скачка») и периода подготовки и проведения «Культурной революции» (1962 – 1971 гг.). Главы построены в соответствии с отраслями: сельское хозяйство, транспорт и строительство, торговля и промышленность.

Огромным достоинством работы является её конкретно-прикладной характер. Не являясь синологом, её автор не был скован многочисленными теоретическими конструкциями, основываясь на множестве единичных случаев, составляющих общее целое. Тем более примечательными являются его выводы. При простоте формулировке, важнейшая задача автора неподъемна — попытаться понять, на чём выстраивался последующий экономический успех Дэн Сяопина и его преемников. Ф. Скрэнтон даже не обсуждает факта, что он был заложен именно во времена Мао. Традиционно сложилась точка зрения (свойственная и советским исследователям), что в годы Культурной революции Китай погрузился в хаос, транспорт и производство были полностью дезорганизованы. В известной степени это соответствует действительности, особенно для 1966–1967 гг., однако, как известно, «понять — значит упростить». Уцелевшие после хунвэйбиновских погромов министерства были вынуждены всемерно поощрять свободу действий конкретных предприятий на местном уровне, в соответствии

с обстоятельствами и потребностями населения. Поощрялись и разнообразные мелкие производства, что укладывалось в общую доктрину местной самодостаточности и опоры на собственные силы. Даже к 1974 г. плановые органы КНР оставались без постоянного руководства, однако это не мешало повседневному функционированию экономики — фабрики и коммуны работали, рис доставлялся и распределялся, проводились необходимые финансовые операции, в соответствии с порядком, который сложился за первые 17 лет существования социалистической экономики КНР. Исследования, проводимые ЦРУ в 1970-е гг., зафиксировали устойчивый, хотя и неравномерный экономический рост, более того, промышленное производство за 1968–1974 гг. удвоилось, соответственно, при расчёте ВВП после 1969 г. последовал существенный подъём (р. 377–378). В отчетах ЦРУ, подготовленных к государственному визиту Р. Никсона в Пекин, зафиксировано, что 1972 г. был уже третьим годом устойчивого индустриального развития, хотя сельское хозяйство по-прежнему зависело от урожайности, и развивалось неравномерно. Однако анализ экспортно-импортных операций КНР с продовольствием также вполне показателен. Напротив, в 1976 г., когда скончался Мао Цзэдун, промышленный рост был устойчивым, но наступила стагнация на селе, компенсированная накоплением запасов. Таким образом, именно болезненно воспринимаемые за пределами Китая эксперименты эпохи Мао «расчистили путь» гораздо более радикальным реформам Дэн Сяопина (р. 379). Изучение конкретной экономической реальности в рамках

длинного экономического цикла показывает, что Культурная революция замедлила, но не остановила экономического роста КНР, и даже развития предпринимательства (р. 363).

Если выйти за пределы выводов общего характера, практически на каждой странице монографии непредубеждённый читатель будет делать открытия. Одной из бед нашего исторического образования (тем более в синологическом преломлении) является комплексный подход к изучаемой эпохе, когда разбираемые тенденции не сопровождаются конкретными примерами (не в этом ли большая популярность case studies в последнее время?). Для наглядности прореферируем страницы, посвящённые механизации сельского хозяйства Китая в период после преодоления последствий Большого скачка.

Зимой 1963 г. в уезде Гаохэ провинции Гуандун на складах скопилось 30 000 мотыг, невостребованных крестьянами. Из этого бюро планирования сделало вывод, что крестьяне должным образом снабжены инвентарём. Однако журналисты обнаружили, что на местном рынке пользуются спросом мотыги, произведённые сельским предприятием Дунфэн. Накуне посевных работ старый крестьянин из производственной бригады Хашань Даюаньской коммуны съездил на это предприятие на велосипеде (на дистанцию 10 км), чтобы купить себе две мотыги. Расследование показало, что только в Хэшуйской коммуне потребность в мотыгах составляла 1500 единиц, причём на местном розничном складе имелось 1700 мотыг, но они негодились, вынуждая крестьян

отправляться в соседний уезд. Эта коммуна располагалась в холмистой местности, где плодородный слой на песчаной почве был очень тонким, поэтому годились мотыги только определённой формы, так называемых «хэшуйских». У них была широкая и слегка изогнутая рабочая часть весом 2,5 цзиня, т.е. 1,25 кг, а на складе были только мотыги «цзянмэньского» типа с узкой рабочей частью и весом до 2 кг. Таких мотыг в январе было продано только 38 шт., и ни одной в феврале. Дальнейшее журналистское расследование показало, что из имевшихся на складах 30 000 мотыг 7000 были списаны как бракованные, а прочие оказались низкокачественными. Истоки этой ситуации коренились в реформе 1961 г., когда разрешение на приусадебные участки стимулировало спрос на сельскохозяйственные инструменты. Власти коммуны организовали поставки мотыг из уездов Фошань и Цзянмэнь, не спрашивая у крестьян. Спустя два года запасы были пополнены, но при этом власти коммуны вновь не поинтересовались потребностями своих работников (р. 176–177).

Подобного рода казусы иллюстрируют массовое использование традиционного ручного труда в коллективизированной китайской деревне. Однако в те же годы и позднее активно пропагандировалась механизация, доступная в более богатых уездах и коммунах. Механизация на рисовом китайском Юге имела свою специфику. До пуска Лоянского тракторного завода в 1958 г., в Китае были только импортные тракторы, преимущественно, советские. Однако выясняется, что сельские мастерские в Тяньцзине, Шэньяне, Аньшане, Наньчане

и Ухане разработали более 200 разновидностей мотоблоков, пригодных для работы на затопляемых рисовых полях, террасах и традиционных для сельского Китая мелких участках. Большинство указанных разработок не пошли в серийное производство, так как требовали топлива, запчастей и минимальной технической грамотности. Однако некоторые модели, как сообщает Ф. Скрэнтон, производятся и используются в Китае по сей день. Стандартными стали и лицензионные копии советских тракторов «Лоян-54» и «Лоян-75», у которых 90% деталей были взаимозаменяемыми. Однако большой «Лоян» стоил около 20 000 юаней (12 000 долларов США), а производимый в Наньчане мотоблок «№7» всего 3500 юаней (1400 долларов), при том, что был пригоден как для сухих, так и поливных полей. На всекитайском совещании по сельскому хозяйству 1962 г. мотоблок активно пропагандировался и его чертежи и спецификации активно рассылались по уездным мастерским, в результате опытное производство было до 1964 г. налажено в Шанхае, Шэньяне, Ухане, Фучжоу и Чанчжоу. Широко применялась и кооперация, когда один завод поставлял дизели, второй — шасси и производил сборку. Мотоблок №7 был пригоден для плуга, культиваторов, рытья канав, молотыбы и работы водоподъёмных насосов. Одна из шанхайских производственных бригад опытным путём установила, что один мотоблок №7 сэкономял 3000 человеко-дней ручного труда за один только летне-осенний сезон. Эксплуатационные расходы на 1 му (666 кв. м.) были сопоставимы с содержанием упряжки тягловых животных, однако при должном техническом

обслуживании мотоблок обладал большей производительностью. Деревенские молодые люди учились управлению мотоблоком примерно за месяц, а через год практики были способны обеспечить техническое обслуживание и ремонт. В массовое производство мотоблок пошёл в 1964 г., и был достаточно прост для небольших провинциальных заводов и мастерских. Всего за восемь месяцев 1965 г. выпуск мотоблока данной модели увеличился пять с половиной раз. В том же году в КНР имелось 130 000 тракторов, из которых примерно 40 тысяч принадлежали народным коммунам, 80 тысяч обслуживали производственные бригады на базе МТС (машинно-тракторных станций), заимствованных из советского опыта. Прочие 10 000 машин числились за разнообразными организациями, включая кооперативы, научно-исследовательские институты, и так далее. Это позволяло механизировать обработку примерно 10% пахотных земель в стране (р. 178–179).

Подобного рода примеры можно цитировать десятками страниц. Мы надеемся, что читатели составили представление о ёмком содержании и фундаментальных выводах, сделанных Ф. Скрэнтоном. Разумеется, мы отдаём себе отчет, что в некотором смысле эта книга для современной синологии США уникальна, лишней раз доказывая, что у старой школы «есть порох в пороховницах». Для российского читателя монография также содержит массу полезного. В первую очередь, это лишнее напоминание о том, что безосновательно отвергаемый в течение двух десятков лет советский опыт и гигантский фонд монографических исследований и переводов по аналогичной тема-

тике практически не востребован, и ждёт молодых исследователей. Оцифровка документов и малотиражных периодических изданий тем более облегчает работу исследователя, которому мешают как политические, так и всевозможные иные факторы, вспомним, хотя бы, до конца не преодоленную короновирусную эпидемию. Не менее поучительно и то, что следует безэмоционально подходить к тем реалиям прошлого, которые для современников могли быть травмой и трагедией (наследие Культурной революции в современном Китае вызывает не меньшие страсти, чем для нас общее советское прошлое). Для людей прошлого — это реальность, которую изменить было невозможно, но в которой приходилось жить и продолжать передачу собственного уникального опыта следующим поколениям. Между тем «в скучных разговорах о людях прошлого сокрыты тайны их великих свершений». Уверенно двигаться в будущее можно, только владея историческим опытом и от простого припоминания переходя к пониманию.

Сведения об авторах

Профессор, доктор исторических наук

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

Кафедра алтаистики и китаеведения

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет

42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18 Россия

Доцент, кандидат исторических наук

Мартынова Юлия Александровна

Кафедра алтаистики и китаеведения

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18 Россия

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Information about the Authors

Professor, Doctor of Historical Sciences

Martynov Dmitry Evgenievich

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University 420008, Kazan,

Kremlyovskaya str., 18

Russia

Associate Professor, PhD

Martynova Yulia Alexandrovna

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University 420008, Kazan,

Kremlyovskaya str., 18

Russia

Email: dmitrymartynov80@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.04.2022

Одобрена после рецензирования: 20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 15.04.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Religious syncretism of the san jiao concept in the artistic
expression of Feng Menlong

Религиозный синкретизм концепции сань цзяо в художественной
интерпретации Фэн Мэнлуна

*Смирнова Анастасия Алексеевна,
Мухаметзянов Рустем Равилевич*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
yaanastasia.sm@gmail.com*

*Anastasiya A. Smirnova,
Rustem R. Mukhametzyanov*

*Kazan (Volga region) Federal University
yaanastasia.sm@gmail.com*

УДК 291.16 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-107-117](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-107-117)

АННОТАЦИЯ

Статья направлена на исследование феномена трех учений и их роли в формировании духовной жизни средневекового Китая. Автором была сделана попытка проанализировать механизмы реализации концепции сань цзяо на примере романа Фэн Мэнлуна и Ло Гуаньчжун «Развеянные чары». В результате исследования были выявлены схожие и отличные черты учений и доказана их ценность в формировании основ китайского миропонимания.

Ключевые слова: Китай, философия, религия, синкретизм, литература, лисы, Фэн Мэнлун

Для цитирования: Смирнова А.А., Мухаметзянов Р.Р. Религиозный синкретизм концепции сань цзяо в художественной интерпретации Фэн Мэнлуна. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-107-117>

ABSTRACT

The article is aimed at research the phenomenon of the three doctrines and their role in formation the spiritual life of medieval China. The author made an attempt to analyze enablers of san jiao concept using the example of the novel by Feng Menglong and Loanzhong "Dispel Magic". Due to research similar and different features of the doctrines were brought out and their value in the formation of the foundations of the Chinese worldview was proved.

Keywords: China, philosophy, religion, syncretism, literature, foxes, Feng Menlong.

For citation: Smirnova A.A., Mukhametzyanov R.R. Religious syncretism of the san jiao concept in the artistic expression of Feng Manglong. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4(2). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-107-117>

Китайская культура невероятно многогранна. Она базируется на многовековой истории китайского государства, пережившего свои взлеты и падения и сформировавшего особенный восточный колорит, который не только стал культурной базой для соседних государств, но и дал нам возможность видеть Китай таким, каким он есть в наше время.

Религия и философия в данном вопросе сыграли если не ключевую, то одну из таковых ролей. Существовавшие в Китае философско-религиозные учения сформировали содержательную особенность и специфику функционирования духовной и моральной сфер бытия китайского государства. Сами учения непрерывно изменялись, трансформировались, эволюционировали, формируясь в более сложные системы. В Средние века в Китае укрепились конфуцианство, даосизм и буддизм. Последнее появилось в Китае в начале нашей эры и не было похоже ни на одно из существовавших течений. Однако буддизм умело адаптировался и стал частью концепции Трех учений сань цзяо (三教). Сформировавшийся подобным образом уклад отразился во многих литературных произведениях и его смело можно назвать религиозным синкретизмом.

Термин «религиозный синкретизм» употребляется в трех значениях и освещает различные феномены. «Во-первых, синкретизм — это характеристика специфической нерасчлененности первобытного сознания. Во-вторых, синкретизм — это результат взаимодействия религий различного уровня с образованием новой системы верований и культа, распростиравшейся в некой естественноисториче-

ской общности людей. В-третьих, синкретизм представляет собой культурный эффект эпохи глобализации и постмодернизации — произвольное хаотичное смешение фрагментов множества религиозных форм, субъектом которого выступает индивид» [Беляева, 2008, С. 21].

Синкретизм в Китае представляет именно взаимодействие различных верований, и более того, является отличительной чертой китайской цивилизации. Три философско-религиозных течения: конфуцианство, даосизм и буддизм претерпели длительный многовековой процесс сближения, постепенно занимая свои ниши в различных областях человеческого бытия. Конфуцианство не занималось чувственным познанием, оно стремилось к возрождению гармонии в мире путем обращения к древнему ритуалу, регламентировало все сферы общественной жизни, а конфуцианские труды направлены на решение политико-философских вопросов и «воспитание» общественного порядка.

Конфуцианские концепты присутствовали практически во всех художественных произведениях и отражались не только в сфере художественного слова, однако даосизм и буддизм сыграли не меньшую роль в формировании основ китайской культуры. Эти учения в системе религиозного синкретизма были обращены к сфере чувств, компенсируя своими доктринами рациональность конфуцианства. Даосизм не был цельным учением, пропагандирующим единственно верные принципы земного существования, оно делилось на различные течения, однако их доктрины были обращены к общей цели, к познанию мудрости и слиянию с Абсолютом. Но поскольку рационально познать

несуществующее невозможно, они стремились слиться с первоосновой жизни, активно прибегая к всевозможным алхимическим и физическим практикам. Китайский буддизм не противоречил принципам других учений, а наоборот, дополнял их, в своих концепциях поддерживая иллюзорность светлого будущего после смерти.

Синкретическая система складывалась прежде всего на нижнем уровне в рамках народных верований. Среди малообразованного населения три учения не представляли собой три религиозно-философских течения, обращающихся к различным сферам нашей жизни, а были неким единством. Крестьянство и малограмотные горожане не заботились о познании их доктрин, а рассматривали религию исключительно с практической стороны, как возможность обратиться к мистическим неземным духам, которые даруют им шанс на счастливую жизнь.

В Китае в принципе не существовала привязанности в какой-то религиозной традиции, они смотрели на эти вещи с практической стороны, воспринимали отдельные высшие силы не как представителя даосского или буддийского пантеона, а как конкретного персонажа, который выполняет определенные архетипические функции. Поэтому обращаясь, например, к Бодхисаттве Авалокитешваре, китайцы воспринимали его не как представителя буддийского пантеона, а как божество, способное защитить от невзгод и даровать семейное благополучие.

Вся история китайской философии и религии пронизана синтезом и влиянием одних школ и течений на другие, но концепция сань

цзяо не является дебютом китайского религиозного синкретизма. Первые взаимодействия можно наблюдать еще в древнем Китае, во времена «Соперничества ста школ» (百家争鸣 бай цзя чжэн мин). Сыма Цянь в своем труде «Исторические записки» (史记 ши цзи) подробно описывает шесть крупнейших философско-религиозных школ и дает нам возможность ознакомиться с их характеристикой. Конечно, он — не единственный, чье внимание привлекло одновременное существование нескольких сильных учений. Бань Гу в «Истории династии Хань» (汉书 ханьшу) дает весьма интересную трактовку сосуществования философско-религиозных школ во взаимодействии и взаимной трансформации: «Всех философов насчитывается сто восемьдесят девять, их сочинения насчитывают тысячу четыреста тридцать четыре главы. ... Хотя каждая из школ учила по своему, и они, похоже, уничтожали одна другую, как вода и огонь, но в то же время они и порождали одна другую; человеколюбие и долг, почтительность и гармония противоречили друг другу, но в то же время поддерживали друг друга» [1].

Но именно концепция сань цзяо является главенствующим примером китайского религиозного синкретизма. Сформировавшись во II–IV веке, как комплекс представлений конфуцианства, даосизма и буддизма, эта концепция не была предметом серьезного осмысления. В то время к ней чаще всего прибегали апологеты буддизма, стремящиеся показать сходство учения Шакьямуни с традиционной китайской философской мыслью и доказать его

состоятельность в системе китайских учений. Позднее концепция сань цзяо стала предметом многочисленных споров в ученой среде. Главный вопрос стоял в том: дополняют они друг друга или же представляют собой три независимых учения.

С одной стороны, китайский синкретизм характеризовался глубоким сущностным взаимопроникновением учений на уровне государственной идеологии, популярных верований и личных мировоззренческих позиций представителей образованной элиты [Зельницкий, 2006, С. 9], однако стоит вспомнить, что большинство дошедших до нас трудов были написаны убежденными конфуцианцами, и даже рассуждая о даосско-буддийских доктринах, они, так или иначе, отражали конфуцианское мировосприятие. Наиболее показательным взаимодействием даосизма и буддизма, поскольку принадлежность авторов к чиновничьей конфуцианской общности неизбежно проявлялась в их произведениях в виде характерных для конфуцианства тем. Например, в простонародной прозе часто комично были представлены работа бюрократической системы, высмеивались действия чиновников и правителей, которые, по мнению автора, приводили к «Крушению Великого Мира» [Фэн, Ло, 1983, С. 13].

С другой стороны, рассматривать конфуцианство, даосизм и буддизм, как абсолютно независимые учения также не правомерно, как считать их единой религией. Ведь, действительно, «общее представление о законах мироздания прекрасно соединяют конфуцианство и даосизм в единую философскую общность, лишенную внутренних противоречий и объяс-

няющих разные аспекты соотношения человека и Космоса, социальный и личностный соответственно. Включение в данную синтагму буддизма как учения о воздаянии, о перерождении души и вообще о возможности бессмертия сознания, никак не связанного с ритуалами почитания предков, представляется логичным и также непротиворечивым» [Сторожук, 2010, С. 410]. Однако это «включение» не подразумевает объединение религиозных взглядов под одним учением или смешение их концепций, а лишь означает принцип восприятия этих учений как трех взаимодополняющих частей миропонимания. Подобное толкование системы Трех учений можно изобразить как круг, представляющий мировосприятие, и три неравных сектора внутри него, обозначающие конфуцианство, даосизм и буддизм. Части не могут быть равными, поскольку они играют разные роли в жизни каждого китайца, однако в сумме образуют целостное восприятие мира. В таком случае, мы можем образно представить, что учения все-таки различны, они не являются единым целым. В разные периоды в зависимости от ситуации мы можем обращаться к какому-либо из учений и познавать мир с различных сторон [Сторожук, 2010, С. 114]. Подобный принцип толкования сань цзяо встречается не только в литературных произведениях, но и в других сферах искусства.

Так, например, идеи нашли свое отражение в изобразительном искусстве. На картине «Изображение трех кислот» (三酸图 сань суань ту), отражены различия между Тремя учениями, однако картина позволяет нам не просто выявить различия, но и увидеть различные

способы восприятия сущего мира. Три мудреца заняты общим делом, они заинтересованы в познании мира, видят они его [мир] одинаково, однако воспринимают совершенно в разных формах. На картине изображаются конфуцианец, даос и буддист, окружившие чан с уксусом и пробуящие его на вкус. Выражение лиц старцев позволяет нам говорить о том, что они по-разному оценили вкус уксуса. Конфуцианцу он показался кислым, буддисту — сладким, а даосу — горьким. Для конфуцианца он оказался кислым, потому что такова жизнь, и изменить ее можно лишь посредством воспитания. Буддисты считают жизнь чередой страданий, поэтому и уксус показался мудрецу горьким. Только даосы считают жизнь изначально совершенной, сладкой на вкус, как и уксус в чане.

С особым символизмом и трепетом концепции конфуцианства, даосизма и буддизма говорят о музыкальных звучаниях, демонстрируя особенности своих концепций в такой же степени, как в литературе, иероглифике или художественном слове. «Отсутствие возможности рационально постигнуть Высший Закон отнюдь не означает невозможности осознанно приобщиться к некоторым его частным проявлениям» [Сторожук, 2010, С. 425]. Конфуцианство, ориентируясь на древний ритуал, придавало музыкальный аспект четкой регламентации так же, как и литературный. Музыка занимала исключительно воспитательную и идейно-политическую функцию. Даосские мистические заклинания тоже были подвержены регламентации, основанной на космогонических и натурфилософских принципах, что позволяет нам говорить о системности и логичности по-

строений даосских магических практик. Подход буддистов весьма схож с подходами описанных ранее учений. Несмотря на то, что слово, нота, как и все рациональное — это лишь проводник к истинному познанию, буддисты с большим почтением относились к музыкальному искусству. В пример можно привести особенную символичность такого музыкального инструмента, как лютя пипа, которую в своих руках держит один из локапал, стражей мира. Лютя в данном случае выступает как оружие для буддистов направленное на тех, кто представляет опасность буддийскому учению.

Средневековье — это сложный и порой противоречивый период не только для Китая, но и для Европы, социальное беспокойство было особенно характерно для XV-XVII вековой истории. Не стоит удивляться, что именно в этот временной промежуток, на стыке временных периодов, во время всевозможных волнений проявляется множество талантливых, амбициозных деятелей, таких как Лютер, Монтень, Ван Янмин, Фэн Мэнлун и появляются новые явления, которые ранее были необычны, однако сейчас приобретают популярность и вызывают интерес у широкого круга общест-венности. В это время своего апогея достигает концепция Трех учений сань цзяо, конфуцианство укрепилось как основная государственная идеология, а буддизм и даосизм в тесной взаимосвязи формировали философско-религиозную систему и народную мысль, которая отразилась во многих прозаических произведениях, для которых минский период стал золотым временем. Отдельное выделение конфуцианской сюжетной линии неправомерно и, скорее всего, эта

задача является невыполнимой, поскольку часто авторы были выходцами из чиновничьей среды, были приверженцами конфуцианского учения. В этом случае даже работая с даосскими или буддийскими концептами в своих произведениях, писатели зачастую затрагивали конфуцианские постулаты, которые прослеживались красной нитью на протяжении всего труда.

Конфуцианский идеологический аспект замечен и в романе Фэн Мэнлуна и Ло Гуаньчжуна «Развеянные чары» и выражается в высмеивании пороков «правителей-лихоимцев» и «казнокрадов». Несмотря на то, что сам роман фантастический, в нем отражены совершенно реальные исторические личности и события. Например, одна из основных сюжетных линий, повествующая читателю о противостоянии имперской власти и мятежников во главе с Ван Цзэ, действительно, имела место быть в историческом прошлом Китая, а неоднократно упоминающийся округ Бейчжоу на самом деле славился своими многочисленными крестьянскими восстаниями.

Автор критически относится к государственной системе, показывая это в историях своих героев. Так, господин Лю Чжицин в романе обличил пороки министра Ли Линьфу после чего был вынужден оставить свой пост на государственной службе. Подобные сценарии повторялись неоднократно на протяжении всего произведения, эти отсылки являются прямым выступлением против китайских сановников, чьи действия, приводили страну к состоянию разорения и вели к экономическому упадку.

Серьезные социально-политические явления скрыты под фантастическим началом злых

сил. Поэтому проблематика разворачивается в двух мирах: реальном и чудесном. Хитрые государственные деятели представлены как злые силы, и в образе демонов-лисиц они приносят смуту в мир. Отображены и картины городской жизни, а также описаны судебные процессы и процедуры административного делопроизводства, что также является влиянием исключительно конфуцианских положений. Но все же главное место в романе занимают именно волшебные сюжеты, отражающие искусство магии, алхимии, сформировавшиеся не без влияния даосско-буддийских концептов.

Понятие «даосизм» довольно многогранно, в разные периоды Средневековья даосами называли и ярых последователей религии, и отшельников, и алхимиков, и даже чиновников-конфуцианцев, которые после службы любили приобщиться к плавлению киновари. Влияние даосских убеждений в романе «Развеянные чары» неопровержимо, учение выражается в магии, мантике, колдовстве, а также в описании даоса-наставника, как последователя учения, воплощающего в себе естественность и невозмутимость духа, щедро награждающего своих учеников просветленностью к истинному знанию природы вещей.

Наши главные герои: старая лиса, ее распутный сын и кокетливая дочь постоянно сталкиваются с ситуациями, которые им тем или иным способом помогают решить даосские наставники. Например, лис-оборотень Хромой был подстрелен охотником во время своего превращения, рана его была настолько сильная, а боль настолько невыносима, что его заботливая мать — Старая лиса — направилась

к самому известному лекарю Яню Три Точки за помощью. Лекарь же был не простым, когда-то он принял учение у даосского наставника и поэтому мог не просто по пульсу определить болезнь стоящего перед ним пациента, но и почувствовать недуги его близких и дальних родственников. Янь Бэньжэнь не побоялся демонической сущности Старой лисы и выдал её сыну необходимые лекарства, тем самым поставив его на ноги.

Еще один пример является одновременно главной темой одной из сюжетных линий романа. Лекарь Янь поведал Старой лисе о возможности навсегда избавиться от звериного облика, но для этого ее семейству нужно было найти даосского монаха, который поможет им в этой проблеме. Впрочем, лисье семейство, не колеблясь, направилось в странствие в поисках своего наставника, не сомневаясь в своем решении, они были уверены, что даос избавит их от лисиного хвоста, на пути им также помогают последователи даосского учения, угощая горячей пищей и сладким вином в теплых павильонах местных храмов.

Но не только лисицам в романе удастся встретиться с даосскими наставниками и стать их учениками. Даосы милостивы и добры, постигнув истину, они не скрывают эту возможность от простых людей, а наоборот, рады поделиться своими знаниями, но не напрямую демонстрируя методы познания, а как бы открывая занавес и позволяя ученикам самим постичь Абсолют. Так случилось и с господином Чжан Дапэном. В раннем детстве он потерял родителей, тяжело заболел, и его учитель бросил его одного. К счастью малыш Чжан случайно

встретился с даосским наставником, который не просто вылечил его, но и научил магическим умениям повелевания духами и демонами. В будущем уже сам господин Чжан стал наставником и помогал ищущим обрести знание.

Кроме этого даосские взгляды прослеживаются в произведении в магии и мантике. В классическом понимании даосизма магия часто представляет собой гадательные обряды, к которым прибегали китайцы в обыденной жизни. Гадатели в этом случае не имели злонамерений, они ставили перед собой цель узнать будущее, чтобы быть к нему готовыми, или им было необходимо изгнать злых духов. Наши же главные герои — лисы — не желали быть прощателями, они сами были демонами и хотели подобно Небесным божествам вершить своё будущее, но изначально неправильно истолковывая смысл небесной книги, учинили множество бед, которые привели к противостоянию имперской власти и мятежников. Лисы проделали множество бесовских магических пакостей, так они с легкостью взращивали армию воинов для Ван Цзэ из простых бобов, призывали демонические силы для борьбы против имперского войска, затуманивали разум людей.

Но самым известным магом в произведении стал Фын Цзинъянь. «Фын Цзинъянь обладал удивительными способностями. Если ему необходимо было околдовать какого-либо человека, он сооружал в потайном месте жертвенный алтарь, чертил перед ним большой круг, внутри него ставил фарфоровый кувшин, писал на бумажке имя жертвы и ее гороскоп и, опустив бумажку в кувшин, произносил заклинание. И вот на третий, пятый или седьмой день

являлась душа жертвы в виде человечка крохотного росточка. Как только она переступала черту заколдованного круга, Фын Цзинъянь властной дщицей повелевал ей войти в кувшин, наглухо запечатывал его, и околдованный в тот же момент умирал» [Фэн, Ло, 1983, С. 136], — подобным образом он пытался убить хэшана Яйцо, но сила хэшана была невероятна, поэтому господина Фына сиюминутно настигла расправа.

Подобные сюжеты о воздаянии занимают значительное место во многих средневековых произведениях. Интерес к данной теме, действительно, велик, ведь, проникнув в китайскую традиционную систему верований, буддийские концепты стали не чем иным, как новым взглядом на философию жизни после смерти.

Очень долго в Китае существовала идея множественности душ. Душ насчитывалось десять, вместе с этим существовали два духа и духи в органах. После смерти иньские души распадались в эфире, янские души тоже разделялись: одна оставалась на месте погребения, другая уходила в табличку предков, третья — к желтым источникам. Подобный принцип существовал очень долго, однако был несовершенен и порождал ряд спорных вопросов, таких как привязка к месту смерти, виду смерти и отсутствие представления о загробных мытарствах. Буддизм дал ответ на эти вопросы.

Кармическая информация, которая в представлении буддийских философов являлась главным элементом на пути к перерождению, в китайских простонародных верованиях стала именоваться просто «душа», и понимание множественности душ было объединено. Однако говорить о душе, как об элементе целостном

и неделимом ошибочно, при погребении впереди гроба в Старом Китае специально несли изображение бога Кайлу-шэня, чтобы очистить могилу от злых сил, значит, часть души все-таки оставалась в могиле. Термин «душа» в простонародных верованиях становится некой особенной сущностью, не сводимой к положениям ни одной из породивших ее философских систем и выражающийся каждый раз в новых конкретных формах в зависимости от ситуативных особенностей.

Данный парадокс, совмещающий в себе признание буддийских потусторонних мытарств и существование культа предков, является ярким образцом даосско-буддийского синтеза, когда из сложной буддийской метафизики берется только сам принцип переселения душ, получая совершенно иное наполнение, как с точки зрения буддизма, так и с точки зрения существовавших прежде китайских представлений о душе.

Принципы воздаяния и перерождения являются основополагающими в буддийской философии и позволяют нам иначе взглянуть на таинственность загробного существования. Необходимо отметить, что под понятием «воздаяние» вовсе не всегда понимается негативное последствие человеческих деяний, если человек или какое-либо существо — в нашем случае лисы-оборотни — живут благотворно, не совершают омрачающих их карму поступков, то они, безусловно, получают вознаграждение в виде счастливых происшествий или даже лучшего перерождения.

Примечательно то, что рождение в новой жизни и существование последствий прошлой

понимается как само собой разумеющаяся взаимосвязь, принципы воздаяния и перерождения тесно связаны между собой и являются взаимообусловленными. Говоря о благоприятных последствиях перерождения, можно обратиться к примеру перерождения императрицы У Цзэтянь. В данном случае мы видим неоднозначное отношение автора к императрице (как на страницах романа, так и в проекции на ее государственную деятельность). С одной стороны, заметна положительная оценка императрицы У, как героини и управленца, ведь через сотни лет она переродилась в образе мужчины, что является наградой за прошлую жизнь, поскольку в череде перерождений мужчина всегда стоял выше женщины. Но с другой стороны, мы знаем, что императрица У, будучи успешной правительницей, была склонна к интригам и любовным похождениям. В романе за это она претерпевает негативные последствия, что выражается в разрывании ее могилы мятежниками Хуан Чао.

Отдельного внимания в данном вопросе заслуживают наши главные герои, они проживают несколько жизней, поэтому сюжетная линия сложна для понимания. Однако именно так автор позволяет нам прочувствовать идею неизбежности воздаяния. Китайцы издавна относились к лисам неоднозначно, они боялись встретить лицо и попасть под ее «чары», делали амулеты для защиты и находились в страхе перед этим демоном. Но с другой стороны, китайцы не просто ее боялись, но почитали и восхищались. Они приносили им жертвы, возводили жертвенники, ведь они были настолько могущественны, что могли властвовать над тай-

нами мира. В романе их натура тоже довольно неопределенна.

Порой кажется, что лисы в романе добры, в особенности, это заметно в поведении Святой тетушки, однажды она даже была представлена как дух-покровитель округа. «Спускаюсь я в колодец, а воды там нет. Гляжу — передо мной дорожка. Пошел по ней и вижу, впереди высится дворец. Выходит из дворца служанка и приглашает войти. Я вошел в зал. Там меня встретила бессмертная небожительница и сказала, что она дух-покровитель округа. Затем дала мне эту вещь, велела передать вам, а разворачивать не позволила» [Фэн, Ло, 1983, С. 243]. Она обучила хэшана Яйцо тому, как истолковать Небесную книгу, спасла семью Юньэр от голодной смерти, а потом и саму девушку приютила и обучила колдовству, щедро одаривала подарками гостей своего дома и даже спасла от смерти торговца Бу Ци, даровав ему треножник для правителя округа, приносящий богатство и знатность. Однако разобравшись в хитросплетениях перерождений наших героев, мы можем отметить, что Святая тетушка помогала своему сыну, дочери и брату из прошлой жизни, она отвечала добром на добро, но изначально неправильно истолковав смысл небесной книги, учинила множество бед, которые привели к вооруженному восстанию.

Святая тетушка невероятно могущественна, она общается с небожителями, и сама знакома с тайнами мироздания. Она знает, кто является ее родственником, а кто был им в прошлой жизни. Сама она так же находится не в своём истинном облике, когда-то она была связана с небесной лисой и Бодхисаттвой, её брат в настоящей жизни живет жизнью хэшана Яйцо,

а дочь Юнъэр в настоящем выходит замуж за императрицу У в прошлой.

Образ красавицы дочери старой лисы схож с образом лисицы-обольстительницы А-Цзы, о которой Гань Бао писал в «Записках о поисках духов» (搜神記 соу шэнь цзи). «Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и собак, скрылся. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Мог только бормотать: «А-Цзы!» [Гань Бао, 1994, С. 115]. Юнъэр подобно А-Цзы проникла в сознание даоса Цзя, но он не мог добиться ее расположения, от чего и умер.

Всех наших героев, которые посеяли раздор в мире, ждет расплата за содеянное. Святая тетушка, которая ранее более всего мечтала изучать Небесную книгу, получила желаемое. Белую обезьяну, охранявшую Книгу исполнения желаний, оправдали за помощь в поимке демонов и возвратили на небеса, а старую лису заточили в скале остерегать сокровище. Юнъэр за коварство было суждено выйти замуж за глупца, а за свое распутство она поплатилась жизнью. Ее брат – Хромой, который также отличался сладострастием, был пойман небесной девой с помощью волшебного зеркала, и, будучи пораженный молнией, оказался в вечном адовом огне.

Подводя итог, можно уверенно утверждать, что каждое из Трех учений сыграло важную роль в формировании основ художественной литературы средневекового периода; философские категории всех учений: и конфуцианства, и даосизма, и буддизма, — отразились

в романе «Развеянные чары» в виде различных по нраву литературных героев и их столь же различным образе жизни.

Религиозные представления китайцев отличаются исключительной сложностью и запутанностью. Конфуцианство, как политическое и морально-этическое учение, составляет официальную идеологию, основу его концепций составляет роль ритуала. Две другие школы в большей степени формировали народную мысль, которая отразилась в простонародных культах. Сформированные на основе даосских идей сюжеты разнообразны, наиболее привлекательны для авторов истории о магических и телесных практиках. Буддийские концепты в большей степени отражены в виде рассказов о кармическом воздаянии и перерождении.

Конфуцианство, даосизм и буддизм соединяются в целостную систему и воплощаются в романе Фэн Мэнлуна в едином сюжете, часто находя отражение философских принципов в концепциях «ближнего» учения. Подобное объединение мы именуем «религиозный синкретизм», основой которого является философско-религиозный синтез.

Список литературы

1. Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма. Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и социальных наук. 2008; № 4, С. 21-27.
2. Бань Гу. История династии Хань, гл. 30. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Ban_Gu/Kit_filosof/text2.phtml (дата обращения: 08.06.2022).

3. Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае. СПб.: СПбГУ, 2006. 146 с.
4. Фэн Мэнлун, Ло Гуаньчжун. Развешенные чары. / Пер. с кит. В. Панасюка; Вступ. статья и комм. Д. Воскресенского. М.: Художественная литература, 1983. 440 с.
5. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Берест», 2010. 552 с.
6. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Перевод Л.Н.Меньшикова. С-Пб.: Петербургское Востоковедение, 1994. 384 с.
6. Gan Bao Notes on the search for spirits. Transl. by L.N.Menshikov. S-Pb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994. 384 p. (in Russ.)

References

1. Belyaeva E.V. Historical types of religious syncretism. Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh i social'nykh nauk. 2008; № 4, P. 21-27. (in Russ.)
2. Ban Gu. History of the Han Dynasty, ch. 30. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Ban_Gu/Kit_filosof/text2.phtml (date of access: 08.06.2022) (in Russ.)
3. Zelnickij A.D. Forms of "religious syncretism" in China. SPb.: SPbGU, 2006. 146 p. (in Russ.)
4. Fen Menlong, Luo Guanzhong. The broken spell. Transl. by V. Panasyuk; M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983. 440 p. (in Russ.)
5. Storozhuk A.G. Three teachings and culture of China: Confucianism, Buddhism and Taoism in the art of the Tang era. SPb.: Beresta, 2010. 552 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Алексеевна Смирнова

Кафедра алтаистики и китаеведения
Института международных отношений
Казанский федеральный университет
yaanastasia.sm@gmail.com

Рустем Равилович Мухаметзянов

к.ист.наук
Кафедра алтаистики и китаеведения Ин-
ститута международных отношений Ка-
занский федеральный университет

Information about the Author

Anastasiya A. Smirnova

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
yaanastasia.sm@gmail.com

Rustem R. Mukhametzyanov

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan (Volga Region) Federal University

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.03.2022

Одобрена после рецензирования: 20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 10.03.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

Martial arts as a conductor of Eastern spiritual teachings and practices in modern Russia

Боевые искусства как проводник восточных духовных учений и практик в современной России

Лестев Антон Евгеньевич¹

¹ООО «АЕЛ Эксперт», Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

antonlestev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6439-8041>

Lestev A.E. ¹

¹ LLC "AEL Expert", Kazan, Russia

Corresponding author: antonlestev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6439-8041>

УДК 130.2+130.3 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2022-118-126](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-118-126)

АННОТАЦИЯ

Работа написана на основе материалов, которые автор начал собирать для своей диссертации, а также опросов и интервью, проведенных специально для статьи. Целью работы было рассмотрение влияния боевых искусств на религиозные взгляды и на развитие духовности человека. Источниками статьи стали авторские интервью с мастерами боевых искусств, их анкетные данные и личные страницы в социальных сетях на просторах Интернета. Автор использовал также опросный лист, содержащий 10 вопросов. География участников опросов и интервью: г. Казань, г. Москва, г. Южно-Сахалинск. Было опрошено 12 мастеров боевых искусств, являющихся руководителями школ, федераций и организаций с десятками и сотнями учеников. На основе анализа ответов автором сделаны определенные выводы о влиянии занятий боевыми искусствами на

ABSTRACT

The work is written on the basis of materials that the author began to collect for his dissertation, as well as surveys and interviews conducted specifically for the article. The purpose of the work was to consider the influence of martial arts on religious views and on the development of human spirituality. The sources of the article were the author's interviews with martial artists, their personal data and personal pages on social networks on the Internet. The author also used a questionnaire containing 10 questions. Geography of survey and interview participants: Kazan, Moscow, Yuzhno-Sakhalinsk. We interviewed 12 martial artists who are leaders of schools, federations and organizations with tens and hundreds of students. Based on the analysis of the responses, the author made certain conclusions about the impact of martial arts on interest in spiritual practices and religious teachings of the East, while also noting the positive

интерес духовным практикам и религиозным учениями Востока, при этом также отмечалось положительное влияние боевых искусств на лояльность к традиционным для России религиям.

Ключевые слова: боевые искусства, восточные духовные практики, религиозность, духовность, буддизм, православие

Для цитирования: Лестев А.Е. Боевые искусства как проводник восточных духовных учений и практик в современной России. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (2). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-118-126>

Боевые искусства являются важной частью нематериального мирового культурного наследия, продолжающего оказывать существенное влияние на формирование мировоззрения и воспитание личности. Значение боевых искусств для современной России крайне недооценено. По данным Российского союза боевых искусств на 2013 год разного рода единоборствами и боевыми искусствами только в России занималось около 4,5 млн. человек [РСБИ, 2013]. Реальная же цифра значительно выше, а если прибавить сюда всех, кто когда-либо занимался и на кого боевые искусства оказали влияние в жизни, цифра будет в несколько раз больше. Боевые искусства для восточноазиатских стран стали средством экспорта своей культуры в мир, а это значит увеличение потока туристов, интереса к товарам, книгам и фильмам, улучшение имиджа данных стран на мировой арене. Боевые искусства про-

impact of martial arts on loyalty to traditional Russian religions.

Keywords: martial arts, Eastern spiritual practices, religiosity, spirituality, Buddhism, Orthodoxy

For citation: Lestev A.E. Martial arts as a conductor of Eastern spiritual teachings and practices in modern Russia. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (2). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2022-118-126>

должают оказывать огромное влияние на мировую культуру и на становление конкретных личностей, среди которых: российские политические и общественные деятели: Владимир Владимирович Путин (Президент Российской Федерации) изучал дзюдо (6-й дан), Юрий Петрович Трутнев (вице-премьер, полпред в Дальневосточном Федеральном округе) изучал каратэ (5-й дан), Сергей Владиленович Кириенко (генеральный директор Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом») изучал айкидо (4-й дан) и многие-многие другие. В.В. Путин выступил даже в качестве соавтора книги «Дзюдо: история, теория, практика» и обучающего видеофильма. Для большинства последователей боевые искусства становятся проводниками восточной культуры, люди начинают изучать историю, философию, религиозные основы боевых искусств, многие начинают изучать иностранные языки для общения

со своими учителями, а некоторые даже меняют свои религиозные взгляды. По этому повод доктор философских наук Д.И. Дубровский писал: «Изучение восточных единоборств — одна из форм приобщения к восточной культуре, способная оказывать благотворное влияние, обогащать новыми знаниями и ценностями» [Дубровский, 2011, 158]. Именно влияние восточных боевых искусств на формирование религиозных взглядов и духовность российских последователей мы и рассмотрим в данной статье. В качестве репрезентативной группы выбраны мастера восточных боевых искусств, с которыми автор статьи знаком лично. Выбор такой репрезентативной группы обусловлен тем, что именно мастера, являясь преподавателями, оказывают влияние на своих учеников, являются для них примером и авто-

ритетом, именно под воздействием учителей формируется мировоззрение учеников. По этой причине для исследования выбраны именно преподаватели боевых искусств с устоявшимися мировоззрением и религиозными взглядами. В качестве методов сбора информации были использованы: интервьюирование, изучение анкетных данных и личных страниц в социальных сетях Интернета (рис. 1), а также анализ ответов опросного листа.

Мастерам боевых искусств было предложено ответить на 10 вопросов:

- 1) Последователем какой религии вы себя считаете?
- 2) Соблюдаете ли вы религиозные ритуалы, посты ?
- 3) Какое у вас отношение к буддизму?
- 4) Какое у вас отношение к синтоизму?
- 5) Какое у вас отношение к даосизму?
- 6) Являетесь ли вы сторонником одного из восточных духовных учений (буддизма, даосизма)?
- 7) Как вы считаете: можно ли будучи православным (или мусульманином) являться также последователем буддизма (или другого восточного учения)?
- 8) Читали ли вы специальную литературу по восточным духовным учениям?
- 9) Повлияла ли ваша практика боевых искусств на ваши религиозные и духовные взгляды?

Образование

ВУЗ:	КГУ им. Ульянова-Ленина
Факультет:	Биолого-почвенный
Кафедра:	Физиологии человека и животных
Форма обучения:	Дневное отделение
Статус:	Выпускник (специалист)

Жизненная позиция

Полит. предпочтения:	Умеренные
Мировоззрение:	Синто, буддизм.

Личная информация

Деятельность:	Инструктор (самурайские боевые искусства, самооборона)
Интересы:	Боевые искусства, история средневековая, древнего мира, военная история Японии, российская история, хатха йога, крия йога, Индия, Тибет, синто, мисоги, медитация, цигун, буддизм, даосизм, ведические традиции, аюрведа, здоровый образ жизни

Рис. 1. Пример страницы с личной информацией инструктора боевых искусств в социальной сети «ВКонтакте».

Fig. 1. An example of a page with personal information of a martial arts instructor on the Vkontakte social network.

10) Как вы относитесь к тому, когда вам навязывают определенное поведение или взгляды, характерные, по общему мнению, для христианина или мусульманина?

Среди опрошенных оказались: президент Российской организации «Шидокан» — Роберт Хатмуллин (5-й дан каратэ Шидокан), Руководитель Российского шибу Nihon-den-jujutsu Academy [Т] — Ярослав Содрицов (5-й дан айкибудо, 5-й дан Тэнсин Сёден Катори Синто рю, 2-й дан дзюдзюцу), Президент Ассоциации Рюдэнкай Будо — Роман Асеев (5-й дан айкибудо, 5-й дан Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю, 3-й дан дзюдзюцу), Вице-президент Ассоциации Рюдэнкай Будо — Денис Эйдинов (5-й дан айкидо, 2-й дан дзюдзюцу, 2-й дан Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю, 1-й дан Сётокан каратэ), Павел Лукманов (2-й дан Хокку син корю дзюдзюцу), руководитель школы «Цветущей Весны» винчун — сифу Дамир Хасанов, Регина Ситдикова (2-й дан каратэ фудокан), Антон Лестев (1-й дан айкидо) и еще три человека, пожелавших остаться инкогнито. Стоит добавить, что все опрошенные имеют высшее образование.

Перед анализом ответов мы должны определиться в терминах. Духовность мы понимаем как высшую деятельность души, устремленность к божественному, морально-нравственному совершенству, преображению души. Религия — это определенное мировоззрение, а также поведение, основанное на вере в сверхъестественную силу (Бога или божеств), а также определенный общественный институт, объединенный этой верой. Поскольку никто из опрошенных не является членом восточной

религиозной общины (определенного общественного института), а некоторые даже не считают буддизм, даосизм и синтоизм религиями, то для их описания мы использовали понятие духовное учение, т.е. учение, ведущее к проявлению духовности.

Среди опрошенных пять человек исповедуют православие, два человека — мусульманство, пять человек не считают себя последователями какой-либо религии. Результаты опроса в части вопросов отношения к восточным духовным учениям показали, что никто из опрошенных не высказался по отношению к ним отрицательно, подавляющее большинство относится к ним лояльно (десять человек), из которых семь считают себя в той или иной степени последователями восточных учений, двое — нейтрально. Также очень интересными представляются ответы на вопрос № 9: абсолютно все опрошенные ответили, что боевые искусства оказали влияние на формирование духа, мировоззрения и морально-нравственных ценностей, а некоторые прямо сказали на формирование «духовности», отличая это понятие от религиозности. Для примера приведем ответ Романа Георгиевича Асеева: «На религиозные не повлияла никак. А вот становление духа и практика Будо неразрывны». Ответы на вопрос № 10 показали, как и следовало ожидать, независимость суждений опрошенных и их отрицательное отношение к любому навязыванию взглядов. Показательно, что практически все отметили необходимость соблюдения норм приличия и правил, установленных в определенном религиозном учреждении при его посещении, а также готовность следовать установленным

правилам и, в случае чего, исправить ошибку. Все опрошенные ответили утвердительно на вопрос № 8, очевидно, что абсолютно все, как минимум, проявили интерес к восточным духовным учениям. Многие мастера боевых искусств воспринимают буддизм не как религию, а как философско-нравственное учение, обогащенное психопрактиками, направленными на самосовершенствование. Вопрос № 7 разделил участников опроса: ровно половина ответила, что нельзя быть последователем двух религий одновременно, вторая половина же отметила, что можно разделять философские и морально-нравственные аспекты, а также психопрактики нескольких религий, в этой связи интересно привести в пример ответ сэнсэя Ярослава Содрицова: «Все ограничения находятся в голове того, кто выбирает. Кто выбирает — тот ограничен. Кто не выбирает — тому принадлежит весь мир».

Практика боевых искусств помогла некоторым опрошенным прийти к более глубокому пониманию православия. Павел Лукманов написал: «Мне кажется, практика боевых искусств подтолкнула меня к пониманию / переосмыслению православия». Дело в том, что постоянная практика боевых искусств подталкивает человека к размышлениям, для того, чтобы совершенствоваться человек должен размышлять над своим опытом, искать способы самосовершенствования – это ведет человека к духовному поиску, новому осмыслению окружающего мира. Среди известных православных мастеров боевых искусств стоит отметить Федора Емельяненко, а также Андрея Коцергина. В некоторых своих аспектах филосо-

фия боевых искусств (будо) подходит вплотную к христианской философии. Известный мастер айкидо Сёдзи Нисио писал: «Сегодня в айки моё оружие почти не касается оружия противника. Я пытаюсь использовать свои меч и дзё для контроля над противником за миг до того, как наше оружие встретится. Это отказ от поражающего удара и воплощение формы, которая выводит на путь примирения. Айкидо — это «юрусу будо», будо приятия, будо прощения, будо освобождения» [Нисио, 2011, 7]. Мы видим, что эта философия крайне близка христианскому пониманию прощения. Сегодня христианский принцип «если тебя ударили по левой щеке, подставь правую» зачастую не может быть реализован обычными людьми. Они никак не могут избежать удара по левой щеке и тем более, даже если захотят, не смогут избежать удара и по правой щеке. Это отсутствие выбора ведет к ожесточению и внутреннему разложению, дело в том, что у людей просто нет сил, ни помешать как-то, ни тем более простить. В этом случае именно мастера боевых искусств, обладающие действительно страшным оружием в виде своего искусства реализуют данный принцип на практике. Практически в каждом японском боевом искусстве существует философский принцип ненападения, предлагаю еще одну цитату сэнсэя Нисио: «Меч айкидо не предназначен для поражающего удара. Возможность нанести поражающий удар сохраняется всегда. Однако это было бы преступлением. Меч айкидо — меч очищения, он освобождает обе стороны от нечистоты» [Нисио, 2011, 26]. Не стоит рассматривать этот принцип только с точки зрения физического

столкновения, люди, научившиеся такой степени самоконтроля и отказавшиеся от агрессии, смогут запросто воплотить принцип принятия и прощения в любой жизненной ситуации. Стоит отметить, что философия сэнсэя Нисио основана именно на его буддистских взглядах, а также на учении Основателя айкидо Уэсиба Морихэй, который являлся последователем синкретического учения Омото-кё. В данном случае роль учителя трудно переоценить. Когда в Россию приезжают великие мастера боевых искусств, которые воплощают в себе силу, скромность, мудрость и спокойствие, которые при этом демонстрируют это все на практике, то они, безусловно, завоевывают сердца российских последователей. Философия восточных боевых искусств основана именно на восточных духовных и религиозных учениях, поэтому так или иначе российские последователи боевых искусств соприкасаются с восточной религиозной традицией. К переосмыслению православия зачастую приходят также через погружение в философские основы боевых искусств. Смею предположить, что под влиянием философии боевых искусств человек начинает осознавать, что религиозное учение может быть не просто набором правил и сказок о трансцендентном, но и несет в себе практический смысл духовного самосовершенствования. Однако пропасть между культурами не дает человеку полностью идентифицировать себя как последователя восточного религиозного учения. И здесь вероятны два выхода: принятие философии и морально-нравственной составляющей учения без веры в сонмы индуистских, китайских и японских божеств, либо воз-

вращение к более близкой в культурном смысле духовной традиции, в данном случае к православии. Безусловно, существует и такие, кто сумел глубоко проникнуть в суть какой-либо восточной культуры, и принял восточное религиозное учение во всем его объеме. Примером глубокого понимания предмета может служить статья сэнсэя Ярослава Содрицова «История Катори», в которой он исследовал историко-философскую основу учения школы Тэнсин Сёден Катори Синто рю. Именно в этой школе боевых искусств сохранились многие шаманские и эзотерические практики, например, кудзи-ноин («написание девяти символов, или девяти знаков»), являющееся частью миккё («тайного учения») буддистской школы Сингон.

Наиболее популярным восточным учением является буддизм, а среди последователей боевых искусств — буддистская секта дзэн. Это связано с широким распространением дзэн-буддизма среди японских буси (воинов). Сегодня в некоторых дзэнских монастырях наряду с традиционными медитациями и работой, практикуются также боевые искусства школ как Ягю Синкагэ рю и Муто рю. Один из главных мастеров направления Нисио будо Тэцудзё Фукуэ является главным настоятелем одного из буддистских монастырей секты Сингон. Неудивительно, что российские ученики вслед за своими японскими учителями приходят к буддизму. В качестве примера приведем фрагмент интервью с сэнсэем Денисом Эйдиновым: «В 17 лет я занялся классическим каратэ. Мой первый сэнсэй всегда был человеком начитанным, и однажды после тренировки речь зашла о дзэн, я где-то услышал это слово и спросил

его, и тут сэнсэй начал рассказывать мне, что такое буддизм, почему мы сидим перед тренировкой с закрытыми глазами и почему мы должны делать все осознанно. Этот рассказ мне настолько понравился, что я начал усиленно искать информацию на эту тему. Мало того, что я стал интересоваться этим, но я начал и насаждать это в среде своих друзей». Сэнсэй Денис Эйдинов долго практиковал дзадзэн (медитацию) и даже несколько раз переживал состояния сатори (просветления). В настоящий момент сэнсэй Эйдинов говорит, что практика боевых искусств является для него определенной формой динамической медитации.

Все, принимавшие участие в опросах и интервью, мастера имеют десятки или даже сотни учеников. На примере приведенного материала видно, что боевые искусства являются средством воспитания духовности, как сами по себе, так и являясь проводником восточных духовных учений и практик. В результате эволюционного развития воинской культуры Японии в практике боевых искусств соседствуют ритуалы и элементы шаманской традиции, методы дзэн-буддизма, эзотерической школы Сингон и различные философские концепции. Привнесение этих культурных элементов в Россию лишь обогащает русскую культуру и приводит к более глубокому пониманию собственной культуры. В настоящее время боевые искусства являются эффективным способом воспитания гармоничной личности, средством самореализации и самосовершенствования человека, боевые искусства помогают избежать инфантильности и уберечь человека от радикализации и экстремизма. Известно, что на Кавказе

сегодня единоборства и спорт являются важной составляющей для самореализации юношей, однако спортивные единоборства не имеют в своей основе прочной духовной и философской базы и не оказывают в должной мере влияние на формирование духовности. В отличие от спортивных единоборств восточные боевые искусства предлагают комплексную систему воспитания человека, где одной из главных задач является воспитание духовности человека. Характерно, что такой позиции придерживается и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, газета «Взгляд» передает его позицию следующим образом: «На примере мастеров восточных единоборств современный человек, который стремится к большему комфорту в жизни, может воочию убедиться, как самоограничение воспитывает силу духа и позволяет достойно противостоять жизненным испытаниям, заявил в среду патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с настоятелем монастыря Шаолинь Ши Юнсинем» [Взгляд, 2013].

Список литературы

1. Патриарх Кирилл призвал молодежь познакомиться с опытом шаолиньских монахов. Деловая газета «Взгляд», 2013. <http://www.vz.ru/news/2013/9/5/648723.html>. (дата обращения 10.10.2013).
2. Дубровский Д.И. Послесловие. Великий учитель Гитин Фунакоси // Каратэ-до. Мой жизненный путь. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
3. Нисио С. Айкидо – юрису будо. Москва:

Издательство «Эннеагон Пресс», 2011.

4. РСБИ 2013 – О Российском Союзе Боевых Искусств. 2013. <http://www.rsbi.ru/about> (дата обращения 10.10.2013).

References

1. Patriarch Kirill called on the youth to get acquainted with the experience of Shaolin monks. Business newspaper "Vzglyad", 2013. <http://www.vz.ru/news/2013/9/5/648723.html>. (accessed 10.10.2013). (In Russ.)
2. Dubrovsky D.I. Afterword. Great teacher Gichin Funakoshi // Karate-do. My life path. Moscow: "Kanon +" ROOI "Reabilitasiya", 2011. (In Russ.)
3. Nishio S. Aikido - yurusu budo. Moscow: Enneagon Press Publishing House, 2011. (In Russ.)
4. RSBI 2013 - About the Russian Union of Martial Arts. 2013. <http://www.rsbi.ru/about> (accessed 10.10.2013). (In Russ.)

Сведения об авторе

Лестев Антон Евгеньевич

Кандидат исторических наук

ООО «АЕЛ Эксперт»

Казань

antonlestev@mail.ru

Information about the Author

Anton E. Lestev

Candidate of Historical Sciences

LLC "AEL Expert"

Kazan

antonlestev@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2022

Одобрена после рецензирования:

20.04.2022

Принята к публикации: 30.04.2022

Information about the article

The article was submitted: 14.03.2022

Approved after reviewing: 20.04.2022

Accepted for publication: 30.04.2022

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании**

**«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещение основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная.

Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редакционной коллегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях.

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учре-

ждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура пол-

ного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на рус-

ском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название статьи. Название журнала, где*

была издана статья. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-
бавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок Chicago, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-
бавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»**

(**“Contribution of the authors:”**). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;

approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация. Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова. (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract. Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords. Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

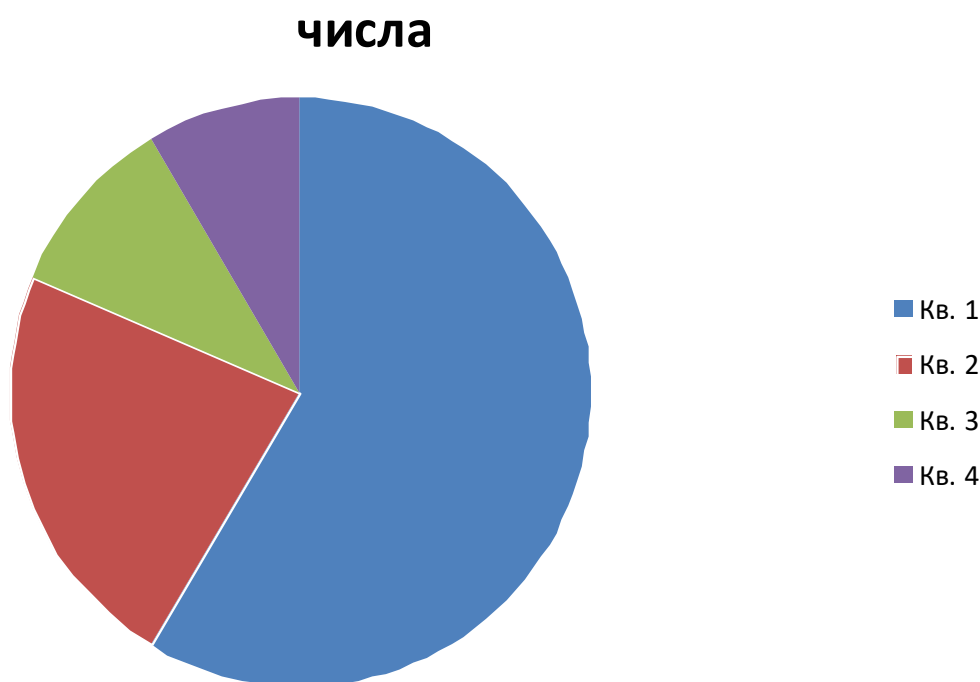

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

This image shows a full page of blank white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page, providing a template for writing or drawing. There are no margins, text, or other markings present.